

ВТОРАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
АРХЕОЛОГОВ СССР В ХЕРСОНЕСЕ

10—13 СЕНТЯБРЯ 1927 ГОДА

ПО СЛУЧАЮ СТОЛЕТИЯ
ХЕРСОНЕССКИХ РАСКОПОК
(1827—1927)

ИЗДАНИЕ ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ
СЕВАСТОПОЛЬ
1927

ИЗДАНИЯ ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ:

- Что такое Херсонес?** Популярная листовка. 1926, 2-е издание. Цена 20 к.
- К. Э. Гриневич**—Иллюстрированный путеводитель по Херсонесу. 1926, 160 стр., 24 рис.
Цена 50 к.
- Херсонесский Сборник**, вып. I, 1926, с 43 рис.—К. Э. Гриневич—Стены Херсонеса, I:
Подстенный склеп № 1012 и ворота Херсонеса. Цена 1 р. 35 к.
- К. Э. Гриневич**—Опыт методологии археологической науки, 1926 (издание автора). Цена 1 р.
- Сто лет херсонесских раскопок (1827—1927)** с рис. и экскурс. планом. Цена 1 р.
- Херсонесский Сборник**, вып. II, in 4° с 4 табл. и рисунками. Севаст. 1927. Цена 12 р.;
в переплете и на лучшей бумаге цена 15 р.
- Вторая Конференция археологов СССР в Херсонесе.** Цена 2 р.
- Серия открытых писем** с видами Херсонесского городища и музея.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

- Херсонесский Сборник**, вып. III (Восточная часть Херсонесского городища).
- Путеводитель по древностям Гераклейского полуострова** (с картой).



902.6/2264	
B-87	Z 2121
Вторая Конференция археологов СССР...	
10-13 сент. 1927	
1927	

Z 2121 16 K



Рис. 1. Общая группа делегатов Херсонесской Конференции.

ВТОРАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
АРХЕОЛОГОВ СССР В ХЕРСОНЕСЕ
10—13 СЕНТЯБРЯ 1927 ГОДА

ПО СЛУЧАЮ СТОЛЕТИЯ
ХЕРСОНЕССКИХ РАСКОПОК
(1827—1927)

ИЗДАНИЕ ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ
СЕВАСТОПОЛЬ
1927

Печатается по постановлению Пленума Конференции

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. Н. ДЕРЕВИЦКИЙ

К. Э. ГРИНЕВИЧ

Н. Л. ЭРНСТ

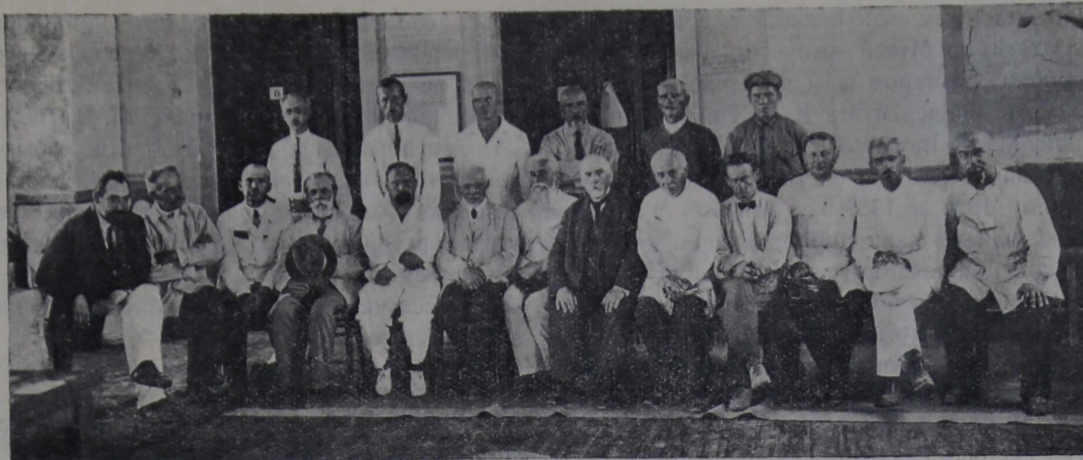


Рис. 2. Президиум Конференции.

Сидят (слева направо): О. Ф. Вальдгауэр, Н. Е. Макаренко, К. Э. Гриневиц, В. П. Бузескул, Ф. Н. Петров, председатель Конференции С. Ф. Платонов, А. И. Маркевич, Н. И. Новосадский, В. А. Городцов, Л. Я. Вайнер, А. С. Федоровский, И. Н. Бороздин, В. М. Зуммер. Стоят (слева направо): Н. Д. Протасов, Н. Л. Эрнст, Г. Д. Белов, А. Н. Деревницкий, Н. З. Федоров и т. Видинский.

I. ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ЮБИЛЕЙНОГО ТОРЖЕСТВА И КОНФЕРЕНЦИИ

(доложено на организационно-учредительном собрании Конференции 9/IX).

I. В начале 1927 года в Москве, Симферополе и Севастополе были созданы особые комиссии для обсуждения вопросов, связанных с организацией торжественного празднования столетия херсонесских раскопок, а также созыва в Херсонесе Конференции археологов СССР. Московская Комиссия, назначенная распоряжением по Главнауке от 15 февраля 1927 г. (за № 26), состояла из председателя *Б. С. Жукова* и членов *В. А. Городцова*, *Б. В. Фармаковского*, *Д. В. Айналова*, *К. Э. Гриневица*, *Н. Д. Протасова*, *Н. И. Новосадского*, *Б. Н. Засыпкина* и *С. П. Григорова*. Она имела всего 3 заседания, на которых был обсужден план празднования, проект созыва Научного Сопровождающего по вопросам херсонесской археологии, впоследствии переименованного во II Конференцию археологов СССР, список приглашаемых и вопрос о юбилейном издании. Было решено, что Главнаука отнесет на свой счет издание юбилейного сборника, а проведение Конференции возьмет на себя всецело Крымнаркомпрос.

Симферопольская Организационная Комиссия была утверждена Коллегией Крымнаркомпроса 5 марта 1927 г. в составе *И. П. Бирзгала*, *У. Боданинского*, *П. И. Голландского*, *К. Э. Гриневица*, *А. Н. Деревницкого*, *А. И. Маркевича*, *Ю. Ю. Марти*, *Д. С. Спиридонова* и *Н. Л. Эрнста*. Она имела всего 4 заседания, на которых была первоначально обсуждена программа Конференции, утвержденная затем в Москве, заслушан и одобрен текст юбилейной брошюры „Сто лет херсонесских раскопок“, составленной *К. Э. Гриневицем*.

В Севастополе Президиумом Райисполкома, по докладу *К. Э. Гриневица* о предстоящем юбилее, была также образована Организационная Комиссия для выработки и проведения в жизнь более тесной увязки с местными организациями в целях наилучшего выполнения плана проведения Конференции и всего торжества.

Комиссия была образована под председательством Зампредисполкома *Х. К. Циммера* в составе *В. С. Торопова*, *К. Э. Гриневица*, *К. И. Гриневица* (из ОНО), *В. В. Красникова*, представителей Красной Армии и Красного Черноморского Флота. Севастопольская Комиссия имела всего 4 заседания, на которых были обсуждены и вырешены важнейшие хозяйственно-административные меры, связанные с техникой проведения Конференции.

Кроме того, на долю Херсонесского Музея выпала вся техническая подготовка и обслуживание нужд Конференции, а также издание юбилейной брошюры. Вследствие некоторых

непредвиденных осложнений в издании юбилейного сборника, от последнего пришлось отказаться, но Музей выпустил к юбилейным дням очередной (2-ой) выпуск „Херсонесского Сборника“ размером в 37 печатных листов. Силами практикантов музея—студентов Ленинградского Университета В. Ф. Гайдукевича, С. В. Трончинского, И. И. Мирвис, Н. В. Петошиной, М. П. Ваулиной, А. Г. Именитовой и А. И. Семенова была развернута в б. соборе юбилейная выставка, состоявшая из двух отделов: зал Гераклеяского полуострова и зал раскопок 1926 и 1927 гг. Эти же лица принимали самое близкое участие в устройстве средневекового лапидария в верхнем этаже собора и в организации обслуживания делегатов Конференции (заведывали автомобильными перебросками делегатов на обед и обратно, порядком бесперебойной отправки делегатов, отъезжавших на север, устройством экскурсии по Гераклеяскому полуострову и проч.)

II. Организационно-учредительное собрание Конференции, созванное накануне ее открытия 9 сентября, приняло следующие решения:

1) В виду наличия большого числа докладов работу Конференции разделить между двумя секциями—*Херсонесской* и *Секцией Общей Археологии*.

2) Порядок заседаний принять следующий: вести работу по секциям с 10 часов утра до 2 часов дня и, после обеденного перерыва,—с 5 часов до 9 часов вечера; первое торжественное заседание назначить 10 сентября в зале Горсовета в 6 часов вечера совместно с партийными, советскими, профессиональными и военными организациями Крыма и Севастополя; на повестку дня этого заседания, кроме выслушания приветствий от делегаций, поставить отчетный доклад директора Херсонесского Музея К. Э. Гриневича: „Сто лет херсонесских раскопок“. Утром 10 сентября для делегатов организовать экскурсию в музей и на выставку, а также на городище.

3) Симферопольская Комиссия предложила следующий список членов Президиума Конференции, который целиком был принят собранием: Начальник Главнауки РСФСР Ф. Н. Петров, Нарком Просвещения КрАССР У. Балич, акад. С. Ф. Платонов, акад. В. П. Бузескул, директор Херсонесского Музея К. Э. Гриневич, проф. В. А. Городцов, проф. Н. И. Новосадский, проф. О. Ф. Вальдгауэр, проф. А. Н. Деревницкий, А. И. Маркевич, проф. А. С. Федоровский, проф. Н. Е. Макаренко, проф. И. Н. Бороздин, проф. Ю. В. Готье, проф. Н. Д. Протасов, И. П. Бирзгал, Ю. Ю. Марти и секретари—проф. В. М. Зуммер, Н. Л. Эрнст и Г. Д. Белов. Председателем Конференции был избран акад. С. Ф. Платонов; заместителями председателя—А. И. Маркевич и К. Э. Гриневич; генеральным секретарем—А. С. Федоровский; председателем Херсонесской Секции—акад. В. П. Бузескул, а за его отказом—Н. И. Новосадский, заместителем председателя—О. Ф. Вальдгауэр; председателем Секции Общей Археологии—В. А. Городцов, заместителем председателя—И. Н. Бороздин.

Членов Конференции, делегированных от разных организаций, было зарегистрировано Мандатною Комиссиею 88. Были представлены четыре республики СССР, а именно: РСФСР, УССР, БССР и ЗакССР, причем из РСФСР прибыло 76 делегатов, в том числе из КрАССР—48, из УССР—8, из ЗакССР—1 и БССР—1.

Было представлено 20 городов Союза. Наибольшим числом делегатов представлены: Симферополь—19, Севастополь—18, Москва—16, Ленинград—10.

Приняли участие в Конференции через свои делегации 57 учреждений и организаций. Наибольшим числом делегатов представлены: Таврическое Общество Истории, Археологии и Этнографии (8 дел.), Севастопольский Музей Краеведения (6 дел.).

СПИСОК ЧЛЕНОВ КОНФЕРЕНЦИИ ¹⁾.

1. *Акчокраклы, Осман*. Бахчисарай. Музей-дворец.
2. *Андрейченко, Евгений Петрович*. Севастополь. II Гостипография Крымполиграфтреста.
3. *Анциферов, Николай Павлович*. Ленинград. Центр. Бюро Краеведения.
4. *Бабенчиков, Владимир Петрович*. Севастополь, Военно-Исторический Музей.
5. *Бабенчиков, Павел Петрович*. Севастополь. Музей Краеведения.

¹⁾ При именах членов в списке приведены названия учреждений, конми они были делегированы.

6. *Балич, Уссейн*. Симферополь. КрымЦИК и Крымнаркомпрос. Народный Комиссар по Просв. Крыма.
7. *Баранова, Людмила Михайловна*. Москва. Исторический Музей.
8. *Барсамов, Николай Степанович*. Феодосия. Музей.
9. *Белов, Григорий Дмитриевич*. Севастополь. Херсонесский Музей.
10. *Берестовский, Федот Степанович*. Сев. Отд. Крымполиграфтреста.
11. *Бернштамм, Александр Натанович*. Севастополь. Музей Краеведения.
12. *Бирзгал, Иван Петрович*. Симферополь. Крымнаркомпрос.
13. *Боданинский, Уссейн*. Бахчисарай. Музей-дворец.
14. *Бонч-Осмоловский, Глеб Анатолиевич*. Ленинград. Русский Музей.
15. *Бороздин, Илья Николаевич*. Москва. Научная Ассоциация Востоковедения при ЦИК СССР и Всесоюзное Общество Культ. Связи с заграницей.
16. *Бузескул, Владислав Петрович*, акад. Ленинград. Академия Наук СССР.
17. *Вайнер, Лазарь Яковлевич*. Москва. Музейный Отдел Главнауки Наркомпроса РСФСР.
18. *Вальдгауэр, Оскар Фердинандович*. Ленинград. Гос. Эрмитаж. Институт Ист. Иск. Ленингр. Университет.
19. *Василевский, Николай Николаевич*. Симферополь. Тавр. О-во Истории, Археол. и Этногр.
20. *Воронин, Дмитрий Иванович*. Севрайком ВКП(б).
21. *Вязьмитина, Мария Ивановна*. Киев. Музей Искусств при Всеукр. Академии Наук.
22. *Гагарин, Агафангел Дмитриевич*. Москва. Главнаука Наркомпроса РСФСР.
23. *Гелах, Тарасий Федорович*. Ленинград. Гос. Университет.
24. *Голландский, Павел Иванович*. Симферополь. Крымнаркомпрос и Центр. Музей Тавриды.
25. *Гордеев, Дмитрий Петрович*. Тифлис. Кавказский Ист.-Арх. Институт Академии Наук.
26. *Городцов, Василий Алексеевич*. Москва. Историч. Музей, I МГУ, Ассоциация Научно-Исслед. Институтов.
27. *Готье, Юрий Владимирович*. Москва. Историч. Музей и Всесоюзная Библ. им. Ленина в Москве.
28. *Гриневич, Константин Эдуардович*. Севастополь. Херсонесский Музей.
29. *Гриневич, Козьма Илларионович*. СевОНО.
30. *Денисевич, Анна Яковлевна*. Евпатория. Музей.
31. *Двойченко, Петр Аврамьевич*. Симферополь. Крымское Общество Естествоиспытателей.
32. *Деревицкий, Алексей Николаевич*. Симферополь. Крымская Секция Научных Работников Союза Всерабпрос.
33. *Забнин, Сергей Иванович*. Симферополь. Тавр. Общество Ист., Археологии и Этногр.
34. *Заболоцкий, Петр Никифорович*. Феодосия. Музей.
35. *Захаров, Алексей Алексеевич*. Москва. Историч. Музей, Научно-Исследов. Институт Археологии и Искусствознания, I МГУ.
36. *Захаров, Николай Алексеевич*. Краснодар. Кубанский Педагогический Институт.
37. *Золотарев, Давид Алексеевич*. Ленинград. Центр. Бюро Краевед. и Русский Музей.
38. *Зуммер, Всеволод Михайлович*. Киев-Баку. Историч. Общество Нестора-Летописца.
39. *Иванов, Евгений Эрастович*. Севастополь. Медико-Биолог. Общество и Институт Физич. М тодов Лечения.
40. *Калмыков, Михаил Дмитриевич*. Симферополь. Крымская Секция Научн. Работн.
41. *Кацур, Николай Петрович*. Севастополь. Музей Краеведения.
42. *Корнев, Анатолий Григорьевич*. Ялта. Художественный Музей.
43. *Красников, Владимир Васильевич*. СевРайпрофбюро.
44. *Кудь-Белова, Любовь Николаевна*. Севастополь. Херсонесский Музей.
45. *Левин, Федор Маркович*. Симферополь. Крымский Областной Комитет ВКП(б).
46. *Люблинский, Владимир Сергеевич*. Ленинград. Публичная Библиотека.
47. *Макаренко, Николай Емельянович*. Киев. Всеукраинский Археол. Комитет при Всеукраинской Академии Наук.
48. *Маркевич, Арсений Иванович*. Симферополь. Тавр. О-во Ист., Археолог. и Этногр.
49. *Марти, Юлий Юльевич*. Керчь. Музей.
50. *Недо, Петр Георгиевич*. Севастополь. II Гостипография Крымполиграфтреста.
51. *Некрасов, Алексей Иванович*. Москва. I МГУ.
52. *Никольский, Петр Васильевич*. Симферополь. Таврич. О-во Ист., Арх. и Этногр.
53. *Новосадский, Николай Иванович*. Москва. Наркомпрос РСФСР и I МГУ.
54. *Оксман, Эмануил Григорьевич*. Одесса. Историко-Археологич. Музей.
55. *Окунев, Оскар Андреевич*. Севастополь. Музей Краеведения.
56. *Пархоменко, Владимир Андреевич*. Днепропетровск. Музей.
57. *Первушина-Степанова, Зинаида Алексеевна*. Москва. Историч. Музей.
58. *Петров, Федор Николаевич*. Москва. Начальник Главнауки Наркомпроса РСФСР.
59. *Петухов, Евгений Вячеславович*. Симферополь. Крымский Педагогический Институт и Таврическое Общество Истории, Археологии и Этнографии.

60. *Платонов, Сергей Федорович*, акад. Ленинград. Академия Наук СССР.
61. *Полканов, Александр Иванович*. Симферополь. Центр. Музей Тавриды и ОПИК.
62. *Протасов, Николай Дмитриевич*. Москва. Историч. Музей, I МГУ, Научно-Исслед. Инст. Археол. и Искусств и Моск. Секция Академии ИМК.
63. *Попов, Сергей Платонович*. Симферополь. Крымский Научно-Исслед. Институт.
64. *Репников, Николай Иванович*. Ленинград.
65. *Рыбакова, Мария Ивановна*. Москва. Коммунистич. Академия.
66. *Саксаганская, Лидия Давыдовна*. Севастополь. II Гостинография Крымполиграфтреста.
67. *Семенов, Александр Игнатьевич*. Новгород. Новгород. Музейный Губ. Комитет.
68. *Сердюков, Демьян Яковлевич*. Мелитополь. Музей.
69. *Смирнов, Алексей Петрович*. Ленинград. Гос. Академия Ист. Мат. Культуры.
70. *Стржеелецкий, Станислав Францевич*. Севастополь. Музей Краеведения.
71. *Сытина, Ольга Ивановна*. Москва. Исторический Музей.
72. *Тодорский, Константин Иванович*. Симферополь. Тавр. О-во Ист., Арх. и Этнографии.
73. *Торопов, Василий Степанович*. Севастополь. Отд. Нар. Обр.
74. *Фармаковская, Мария Ефимовна*. Севастополь. Херсонесский Музей.
75. *Федоров, Николай Зиновьевич*. Севастополь. Херсонесский Музей.
76. *Федоровский, Александр Семенович*. Харьков. УкрГлавнаука, Всеукр. Археолог. Ком. при Всеукраинской Академии Наук и ИНО.
77. *Филоненко, Виктор Иосифович*. Симферополь. Тавр. О-во Ист., Арх. и Этнографии.
78. *Фомин, Александр Александрович*. Москва, Исторический Музей.
79. *Франк, Михаил Львович*. Симферополь. Крымский Педагогич. Институт.
80. *Циммер, Христиан Карлович*. Севастополь. Зампред Районного Исполн. Комитета и Горсовета.
81. *Чепурина, Полина Яковлевна*. Евпатория. Музей.
82. *Шейх-Заде, М. В.* Бахчисарай. Музей-дворец.
83. *Ширяев, Сергей Дмитриевич*. Алушка. Музей-дворец.
84. *Штифтар, Владимир Федорович*. Евпатория. Отделение О-ва по изуч. Крыма.
85. *Щербак, Антоний Петрович*. Сумы. Музей.
86. *Щербаков, Николай Арсеньевич*. Москва. Музей Изящных Искусств.
87. *Эрнст, Николай Львович*. Симферополь. Крымнаркомпрос, Центр. Музей Тавриды и Тавр. О-во Ист., Арх. и Этнографии.
88. *Юницкий, Павел Александрович*. Алушта. Отделение О-ва по изучению Крыма.



Рис. 3. Группа делегатов в ожидании поездки в Севастополь.

II. ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ 10 СЕНТЯБРЯ 1927 ГОДА.

Заседание происходит в Севастополе, в зале Горсовета, при участии всех членов Конференции, многочисленных представителей местных учреждений, партийных, профессиональных и общественных организаций и широких масс населения, при почетном карауле звена юных пионеров.

От имени Главнауки Наркомпроса РСФСР и правительственных органов РСФСР Конференцию открывает Начальник Главнауки *Ф. Н. Петров* и обращается к собранию с приветственной речью:

„Настоящее торжество происходит в знаменательный период. Скоро десять лет Великой Октябрьской Революции. Теперь, когда СССР напрягает все свои усилия, чтобы укрепить завоевания Октября, чтобы перед всем миром выявить свои культурные достижения,—этот Съезд является особенно знаменательным.

„Настоящее научное собрание весьма своеобразно: рядом с академиком, профессором—сидит рабочий и крестьянин, приобщаясь к сокровищам человеческого знания. Это мог сделать только Октябрь. Октябрь сделал доступными широким массам величайшие достижения человеческой культуры. Я не могу не отметить того подъема, который я наблюдал на последней Керченской Археологической Конференции. Между учеными и рабочими содалось тесное духовное единение. Вот почему в СССР научные съезды носят своеобразный характер. Октябрь дал нам новые формы общезития. Они внешне иногда кажутся наивными, но в них—коллективное творчество всех работников физического и умственного труда.

„И теперь мы видим на данном собрании представителей науки и труда.

„Здесь будут обсуждаться специальные вопросы. Археология имеет огромное значение для нас. Эта наука подводит под наши знания материальный фундамент. Изучая памятники прошлого, нам легче строить новые формы социалистического общества.

„Советское Правительство с первого года революции написало на своем знамени: наука и труд—едины. Советское Правительство придает колоссальное значение развитию науки, ибо без науки нельзя строить социализм.

„Несмотря на бедность нашего государства, Советское Правительство находит средства для того, чтобы своими руками охранять памятники. В ряде стран раскопки передаются частным лицам, но мы на это никогда не пойдем, мы не будем продавать и сдавать в аренду памятники нашего прошлого, ибо мы гордимся нашей наукой, нашими учеными, ибо это—часть нашего коллективного творчества.

„И теперь, когда нам угрожают со всех сторон враги, мы все, как один, говорим: „оставьте нас в покое, дайте возможность спокойно строить нашу культуру“. Мы не хотим войны, нет ни одного государства в мире, которое бы так ненавидело войну, как мы; но, если на нас нападут, мы сумеем защитить то, чего мы добились путем нечеловеческих усилий, мы отстоим свое право на жизнь и творчество.

„От имени Главнауки Наркомпроса и правительственных органов РСФСР объявляю II Всесоюзную Археологическую Конференцию открытой“.

В почетный президиум Конференции избираются: тт. Сталин, Калинин, Рыков, Луначарский, Вели-Ибрагимов, Шугу, акад. Н. Я. Марр, проф. М. Н. Покровский, проф. Б. В. Фармаковский, проф. Д. В. Айналов.

В президиум торжественного заседания избираются: Нач. Главнауки РСФСР *Ф. Н. Петров*, Нарком по Просвещению КрАССР *У. Балич*, зам. пред. Севаст. Горрайисполкома *Х. К. Циммер*, представитель Крымского Областного Комитета ВКП(б) *Ф. М. Левин*, секретарь Севаст. Райкома ВКП(б) *Д. И. Воронин*, от Севрайпрофбюро *В. В. Красников*, от Севаст. Райкома ВЛКСМ *Р. М. Собченко*, от Музейного Отдела Главнауки РСФСР *Л. Я. Вайнер*, от Севаст. ГоррайОНО *В. С. Торопов*, от Херсонесского Музея *К. Э. Гриневич* и *Н. З. Федоров*, от Красной Армии *т. Видинский*, от Черноморского флота *т. Лелонг*, от рабочих Морзавода *тт. Грегоренко* и *Азбукин*, а также представители от рабочих Сев. Военного порта, от работниц Севастополя, от юных пионеров *т. Запрягаева* и перечисленные выше члены делового президиума Конференции.

Вслед за этим собрание переходит к заслушиванию приветствий от представителей разных учреждений и отдельных лиц.

У. Балич выступает от имени Крымского Правительства и Крымнаркомпроса с приветствием Конференции и поздравлением Херсонесскому Музею и проводит параллель между тою обстановкою, в которой протекают научные собрания в настоящее время, когда научной мысли обеспечена полная свобода, и тяжелыми условиями прежнего времени, времени царизма, когда над наукою тяготел гнет полицейской цензуры. Он вспоминает, что те помещения, в которых ныне развернуты сокровища древнего Херсонеса, еще не так давно были заняты епископскими покоями и монашескими кельями, что никогда исследование херсонесской старины не производилось с такою нестесненностью и в таком широком масштабе, как именно теперь, и выражает пожелание, чтобы труды Конференции увенчались полным успехом и чтобы работа Музея в дальнейшем непрерывно развивалась и расширялась.

Ф. М. Левин от Крым. Обл. Ком. ВКП(б) обращается к собранию со следующей речью: „Товарищи! Позвольте приветствовать II Всесоюзную Археологическую Конференцию по поручению Крымского Областного Комитета ВКП(б).

„Наша партия всегда внимательно следила за жизнью, работой и успехами ученых. Каждый ваш праздник есть праздник партии, каждая ваша неудача есть наша неудача. Мы переживаем вместе с вами торжество побед и боль поражений. Почему это так? Почему наша партия и в годы гражданской войны, и теперь, в годы строящегося социализма, принимала и принимает все зависящие от нее меры, чтобы облегчить материальное положение ученых и обеспечить поступательное движение науки? Потому, что вся деятельность нашей партии, ее программа тесно связаны с наукой, основываются на добытых ею данных. Владимир Ильич, обращаясь к молодежи, — нашей надежде, нашему будущему, — на III съезде РКСМ говорил, что коммунистом можно стать лишь обогатив свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество. Ленин указывал, что Маркс был величайшим тружеником и ученым. Наконец, сам Ленин был всесторонне образованным человеком, был ученым. Он всегда с величайшим вниманием относился к специалистам науки и техники, учитывая, что только социалистическая система даст простор развитию научной мысли человечества, освободив его от пут классовой борьбы. Поэтому он говорил, что и ученые поймут необходимость борьбы за коммунизм, что агроном, инженер и т. д. придут к признанию коммунизма через данные своей науки.

„На первый взгляд может показаться, что все сказанное не может относиться к такой науке, как археология. Эта область знания уводит исследователя далеко в глубь веков, — настолько далеко, что как будто перестает ощущаться живая связь с современностью. Однако полагать так было бы слишком поверхностным суждением. Мы не можем быть людьми без вчерашнего дня. Мы знаем, что из вчерашнего дня растет день сегодняшний, из сегодняшнего — завтрашний. Вот почему мы говорим: от археологии через историю — к современности! В работе ученого археолога эта нить, этот стержень должны быть основными.

„Мы предъявляем к деятелям науки известные требования. Я сформулирую здесь три из них.

„*Первое требование:* деятели науки должны стать ближе к современности и ее практическим задачам. Есть тысячи случаев, когда знания, касающиеся даже узко специальных областей науки, могут быть использованы для удовлетворения самых неотложных, насущных нужд практической жизни.

„*Второе требование* — применение марксистской методологии в научной работе. Марксистская методология, дав блестящие, исключительные результаты в тех общественных дисциплинах, где она уже была применена, обнаружила свою способность оплодотворять научную мысль во всех областях. Можно со всей ответственностью утверждать, что только выводы, достигнутые с помощью марксистского метода, являются правильными, единственно правильными. Между тем марксистский метод до сих пор еще очень слабо применен в археологии. Использование его в этой области науки есть первейшая задача. Вне марксистского метода нет общественной „химии“, есть общественная „алхимия“.

„Третье требование сводится к установлению теснейшей связи науки и ее деятелей с широчайшими массами рабочих и крестьян. Прежде, до революции, ученый мир представлял собою замкнутую касту, оторванную от почвы, от масс населения. Между ними была своеобразная стена. Эта стена разрушена Октябрьской Революцией, открывшей доступ к знанию широчайшим слоям трудящихся, „архангельским мужикам“. Ученые представляли собою тончайшую культурную прослойку над толщами масс. Между ними была грань. Теперь эта грань будет все более и более стираться. Новые подымающиеся силы, овладевая культурой и знаниями, будут уменьшать эту разницу, которая окончательно уничтожится в коммунистическом строе. Задача ученых ускорить этот процесс, способствовать ему, содействовать приобщению молодежи и взрослых рабочих и крестьян к источникам человеческого знания.

„Вот три требования, три задачи, поставленные самой жизнью рабочего класса, глашатаем и выразителем интересов которого является наша партия. Выражением уверенности в том, что деятели науки будут идти этими путями, позвольте мне закончить мое слово и вторично приветствовать вас от имени Областного Комитета нашей партии в день столетнего юбилея херсонесских раскопок“.

От имени севастопольского Районного Комитета ВКП(б) с приветствием к Конференции и Музею обращается *Д. И. Воронин*. „Сегодня,—говорит он,—Севастополь празднует небывалый праздник: наш город никогда еще не видел в своих стенах такого множества ученых. Рабоче-крестьянские массы с жадностью тянутся к знанию,—эта жажда знания усиливается с каждым днем, не ослабевает и теперь, несмотря на грозные тучи, сгустившиеся над нами. И настоящая Конференция есть образец того, как наши советские ученые приближаются к массам“.

В качестве представителя севастопольского Районного Исполнительного Комитета и Городского Совета, от имени Севастополя и его пролетарского населения приветствует Конференцию и Музей *Х. К. Циммер*.

Приветствие от рабочих и служащих, объединенных в профессиональные союзы, приносит *В. В. Красников*, делегат севастопольского Районного Бюро Профессиональных Союзов, присоединяющий к своей речи просьбу, чтобы участники Конференции прочли ряд лекций для широких рабоче-крестьянских масс города и района.

От имени Красной Армии выступает *т. Видинский*. Он заверяет, что Красная Армия грудью будет отстаивать мирный труд ученых и в заключение шлет Конференции боевой товарищеский привет от своего полка.

От лица юных пионеров говорит *т. Запругаева*, заявляющая, что юная смена готова ревностно учиться, чтобы в свое время стать достойной преемницей старшего поколения.

Представитель Музейного Отдела Главнауки *Л. Я. Вайнер* в своем приветствии, сравнивая положение Херсонеса в 1924 году и сейчас, когда программа музейного строительства целиком выполнена, и Музей вышел на дорогу широкой общественно-научной деятельности, отмечает в деле возрождения Херсонеса большую заслугу директора Музея проф. *К. Э. Гриневича*.

Далее от имени Украинской Главнауки и Харьковского Института Народной Освиги Конференцию и Музей приветствует проф. *А. С. Федоровский*.

За ним *акад. С. Ф. Платонов*—от Академии Наук СССР обращается к собранию со следующей речью:

„Позвольте мне от лица Академии Наук приветствовать собравшихся здесь, в юбилейный год херсонесских раскопок, на научное совещание по вопросам археологии Херсонеса, пожелать Конференции полного и прочного успеха в ее работах и выразить сочувствие и благодарность всем, потрудившимся для ее устройства.

„Настоящее совещание, как и прошлогодняя Конференция археологов в Керчи, проходит под знаком столетней годовщины специальной археологической работы в Крыму. Как в Керчи, так и здесь мы присутствуем на празднике специалистов, торжественно вспоминающих первые шаги их предшественников на поприще планомерной культурной работы

по изучению края, по собиранию, охране и по исследованию исторических памятников, освещающих древнейшие судьбы Крыма. Основание для настоящих ученых торжеств выбрано точное: сто лет со времени основания правительственного музея в Керчи, сто лет со времени первых систематических раскопок Крузе в Херсонесе — даты достоверные, но, правду говоря, специальные и узкие. Вчитываясь в первые страницы истории Крыма под владычеством Российской империи, получаешь такое впечатление, что в наши дни можно было бы торжествовать не только столетие специальной ученой археологической работы в Крыму, но и нечто большее. Двадцатые годы XIX века — это время, когда Крым из окраины исключительно правительственного, казенного и военного ведения обратился в область, привлекающую к себе общественный напряженный и разносторонний интерес. Именно столетие тому назад частная (если можно так выразиться, вольная, свободная) наука и литература обратили свои взоры на Крым, стали его изучать, описывать и воспевать и таким образом ввели в оборот культурной русской жизни красоты природы и сокровища истории Крыма.

„Надобно признать, что правительство Екатерины II в годы присоединения Крыма сознательно отнеслось к своим задачам по отношению к приобретаемому краю и начало его изучать еще до формального подчинения. Уже в 1772 г. в распоряжении русских был „аккуратный (т.-е. точный) план положения Ахтиарской гавани с лежащими при оной древними городами Ахтиаром и Херсоном“ (т.-е. с будущим Севастополем и Херсонесом¹). Тотчас по заключении мирного договора с Турцией в 1774 году было составлено обстоятельное описание крепости Еникале и города Керчи, отошедших по договору к России²). Ко времени путешествия Екатерины II в Крым в 1787 г. известным К[арлом] И[вановичем] Габлицем было составлено „собрание географических известий“ о Крыме, заимствованное „из разных древних и средних времен писателей“, с тремя хорошими картами, каждая с особою номенклатурой: татарскою, греческой и генуэзской³). Однако весь этот и ему подобный материал служил только для официальных сфер и был полагаем в основание правительственных мер по освоению и укреплению Крыма. Нельзя без похвалы отозваться о деятельности военных сотрудников Потемкина. С первым же появлением русских войск и флота на крымских берегах были отысканы и изучены удобнейшие гавани и стратегически важные пункты всего побережья; начались описания древнейших укреплений и зданий и попутно собирание древностей и редкостей. А. Л. Бертье-Делагард сопоставил любопытнейшие в этом отношении данные в своем очерке истории изучения Херсонеса. Поскольку можно говорить о военно-технической стороне деятельности русской власти в Крыму в ее первые годы, она оказывалась на высоте положения. Не то было в области гражданского устройства и управления Крыма. Один из чиновных путешественников по Крыму в первые годы русского владычества, Павел Сумароков, издавший Крым в 1799 и 1802 гг., уже тогда отметил, что Потемкин „учинил погрешность неосмотрительною раздачею земель“. Через какие-нибудь пять лет после присоединения Крыма в нем уже народился тяжелый аграрный вопрос и создались острые междуклассовые конфликты и, по словам Сумарокова, перед Россией „сей край, присоединенный к ее пространству, предстал пред нее в пораженном виде“⁴). А „пораженный вид“ состоял в том, что страна оказалась покинутою населением и земельно-хозяйственный строй ниспровергнутым; на развалинах же прежнего устройства был открыт простор земельному хищничеству и борьбе за земли. Как известно, в 1779 году произошло выселение из горной части Крыма десятков тысяч греков и армян. А затем, тотчас по переходе Крыма в русское подданство, началась энергичная эмиграция татар из Крыма в турецкие пределы. Более двух третей татарского

¹) Вместо „Ахтиар“ на плане „Алтиар“ (*Бертье-Делагард* — „Раскопки Херсонеса“. Материалы по археологии России, № 12, стр. 5).

²) „Записки Одесск. Общ. Ист. и Древностей“, т. VII, стр. 188 — 192 — 198.

³) Издано без имени автора: „Географические известия, служащие к объяснению прежнего состояния нынешней Таврической губернии“. СПб. 1803.

⁴) „Досуги крымского судин“, I, стр. 160 — 161.

населения (300.000 человек) покинуло Крым. Опустелую за его уходом площадь пастбищ и пашен оставшиеся туземцы считали своею собственностью и занимали без всяких формальностей. И ту же самую площадь русские чиновники отводили сановным и чиновным людям, или же захватывали себе и продавали. Конечно интересы аборигенов и новоселов сталкивались, и возникали ссоры, жалобы и иски. В хаосе аграрной вражды с некоторою ясностью обозначались, кроме простых земельных захватчиков и спекулянтов, два типа взаимно враждующих землевладельцев: крупный и богатый собственник, обычно чиновный, с тенденцией к интенсивным формам хозяйства — в данном краю к садоводству и виноградарству, а с другой стороны — мелкий хозяин-туземец, чаще скотовод, реже — пахарь, не идущий выше мелких и простейших хозяйственных форм. Оба типа считали себя обиженными от противника и просили у правительства охраны своих интересов и прав. Ко времени Александра I крымская аграрная проблема стала перед властью в виде очередного и неотложного дела. „Неофициальный Комитет“ Александра в 1801 — 1802 гг.¹⁾, „особое совещание“ в 1802 г., комиссия „для разбору споров по землям“ с 1802 г. по 1810 г.²⁾, Государственный Совет в 1819 — 1820 гг. обсуждали положение аграрных дел в Крыму и пытались регулировать там земельные отношения. Как в начале Александрова царствования, так и в позднейшие периоды правительственных занятий Крымом они были окутаны бюрократическою тайной, и Сумароков, член комиссии „для разбору споров о землях“, в своей книге о Крыме писал, как турист, ничего не открывая читателю о ходе дела, для которого собственно он и был командирован в Крым. В два первые десятилетия XIX века в текущей русской литературе и журналистике, если можно так выразиться, деловых статей о Крыме не существовало. Любопытные, прекрасно написанные записки по крымским аграрным делам Н. С. Мордвинова, писанные для Государственного Совета, в тогдашнюю печать не проникали.

„После 1820 года положение изменилось, и Крым как-то сразу стал предметом внимания русского образованного общества и даже заграничных туристов, и притом независимо от правительственных сфер. Нельзя сказать, чтобы за время до 1820 года Крым не изучался (вспомним Палласа) и что в Крыму совсем не было путешественников. Природными красотами Крыма тогда наслаждались, так сказать, на правах и по способу частных лиц представители высшей власти: генерал-губернатор Новороссийского края знаменитый Эммануил Осипович герцог Ришелье и гражданский Таврический губернатор А[ндрей] М[ихайлович] Бороздин — оба ставшие землевладельцами в Крыму. В 1816 году посетил Крым путешествовавший с образовательною целью великий князь Николай Павлович. Еще раньше была в Крыму известная М. А. Нарышкина с дочерью Софьей (1811 г.). Но, как справедливо заметил в своем путевом журнале Николай Павлович, в Крыму „даже удобной для путешествующих дороги нет, равно и жилья, и оттого, может быть, не столь еще можно пользоваться сим прекрасным краем“³⁾, это — чума, захватившая русский юг в 1812 году. В Крыму от нее пострадало более 50 деревень; в Одессе из 36.000 жителей от чумы умерло в 1812 г. 2.660 человек⁴⁾. Если сообразить, что мы говорим об эпохе, когда силы и внимание русского общества были отвлечены главным образом на Запад, на борьбу с Наполеоном, то окончательно поймем, что русским было не до приятных путешествий на юг. Только тогда, когда затихли военные грозы, армия возвратилась из заграничных походов, вернулись домой и сопровождавшие ее частные лица, увлеченные на Запад родственными чувствами к воевавшим „борцам“ или же простою любознательностью, — только тогда могли сложиться условия, благоприятные для знакомства с прекрасными местами нашего юга.

¹⁾ Богданович — „Ист. Александра I“, т. I, прилож., стр. 55, 64. — Вел. князь Николай Михайлович, „Граф П. А. Строганов“, т. II, стр. 123 — 124, 174 — 175.

²⁾ Полн. Собрание Законов № 20270 и № 20276; № 21275, № 22203 и № 24349; № 28014.

³⁾ Н. К. Шильдер — „Имп. Николай I“, т. I, стр. 70.

⁴⁾ О чуме — „Русск. Биографич. Словарь (Бороздин А. М.; Ришелье Э. О.).

„И вот в 1820 году в Крыму почти одновременно оказались в качестве свободных путешественников, изучавших край или просто им любовавшихся, известные читавшей русской публике писатели Вас. Вас. Капнист и Ив. Матв. Муравьев-Апостол и юноша-поэт А. С. Пушкин вместе с семейством Раевских. Первый из них тогда же, под свежим впечатлением виденного в Крыму, обратился к министру нар. просвещения кн. А. Н. Голицыну с указанием на истребление в Крыму остатков древних зданий и сооружений и с просьбой принять меры к их охране¹⁾. Второй, Муравьев-Апостол, дал превосходное описание своего путешествия по Крыму, вышедшее в свет в 1823 году. Наконец, Пушкин в 20-х же годах стал помещать в печати плоды своих крымских вдохновений. В то же самое время как эти литературно-известные путешественники начали знакомить с Крымом читающее общество, в самом Крыму появился круг лиц, связанных с Крымом не только службой, но и личными научными интересами и влечениями. Первое место в этом кругу принадлежало, конечно, И[вану] А[лександровичу] Стемпковскому с его замечательной запиской 1823 года об изыскании древностей на русском юге („Note sur les recherches d'antiquités qu'il y aurait à faire dans la Russie méridionale“). В этой записке Стемпковский предугаживал гр. М. С. Воронцову необходимость учреждения местных археологических музеев и ученого общества для отыскания, хранения и изучения памятников и предметов древности в Новороссии и Крыму. Музеи керченский и одесский и Одесское Общество Истории и Древностей явились результатом почину Стемпковского. Совместно с этим истинным ученым археологом в Крыму стали работать любители И[ван] П[авлович] де-Бларамберг, начавший „непрерывную цепь антикварных занятий“ с 1825 года²⁾, и Павел Алексеевич Дюбрюкс, едва ли не с 1809 года усвоивший себе обычай собирать древности и до образования официального музея в Керчи составивший там свое собственное собрание, так называемый музей, при чем не лишен горького значения тот случай, что имп. Александр I в 1818 году посетил Дюбрюкса и „в знак своего благоволения даровал ему все, что находилось в его собрании“³⁾. Но это „все“ потом от Дюбрюкса поступило даром в казенный музей, а сам Дюбрюкс в старости нуждался в хлебе и табаке и не уставал бескорыстно беречь собранные им вещи, носившие наименование „музея“, но до 1830 года представлявшие собою только хаотический склад. По свидетельству очевидца Е. Шевелева, „в начале 1830 года музей древностей, находившийся в доме покойного Павла Алексеевича Дюбрюкса, был не что иное, как самый жалкий склад камней с надписями, обломков статуй, барельефов, колонн и других предметов древности, разметанных по двору без системы и порядка, инде полувросших в землю“⁴⁾.

„От гениального Пушкина до жалкого, но трогательного в своем бескорыстном воодушевлении Дюбрюкса,—таковы начальные имена в культурной истории Крыма. Их литературно-ученый почин имел быстрый и решительный успех. В ближайшие же годы в Крым потянулось много туристов, настолько много, что в одной провинциальной (тульской) книжке о Крыме, вышедшей в свет в 1822 г., мы читаем уже следующие строки: „С некоторого времени, как вошло в моду, пользоваться морскими ваннами, Севастополь сделался сборным местом, откуда *больные любопытством* путешественники отправляются удивляться живописной природе южного берега“⁵⁾. А. Л. Бертье-Делагард в своем труде о Пушкине в Гурзуфе констатирует, что в 1824 году у Воронцовых в их резиденции в Гурзуфе „был большой съезд гостей“⁶⁾. А в 1825 году А. С. Грибоедов, остановившись в Симферополе во время своего путешествия по Крыму, жаловался, что не может там пожить спокойно, потому что туда, по его выражению, „наехали путешественники, которые его знали по

¹⁾ О Капнисте — „Зап. Од. Общ. Ист. и Др.“, VIII, стр. 363.

²⁾ Там же, II, стр. 220—228.

³⁾ Там же, II, стр. 229—231.

⁴⁾ Там же, II, стр. 726—727.

⁵⁾ „Обозрение Южного берега Тавриды. В 1815 году. В Туле. В типографии Губернского Правления. 1822 года“ (Владимира Броневского). Стр. 2—3. Автор, хотя и означил для своего „Обозрения“ 1815 год, упоминает в нем события последующих и предшествующих лет (приезд в Крым Александра I в 1818 году, стр. 16; „1813 года в день Крещения“ автор обедал в саду в одном мундире близ Феодосии, стр. 155).

⁶⁾ „Пушкин и его современники“, XVII—XVIII, стр. 135.

журналам“¹⁾. Среди этих путешественников, устремившихся в Тавриду в данную эпоху, появились новые любители и исследователи крымской старины. Немногими годами позднее Стемповского и Бларамберга в Крыму появились А[нтон] Б[альтазарович] Ашик, Dibois-de-Montrégeux, П[етр] Ив. Кеппен, граф А. С. Уваров, Н. Н. Мурзакевич, а за ними и многие другие деятели возникшего в 1839 г. Одесского Общества Истории и Древностей. Постепенно Крым становился постоянною и важною темою русской археологической науки и одним из частых сюжетов в нашей изящной литературе. И ученых и писателей одинаково влекли к себе не только крымские красоты:

Моря синего заливы,
Лавры, скалы и цветы,

но и следы былой жизни... Здесь и там

Остатки башен по стенам,
Кривые улицы, кладбища,
Пещеры, рытые в скалах,—
Давно безмолвные жилища,
Обломки, камни, пыль и прах.

„Я полагаю, нет необходимости умножать аргументы в пользу той мысли, что 20-е годы XIX столетия в истории знакомства русского общества с Крымом составили эпоху и в наши дни могли стать для нас своего рода юбилейною гранью. Но продолжим с еще ббльшею точностью наши хронологические справки. Первое из произведений Пушкина, связанных с его крымскими переживаниями, появилось в печати в конце 1820 года. Это была „Элегия“ („Погасло дневное светило“—в „Сыне Отечества“ за 1820 г. № 46, часть 65). Но прочие его творения, так сказать, крымского происхождения увидели свет позднее. „Бахчисарайский фонтан“ был напечатан в начале 1824 года. Другие стихотворения того же порядка были собраны в издании „Стихотворений Александра Пушкина“ 1826 года. Таким образом крымские выступления Пушкина надлежит приурочить к 1824—1826 годам. Именно этими годами датируется пребывание в Крыму, а также письма и статьи о Крыме В[асилия] И[вановича] Туманского, Густава Олизара, французского консула в Тифлисе Гамба, А. С. Грибоедова, Павла Петр. Свиньина, Андрея Ник. Муравьева и многих других. Тогда же начал там работы Бларамберг. Наконец, к тому же времени (октябрь—ноябрь 1825 г.) относится вторая, по своему исходу роковая поездка в Крым Александра I, который в Крыму казался одним из самых восхищенных туристов. Не в праве ли мы сказать, что, торжествуя здесь столетие ученой работы в Херсонесе, мы можем вместе с тем торжествовать и столетие того исторического момента, когда весь Крым вошел в сферу поэтического творчества и свободного изучения со стороны интеллигентных сил русского общества, а вместе с ними и европейской литературы, а вместе с тем и общечеловеческой культуры?

„Это не первый культурный период в истории Тавриды. Над ней когда-то блистали лучи античной культуры Эллады и эллинизма; ее озарял свет начального или раннего христианства; в сумраке Средневековья видела она далекие отблески итальянского Возрождения. После следующего затем мрачного безвременья, сто лет назад, началась для Тавриды новая пора сожителства с культурой общеевропейской. Вспоминая это столетие, выразим надежду, что в дальнейшей смене культурных состояний человечества не будет ни для этого края, ни для человечества вообще ни мрачных эпох, ни даже мрачных моментов“.

Проф. Н. Е. Макаренко приветствует Конференцию и Музей от Украинской Академии Наук и Всеукраинского Археологического Комитета,
проф. Д. А. Золотарев — от Центрального Бюро Краеведения,
А. П. Смирнов — от Государственной Академии Истории Материальной Культуры,
проф. А. И. Некрасов — от I Государственного Московского Университета,
проф. О. Ф. Вальдгауэр — от Государственного Эрмитажа, Гос. Института Истории Искусств и Гос. Ленинградского Университета,
проф. Ю. В. Готье — от Моск. Секции Гос. Академии Истории Материальной Культуры.

¹⁾ Сочинения Грибоедова в изд. Н. К. Пиксанова, т. III, стр. 177.

Проф. В. А. Гордцов читает следующий адрес от Российской Ассоциации Научно-Исследовательских Институтов:

„Сто лет тому назад по распоряжению адмирала Грейга впервые были произведены раскопки Херсонеса, „Русских Помпей“ или „Русской Трои“, как с полным правом называют иногда древнее городище, на котором возвышаются остатки мощных стен, башен и зданий. Сто лет продолжались раскопки, сперва бессистемно, потом все более и более систематично. Постепенно выяснялся план древнего города, собирались находимые при раскопках предметы и возник тот музей, который мы видим теперь. Работа произведена и производится огромная, но еще больше осталось сделать, и Научно-Исследовательский Институт Археологии и Искусствознания Российской Ассоциации Научно-Исследовательских Институтов Общественных Наук, горячо приветствуя Херсонесский Музей со столетием раскопок на территории Херсонеса, выражает твердую уверенность, что руководители работ при полной поддержке как Крымского Правительства, так и центральных органов РСФСР, и впредь будут так же энергично трудиться над изучением этого *мирового археологического памятника*“. (Под адресом подписи всего персонала Института).

Далее студент С. В. Трончинский приветствует Конференцию и Музей от студентов Ленинградского Университета.

За ним проф. Н. Д. Протасов читает следующий адрес от Государственного Исторического музея:

„Государственный Исторический Музей своим участием в праздновании юбилея раскопок Херсонеса считает долгом отметить громадное культурно-историческое значение той столетней работы, которая выявила пред научным взором материальное прошлое этой греко-римско-византийской колонии на Черном море. И этот долг тем обязательнее, что Государственный Исторический Музей в своих коллекциях по истории быта хранит ценнейшие остатки этого прошлого, позволяющие восстановить его картину и тем самым иллюстрировать генезис форм и объектов древне-русского быта, поскольку на нем отразились специально-экономические и художественно-исторические черты быта Херсонеса. Достаточно беглого знакомства с археологическим материалом из Херсонеса, чтобы прийти к мысли о крайней многогранности и разнообразии тех культурных влияний, под которыми проходил там процесс материализации жизни. Топографическое положение Крымского полуострова вообще определило его историческую физиономию, — того пункта, к которому стремились из средиземноморского бассейна бушевавшие там волны культур. Именно здесь они не только сталкивались, взаимно будто уничтожая друг друга, но и создавали новые культурные ценности. Чрез южное побережье Крымского полуострова вообще и Херсонес в частности древне-русский быт вступал в теснейшие соприкосновения с культурными центрами средиземноморского бассейна, определившими бытие и формацию последующих мировых культур в широком смысле слова и наложившими сильнейший отпечаток эллинизма на идеологические и материальные проявления художественно-бытового творчества Руси. И этот эллинизм, ассимилировавшийся с местными художественными традициями и восточными навыками, дал художественному быту ту конкретную законченность, которая выявила его стилистическую стройность и определила его положение в ряду европейских культур.

„Государственный Исторический Музей гордится своим правом считать себя теснейшим образом связанным с Херсонесом, потому что ровно пятьдесят пять лет тому назад мысль об основании Исторического Музея в Москве вышла из необходимости передать на постоянное хранение из севастопольского отдела политехнической выставки 1872 года памятники из раскопок именно Херсонеса. И первыми организаторами и главнейшими работниками нашего Музея были виднейшие исследователи херсонесского городища...

„Государственный Исторический Музей в эти юбилейные дни протягивает товарищескую руку и шлет свой привет тому, кто так героически заботится об охране херсонесских памятников и ведет работу по выявлению их научного значения, — Херсонесскому Музею, который может воскликнуть с Горацием: „Exegi monumentum aere perennius!“ (Адрес подписали: председатель правления, директор Музея П. Лепешинский. Член правления, ученый секретарь Н. Протасов).

Проф. Н. А. Щербаков — от Государственного Музея Изящных Искусств,

проф. И. Н. Бороздин — от Научной Ассоциации Востоковедения при ЦИК СССР и от Всесоюзного Общества Культурной Связи с заграницей,

проф. М. Л. Франк — от Крымского Педагогического Института в Симферополе,

проф. Ю. В. Готье — от Всесоюзной Публичной Библиотеки имени Ленина в Москве,

В. С. Люблинский — от Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде,

Э. Г. Оксман — от Одесского Историко-Археологического Музея,

Ю. Ю. Марти — от Керченского Историко-Археологического Музея,

А. И. Полканов — от Центрального Музея Тавриды в Симферополе и от Общества по изучению Крыма,

проф. Д. П. Гордеев — от Кавказского Историко-Археологического Института Академии Наук СССР.

проф. С. П. Попов — от Крымского Научно-Исследовательского Института в Симферополе,

проф. Балтийский — от Военной Академии имени М. В. Фрунзе,

проф. А. Н. Деревницкий — от Крымской Секции Научных Работников при Крымском Отделе Союза Всерабпрос,

проф. В. М. Зуммер — от Исторического Общества Нестора-Летописца при Украинской Академии Наук.

Проф. А. И. Маркевич читает следующий адрес от Таврического Общества Истории, Археологии и Этнографии:

„Таврическое Общество Истории, Археологии и Этнографии горячо приветствует Херсонесский Музей, хранителя сокровищ Херсонеса и ближайшего исследователя его памятников, по случаю исполнившегося столетия начала археологических раскопок в Херсонесе.

„Культурное прошлое Херсонеса так же близко и дорого Таврическому Обществу Истории, Археологии и Этнографии, как было оно дорого и близко его предшественнице—Таврической Ученой Архивной Комиссии,— тесно связавшей себя с исследовательской работой в Херсонесе, отразившей ее на многих страницах своих „Известий“. Кипучая работа Херсонесского Музея по его организации и по исследованию древностей Херсонеса вызывает в Обществе глубокий интерес и искреннее уважение.

„Счастливая мысль ознаменовать столетие раскопок в Херсонесе устройством в нем Археологического Съезда была встречена Обществом с полным и единоклюсным сочувствием, и оно радостно приветствует настоящую Конференцию археологов в Херсонесе, как знаменательный момент в судьбах Херсонеса и археологии в СССР.

„Таврическое Общество Истории, Археологии и Этнографии уверено, что настоящий юбилей и ученый съезд в Херсонесе волюют новые живительные струи в работу по исследованию древностей Херсонеса и Тавриды вообще, и горячо желает дальнейшего развития и процветания Херсонесскому Музею, полного успеха Херсонесскому Археологическому Съезду, а равно и ближайшим херсонесским деятелям в их трудной работе“. (Подписали председатель О-ва А. Маркевич, тов. председателя В. Филоненко, секретарь Н. Эрнст).

Далее проф. П. А. Двойченко приветствует Конференцию и Музей от Крымского Общества Естествоиспытателей и Любителей Природы,

т. Галаджиев — от Биологической Станции Академии Наук СССР в Севастополе,

д-р Е. Э. Иванов — от Медико-Биологического Общества и Института Физических Методов Лечения в Севастополе,

П. Я. Чепурина — от Евпаторийского Музея,

В. Ф. Штифтар — от Евпаторийского Отделения Общества по изучению Крыма,

т. Крошицкий — от севастопольской Ассоциации художников,

П. Г. Недо, — от севастопольских рабочих-печатников, причем выражает Херсонесскому Музею благодарность за поддержку севастопольского пролетариата печатанием своих изданий.

Далее собрание заслушивает полученные Херсонесским Музеем и Конференцией письменные и телеграфные приветствия:

Из-за границы:

От Германского Археологического Института в Берлине:

„Sende Namens Deutschen Archäologischen Instituts aufrichtige Glückwünsche zum 100-jährigen Jubiläum der Ausgrabungen“. Rodenwaldt.

От Германского Археологического Института в Риме:

„Im Namen des Deutschen Archäologischen Instituts in Rom erlaube ich mir Ihnen auf das Herzlichste zu danken für Ihre liebenswürdige Einladung. Leider wird es keinem von uns möglich sein, an Ihrer Feier teilzunehmen. Wir senden dazu die aufrichtigsten Wünsche für die Fortsetzung Ihrer Arbeit, so wie sie begonnen wurde“. Prof. D-r W. Amelung.

От Музея Древностей в Берлине:

„Sehr geehrter Herr Direktor, für die freundliche Einladung zu Ihrem Ausgrabungs-Jubiläum gestatte ich mir, Ihnen den verbindlichsten Dank auszusprechen. Ich kenne und schätze die Forschungen von Chersones sehr hoch und freue mich der Fortschritte, welche Sie in den letzten Jahren durch energische Arbeit in so glücklicher Weise erreicht haben. Sie haben damit das Werk Ihrer Herren Vorgänger in würdiger Weise fortgesetzt. Leider gestattet mir der grosse Neubau der Staatlichen Museen, welcher jetzt seiner Vollendung entgegengeht, in diesem Augenblick nicht, Berlin zu verlassen und an der Hundertjahrfeier teilzunehmen. Seien Sie meiner wärmsten Sympathie für dieses Fest versichert.

„Mit aufrichtigem Bedauern, nicht daran teilnehmen zu können, verbleibe ich unter den besten Glückwünschen für das weitere Gedeihen und Blühen der Ausgrabungen von Chersones“. D-r Theodor Wiegand, erster Direktor der Antikenabteilung der Staatlichen Museen, Berlin.

Из СССР:

От Крымского Совета Профессиональных Союзов.

От УкрНауки.

От Института Белорусской Культуры в Минске:

„Институт Бяларускае Культуры шчыра вітае юбіяра заканчэнем першага стагоддзя снавання выдатных вынікаў дзейнасці, жадаючы далейшых поспехаў росквіту далучаючы прывітаньне архэалягічнаму з'езду. Інбелкульт“.

От Факультета Языкознания и Мат. Культ. Ленингр. Гос. Унив. и Исслед. Института.

От Института Археологической Технологии при Гос. Ак. Ист. Мат. Культ. в Ленинграде.

От Центральных Реставрационных Мастерских Главнауки РСФСР в Москве.

От Государственного Музея Изящных Искусств в Москве.

„Государственный Музей Изящных Искусств, принося свои искренние поздравления Государственному Херсонесскому Музею с столетней годовщиной раскопок, выражает горячие пожелания успеха и в дальнейшей работе Музея, пролившей уже столь много света и на начальную русскую культуру, и на ее великих предшественниц на юге России“. Директор Н. Романов.

От Всероссийского Общества по изучению Крыма:

„Центральное Правление Всероссийского Общества по изучению Крыма шлет горячий привет Херсонесскому Музею, являющемуся одним из важнейших и энергичнейших научно-исследовательских центров краеведения в Союзе, по случаю исполнившегося столетия его научной работы и выражает ему пожелание дальнейшей плодотворной деятельности“. Центральное Правление Общества.

От Музейного Отдела Татареспублики.

От Казанского Общества Истории, Археологии и Этнографии.

От Владимирского Государственного Областного Музея.

От Херсонского Музея.

От Николаевского Археологического Музея.

От Кубано-Черноморского Научно-Исследовательского Института.

От Бахчисарайского Государственного Дворца-музея.

От Ялтинского Музея Краеведения.

От Государственного Никитского Ботанического Сада в Ялте.

От Карадагской Научной Станции.

От Алуштинского Отделения Общества по изучению Крыма.

От Севастопольского Музея Краеведения.

От отдельных лиц.

Из-за границы:

От проф. *Эллиса Миннза* (Ellis Minns, Cambridge).

От проф. *А. Талльгрена* (Гельсингфорс):

„Félicitations sincères“. Tallgren (Helsinki).

От проф. *Т. Арне* (Стокгольм). (Из письма к К. Э. Гриневичу):

„Je Vous remercie pour Votre invitation pour le centenaire des fouilles de Chersonèse, auquel je voudrais bien assister, mais où je ne dois assister qu'avec mes pensées... Je Vous prie d'agréer mes félicitations cordiales de collègue-admirateur pour le jubilé du beau Musée dont Vous êtes le directeur zélé“. T. J. Arne.

Из СССР:

От акад. *Н. П. Лихачева*, акад. *Ф. И. Успенского*, акад. *И. Ю. Крачковского*, акад. *С. А. Жебелева*, акад. *М. С. Грушевского*, акад. *А. П. Новицкого*, акад. *Н. П. Василенко*, проф. *Н. Д. Полонской-Василенко*.

От проф. *В. Е. Данилевича:*

„Не маючи змоги особисто взяти участь в урочистому святцванні сторіччя херсонеських розкопів та в працях Наукової Наради про справи херсонеської археології, прошу Херсонський Державний Музей та Наукову Наряду прийняти моє щире віншування з сторіччям херсонеських розкопів та побажання такого ж корисного для науки продовження тих розкопів. Мені тим приємніше хоша листовою взяти участь у цьому святі, що я мав щасливу долю теж де-що зробити в справі що до вивчення херсонеської минувшини. Під час же екскурсії членів XIII Археологічного З'їзду до Херсонеса мені було доручено догляд за розкопом та складання щоденника того розкопу, надрукованого потім в „Известиях XIII Археологического Съезда“. Таким чином не тільки херсонеський неоліт, але и славетний в археологічній науці клясичний Херсонес став мені безпосередньо близький. Отже, навіть ця невеличка участь у справі студіювання херсонеської старовини робить її рідною та дорогою мені. Тому свято Херсонеського Музею стає святом також для мене. Най-же и надалі херсонеські розкопки збагачують археологічну науку новими здобутками, як вони збагачували її за минуле сторіччя“. Професор Київського Інституту Народної Освіти *В. Данилевич*.

От проф. *Б. В. Варнеке*, проф. *Л. А. Мацулевича*, проф. *С. С. Дложевского*, проф. *А. С. Башкирова*, проф. *П. П. Козловского*, проф. *В. Ф. Смолина*, проф. *Б. П. Денике*,

архитектора *Б. Н. Засыпкина*, проф. *Е. А. Черноусова*, *Н. И. Брунова*, директора Детско-сельских дворцов-музеев *В. И. Яковлева*.

От архитектора *Н. М. Янышева*:

„Многим из присутствующих на этом собрании, вероятно, памятен жалкий сарайчик на берегу Карантинной бухты, украшенный вывеской: „Склад местных древностей“. В публике этот сарайчик был известен под именем Херсонесского Музея. В этом сарайчике, хотя и в порядке, но без всякой системы были сложены вместе и аланские черепа, и греческие вазы, и византийские орнаментальные фрагменты. Эпиграфические памятники были свалены в общую кучу в одном из углов „музея“.

„Многие из приезжих, побывав в этом „музее“, прониически улыбались, а иные с трудом сдерживали досаду от неудовольственного желания чего-то значительного.

„Не то мы видим теперь. В настоящее время каждый посетитель, даже малограмотный, но интересующийся давно минувшим, найдет в *Херсонесских Музеях* полное удовлетворение своим ожиданиям. Все разобрано, все систематизировано, на каждом интересном пункте городища поставлены объяснительные надписи, а в музее у каждого эпиграфического памятника повешены точные переводы. Таким образом идея *самоговорящего музея* достигнута вполне.

„Я видал много музеев в городах Европы, но нигде, кроме Мюнхена, я не видал такой заботы о доставлении посетителям полного знакомства с выставленными предметами. Даже родственный по содержанию неаполитанский Museo Nazionale, несмотря на свое чрезвычайное богатство, не имеет и тени подобного благоустройства. Хвала и честь устроителям *теперешних Херсонесских Музеев* с *К. Э. Гриневичем* во главе! Пожелаем им здоровья и сил, чтобы трудиться с неослабной энергией на этом поприще много, много лет на пользу науке и во славу нашей родины!“ *Н. Янышев*.

От *Н. В. Измайловой*, *Н. А. Печенкиной*, председателя Керченского РИК'а *А. Пичахчи*, тов. председателя О-ва по изучению Крыма *Е. Э. Лейтнекера*.

От студентов филологов-классиков ЛГУ:

„Приветствую торжество от лица студентов филологов-классиков (греко-римский уклон цикла древнего мира и состоящий при нем Кружок Друзей Древнего Мира) Ленинградского Государственного Университета“. Член президиума цикла (студпред) *В. Шевченко*.

По заслушании приветствий собрание выносит постановление послать письменные приветствия гг. Сталину, Калинин, Рыкову и Луначарскому.

Вторая часть заседания была посвящена докладу директора Херсонесского Музея *К. Э. Гриневича* „Сто лет херсонесских раскопок“ (отдельно напечатан под этим заглавием, Севастополь, 1927). После доклада была почтена вставанием память почивших исследователей Херсонеса *Н. Н. Мурзакевича*, *В. Н. Юргевича*, *А. С. Уварова*, *П. С. Уваровой*, *К. К. Косцюшко-Валюжинича*, *А. Л. Бертъе-Делагарда*, *Р. Х. Лепера*, *М. И. Скубетова*. Собрание устраивает овацию современным руководителям херсонесских раскопок.



Рис. 4. Посадка делегатов в автобусы.

III. ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ КОНФЕРЕНЦИИ.

Некоторые доклады, первоначально отнесенные к отдельным секциям, в виду их общего интереса и важности затронутых ими общих вопросов, по постановлению Президиума были перенесены в пленарные собрания, а именно доклады: а) по Херсонесской Секции— К. Э. Гриневича „Разведка древнейшей оборонительной стены Херсонеса в 1927 г.“, его же „План научно-исследовательской деятельности Госуд. Херсонесского Музея“, П. И. Голландского „О мерах технической охраны памятников Херсонеса“, О. Ф. Вальдгауэра „О некоторых скульптурах, найденных в греческих колониях на северном побережье Черного моря“, и б) по Секции Общей Археологии—Н. Л. Эрнста „Неаполь скифский“ (к столетию со времени первых раскопок). Пленарные заседания Конференции, посвященные слушанию этих докладов, происходили вечером 11 и 12 сентября под председательством акад. С. Ф. Платонова, при секретарях Г. Д. Белове и Н. Л. Эрнсте.

1. Заседание 11 сентября.

Доклад К. Э. Гриневича „Древнейшая оборонительная стена в Херсонесе, обнаруженная разведкой в 1927 г. (часть доклада происходит на месте разведки с демонстрацией добытых результатов).

„Мое внимание уже давно привлекала одна деталь на внутренней стороне 16 куртины оборонительных стен Херсонеса, а именно—наличие древнегреческого здания („казарма?“), построенного под углом к древнегреческой оборонительной стене, и две древнегреческих

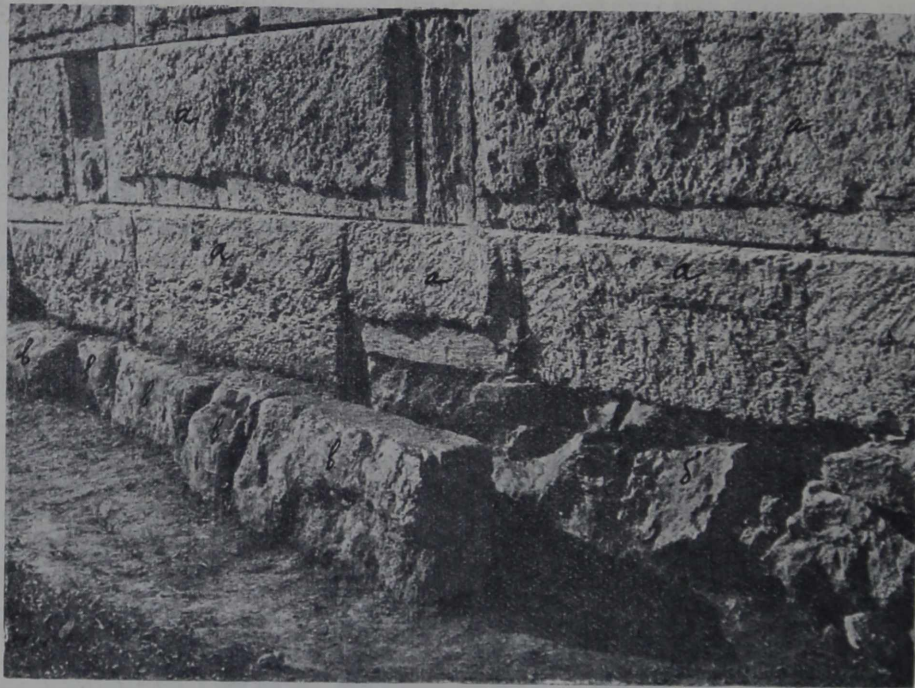


Рис. 5. Древнейшая стена. Деталь кладки 16 куртины „возле „пролома“: а—кордонная кладка I яруса эпохи IV века до н. эры; б—бутовый фундамент на глине; в—остатки кладки более древней стены, меняющей в этом месте под углом свое направление.

гробницы, обнаруженные *внутри* линии обороны города. Необычность местонахождения гробниц на городской территории и то обстоятельство, что они были найдены при раскопках пустыми,—были до сих пор необъясненными фактами. Исследуя древнюю стену, я обратил внимание на ряд камней в 10—11 отрезках 16 куртины, которые выступали из-под стены и под углом отходили за стену. Рисунки 5 и 6 дают изображение этих выступающих камней. Кроме того, на некотором расстоянии от этих выступающих камней внутри городской площади на территории 8 отрезка той же куртины из почвы торчала прямоугольная плита

размером $1,50 \times 0,42 \times 0,45$ метров, изображенная на рисунке 7. Наблюдения показали, что выступающие из-под стены камни и эта одинокая плита должны быть связаны друг с другом единством направления и что ось этого направления совпадает с осью (параллельна) здания так называемой древнегреческой казармы возле ворот.

„Все эти обстоятельства заставили меня предположить наличие в этом месте древнейшей стены. В августе и начале сентября мною была произведена раскопка возле одинокого камня, изображенного на рисунке 7, лит. „а“, с продолжением разведки по обе стороны этого камня как в сторону стены, так и в противоположном направлении. Раскопка увенчалась успехом. На небольшой глубине была обнаружена в своих фундаментных частях на протяжении свыше 30 метров искомая древнейшая стена (рис. 8 и 9), которая шла под

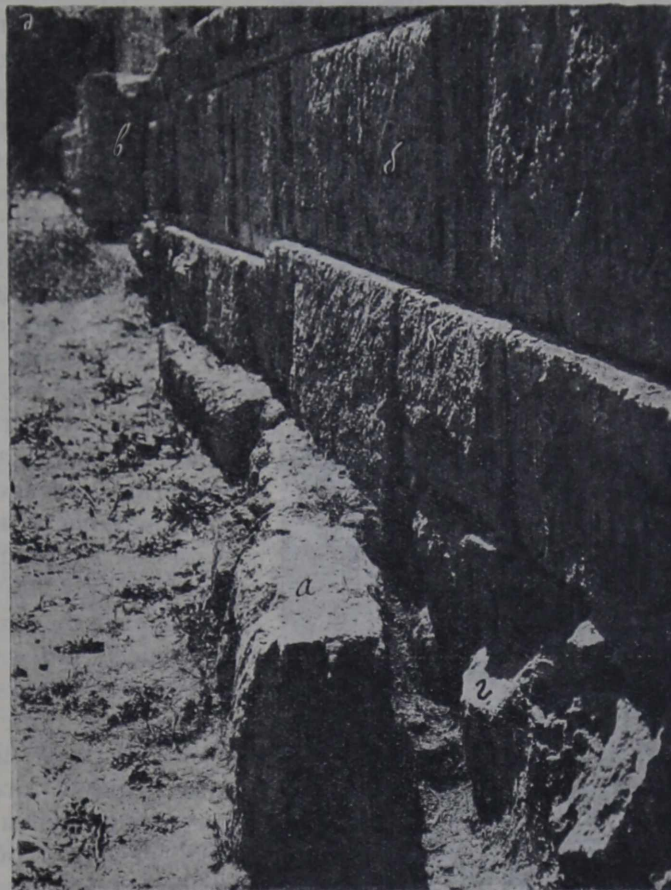


Рис. 6. Древнейшая стена. Деталь кладки I яруса 16 куртины вблизи „пролома“: а — камень, показывающий первоначальное направление стены; б — стена середины IV в. до н. эры (16 куртина); в — „пролом“; г — бут под I ярусом стены, сложенный на глине; д — нераскопанная перемилька.

углом к стене IV века и, не поворачивая вдоль последней, как я первоначально предполагал, уходила под ранне-эллинистическую стену. Несомненно, разведка по другую сторону эллинистической стены должна обнаружить ее продолжение.

„Дата обнаруженной стены определяется найденными фрагментами древней посуды: найден черепок ионийского сосуда, далее, обломки чернофигурного небольшого сосуда и множество краснофигурных и чернолаковых обломков превосходного блестящего лака лучшей эпохи. Все это не оставляло сомнения в том, что обнаруженная стена должна быть датирована самым началом V века до н. эры, а может быть, немного ранее. Конечно, эта датировка не может считаться окончательной и твердо установленной, и только тщательная раскопка всей стены позволит уточнить ее дату. Ширина стены равняется 2,35 метра. Сложена стена

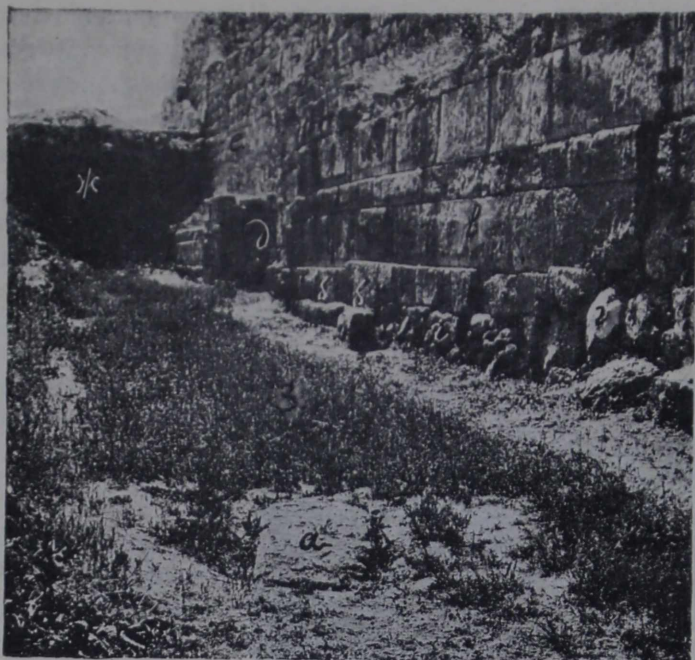


Рис. 7. Общий вид 16—17 куртин до раскопки: *а*—остаток первоначальной стены; *б, б*—камни первоначальной древнейшей стены; *в*—кордонная кладка I яруса стены; *г*—ее бутовый фундамент; *д*—„пролом“; *е*—III ярус кладки; *ж*—часть нераскопанной перемычки; *з*—скала.

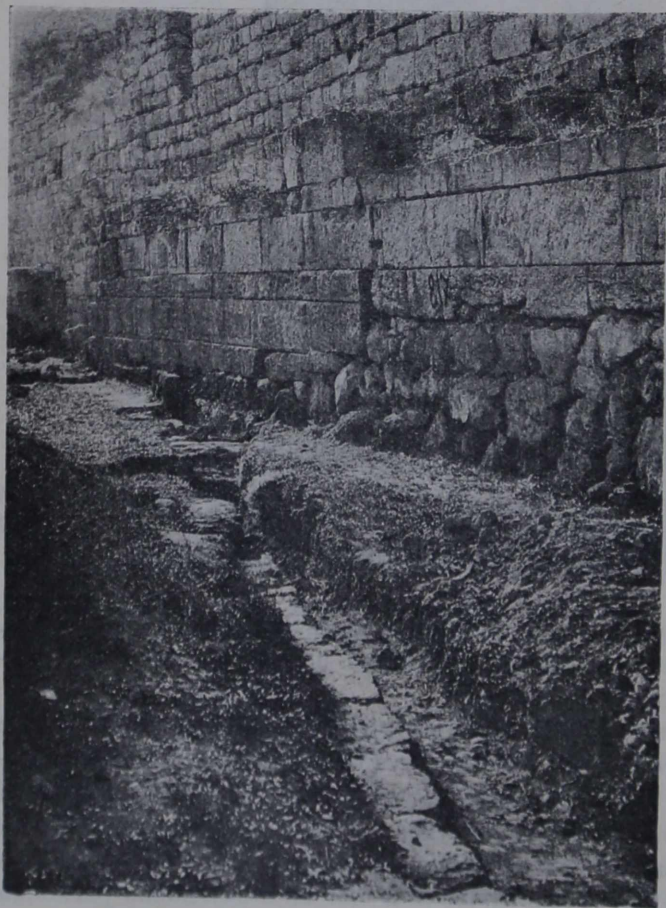


Рис. 8. Общий вид древнейшей стены после раскопки.

из бута на глине, облицована с наружной стороны кордонными плитами в системе плит на образок, кордонов на ребро. Подробный отчет будет своевременно опубликован, а предварительный напечатан во II выпуске „Херсонесского Сборника“ (Севастополь 1927, стр. 98).

„Значение найденной древнейшей стены заключается, прежде всего, в том, что она позволяет более конкретно подойти к вопросу о так называемом „древнейшем Херсонесе“. Эта находка требует более критически отнестись к мнению Страбона, будто жители Херсонеса в более древнее время жили возле нынешнего Херсонесского маяка (в 11 в. от городища Херсонеса) и следовательно позже переселились на место нынешнего херсонесского городища.

„Раскопки Н. М. Печенкина 1910—11 гг. и находки Р. Х. Лепером в северной части Херсонеса навкратийского кубка и многочисленных ионийских черепков достаточно веско убеждают нас в необходимости осторожного подхода к страбоновскому свидетельству. Настоящая оборонительная стена с находками ионийского и чернофигурных черепков также дает неоспоримые доказательства древности заселения греками того полуострова, на котором находится херсонесское городище. Кроме того, с ее открытием сразу разрешается проблема нахождения древних гробниц внутри стены эллинистического города: эти могилы оказываются за пределами древнейшей стены, а впоследствии, когда территория города потребовала расширения и была построена новая стена, эти гробницы были ликвидированы“.

В оживленном обмене мнений, последовавшем за докладом, особенное внимание привлекает к себе вопрос о времени древнейших греческих поселений на месте раскопок, о дате постройки оборонительной стены и мотиве расширения города, вызвавшем изменение в ее направлении. В. А. Городцов, отмечая правильность и точность метода, которым пользовался докладчик при ведении раскопок, и относя достигнутые им прекрасные результаты именно к этой строгой точности методических приемов,

интересуется найденными при расследовании стены керамическими фрагментами, спрашивает, были ли эти фрагменты найдены при подошве стены или в выше лежащем культурном слое и было ли вообще пройдено разведкою до подошвы стены, а также, какова древнейшая дата античных предметов, найденных в Херсонесе. С своей стороны он полагает, что в датировке древнейшего поселения есть основание восходить к VI веку до нашей эры. *О. Ф. Вальдгаузэр* высказывает мнение, что найденная керамика сама по себе не дает права для такого заключения и должна быть отнесена к V веку, — может быть, даже ко второй его половине (примерно к 430 г.); но, исходя из общих соображений о развитии жизни города, о его постепенном расширении ко времени постройки оборонительной стены, в свою очередь склоняется к мысли, что предположение докладчика о существовании поселения в Херсонесе до общепринятой даты правильно. *Ю. В. Готье* считает необходимым произвести разведку с юго-западной стороны оборонительной стены и думает, что лишь после этого можно будет судить о причинах, вызвавших расширение города и изменение линии направления стены. *А. И. Некрасов* обращает внимание на особенное положение камней в месте ухода древней стены под более позднюю. В своем ответе на сделанные замечания и предложенные вопросы *К. Э. Гриневич* разъясняет, что особенности в кладке камней, отмеченные проф. Некрасовым, вызваны, по заключению проф. П. И. Голландского, необходимостью придать сооружению более поздней стены нужную прочность и устойчивость. При разведке значительная часть стены не была пройдена до скалы из-за выступающей всюду почвенной воды, часто крайне затруднявшей ведение земляных работ; в более высоком месте было пройдено до скалы, и здесь-то и были найдены древнейшие черепки. Наиболее древнею находкою в Херсонесе является навкратийский кубок начала VI века до н. эры, найденный Р. Х. Лепером у бывшей монастырской купальни. Разведка во всяком случае дает основание прийти к выводу о существовании укрепленного поселения в Херсонесе не позднее начала V века, что ставит под сомнение свидетельство Страбона о первоначальном поселении херсонаситов у маяка. В глубинных слоях земли здесь попадаются фрагменты ионийской керамики, а это возводит нас к поре оживленных сношений нашего юга с Милетом.

За поздним временем доклад *О. Ф. Вальдгауэра* снимается с повестки.

II. Заседание 12 сентября.

Заслушан доклад *Н. Л. Эрнста* „Неапольский“ (к столетию со времени первых раскопок“).

„В апреле 1827 г. были сделаны первые случайные находки на симферопольском городище, обратившие на него внимание ученого мира. Городище расположено на юго-восточной окраине Симферополя и представляет собою наклонную треугольную площадку, ограниченную с одной стороны долиной Салгира, с другой — оврагом, так называемой Собачьей балкой, и с третьей — валом (см. план-рис. 10). Таким образом, — это обычный тип скифских городищ в Крыму, располагавшихся на мысах над долинами и защищавших третью, доступную сторону своей территории, стеной.“

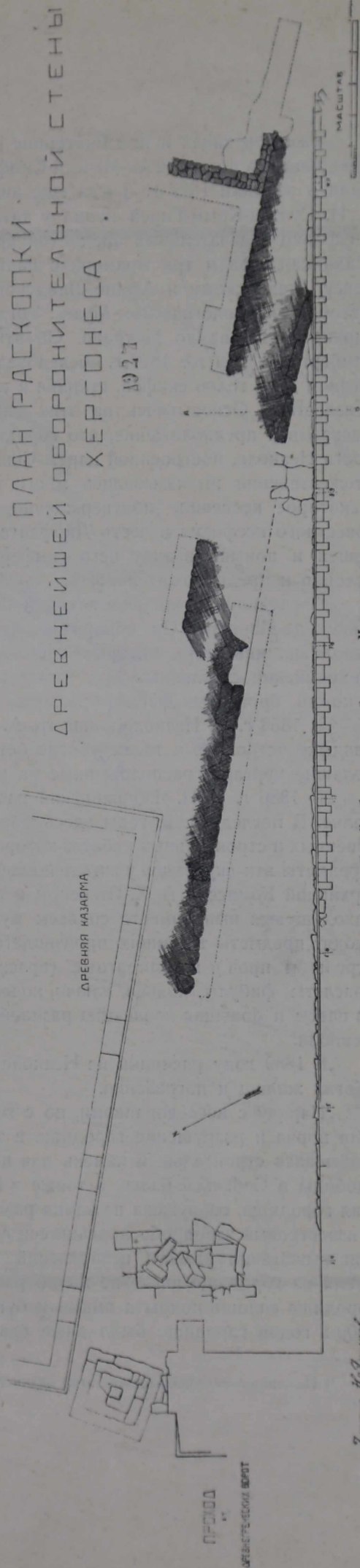


Рис. 9. План древнейшей оборонительной стены Херсонеса.

„Уже при ханах и при Екатерине II, вероятно, брали строительный камень из развалин городища для построек Ак-Мечети-Симферополя. С подобным разрушением городища связаны были и находки 1827 г. Тогда еще видны были развалины городской стены и построек. А. И. Султан-Крым-Гирей купил у татарина, везшего строительный камень из городища, несколько замечательных предметов древности: большую стелу с изображением молодого всадника-скифа и три мрамора с надписями (с именем царя Скилура и с посвящениями Зевсу Атавирскому и Афине Линдской). Все эти предметы ныне хранятся в Одесском Историко-Археологическом Музее. Тогда же на городище был найден клад римских монет эпохи от Нерона до Макрина. Об этих находках узнал директор Одесского Музея Бларамберг и в том же 1827 г. обследовал городище, при чем нашел обломок стелы с изображением двух голов скифов, старика и юноши (нынешнее местонахождение этого фрагмента неизвестно). Основываясь на этих находках, Бларамберг издал исследование, в котором высказывал предположение, что городище это соответствует упоминаемой Страбоном крепости Неаполь, построенной царем Скилуром. Со времени Бларамберга по вопросу об этом отождествлении высказывались много раз в литературе разные ученые за и против него. Некоторое косвенное подтверждение это предположение нашло в находке в Херсонесе известного псефизма в честь Диофанта. Однако категорически вопрос этот не может быть решен и поныне, в виду чего симферопольское городище мы называем Неаполем лишь условно и предположительно.

„Следующие по времени находки на городище скифского Неаполя были сделаны в 1834 г. Дюбуа-де-Монпере. Он обнаружил погребения, повидимому, в северо-восточном склоне городища, инвентарь которых состоял из скарабеев, львов и бус из египетской пасты, финикийских стеклянных бус, гагатовых, янтарных и халцедоновых бус, железных мечей и ножей, бронзовых фибул, браслетов и „ошейников“.

„В 1853 г. на Неаполе копал гр. А. С. Уваров и нашел надпись с посвящением Ахиллу, владыке острова¹⁾, а также убогие остатки жилищ. Есть сведения и о том, что он копал большие курганы, расположенные на городище.

„В 1886 г. Х. П. Ящуржинский раскапывал склепы в некрополе городища в Собачьей балке. В последующие годы здесь образовалась небольшая слободка, при разных хозяйственных и строительных работах которой найдено было еще большое количество погребений. Предметы эти скупались у жителей слободки тогдашним председателем Таврической Ученой Архивной Комиссии А. Х. Стевеном и образовали в музее Комиссии обширную коллекцию, находящуюся ныне вместе со всем музеем в Центральном Музее Тавриды. В состав ее входят предметы туземного производства (керамика, мечи, ножи, грузила, точильные бруски, стрелы и проч.) и импортные (краснолаковая керамика и амфоры, стекло, бронзовые браслеты, фибулы, кольца, ключи, колокольчики, зеркальца и проч., египетские предметы из пасты и большая коллекция разнообразных бус). Интересны также черепа из некрополя Неаполя.

„В 1889 году раскопки на Неаполе производил Н. И. Веселовский и нашел развалины убогих жилищ и погребения.

„Наряду с исследованиями, но с гораздо большей интенсивностью и непрерывностью, шла порча и разрушение городища в течение всего XIX и первого десятилетия XX века. Добывался строительный камень для построек Симферополя. Значительная часть построек слободы в Собачьей балке, а также в Подгородно-Петровской слободе, лежащей у подножия городища, сооружена из камня развалин Неаполя. Большие разрушения произвел здесь и известковый завод, обосновавшийся в Подгородно-Петровской слободе и предпочитавший для выжигания извести неапольский камень всякому другому материалу. В настоящее время на городище нигде не видно развалин городской стены и жилищ, а вся территория городища сплошь покрыта ямами и буграми, образовавшимися от добычи камня. В начале 1900-х годов городище было даже сдано городской управой в аренду для добычи камня.

¹⁾ Нынешнее местонахождение этой надписи неизвестно.

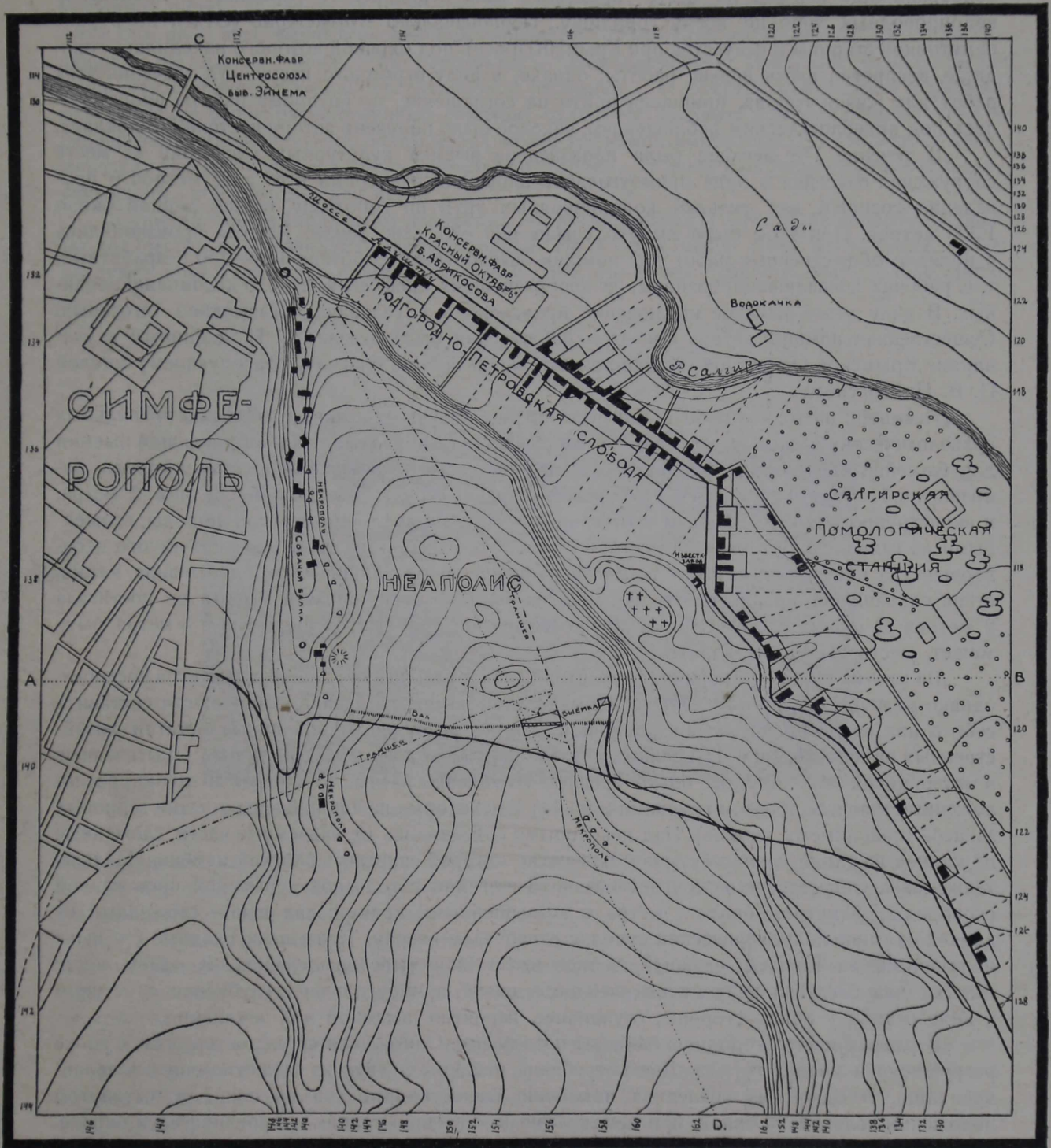


Рис. 10. План раскопок Неаполиса.

„Шаг вперед в деле изучения городища Неаполя был сделан в 1926 г., однако при чрезвычайно тяжелых обстоятельствах. Для проведения нового водопровода для г. Симферополя (из Аянского источника у подножия Чатырдага) понадобилось соорудить большое водохранилище как раз на месте городского вала неапольского городища и проведение водопроводных труб по всему городищу. Первоначально КрымОхрис (Отдел по охране памятников старины и искусства при КрымНКПросе), под охраной которого находилось городище, воспретил здесь всякие работы; однако, в виду огромного насущного значения этих работ для жизни города, пришлось пойти на соглашение, по которому работы производились под археологическим наблюдением, каковое было поручено автору настоящего доклада.

„В течение 1½ месяцев была произведена выемка культурных наслоений на месте сооружения бассейна в виде прямоугольной площадки размерами в 69 × 27 метров и проведение траншей для укладки водопроводных труб по городищу, общей длиной около 1.300 метров. При этом было вынуто свыше 600 куб. саж. земли. Работы производились в порядке общественных работ для помощи безработным; работало 100—150 безработных, т.-е. рабочих неквалифицированных, разнообразнейших профессий, и мало дисциплинированных. В виду этого научное наблюдение происходило в условиях чрезвычайно тягостных. Существенная помощь автору при этом наблюдении была оказана С. И. Забниным и учениками Крымской Областной опытно-показательной школы, благодаря заведующему школой П. В. Никольскому.

„Несмотря на то, что работы эти были крайне далеки от всяких требований правильных археологических раскопок, они дали все же существенные данные. На месте большой выемки для бассейна обнаружены фундаменты и нижние части *оборонительной стены* города, направленной с востока на запад. Она имеет неравномерную толщину, в среднем 2 метра, и сконструирована из облицовки неотесанными камнями-дикарями местной породы, сложенными на глине, с забутовкой из местного же мелкого щебня на глине. По вине такого несовершенства постройки, а также вследствие позднейшего хищнического добывания камня, стена сохранилась крайне плохо. В немногих местах сохранившаяся высота ее достигала 2 метров. В одном месте стены обнаружился пустой промежуток шириною в 4 метра, быть может, место городских ворот.

„Во многих местах раскопанной территории обнаружались остатки фундаментов построек, однако разрушения, произведенные добывателями камня, не давали возможности составить себе о них ясное представление. Большой интерес возбуждают найденные остатки хозяйственных приспособлений. В большом числе обнаружены *ямы-зернохранилища* — высеченные в материковой скале круглые бочкообразные углубления разных диаметров и глубин, расположенные главным образом группами (рис. 11). В некоторых из них найдены остатки зерновых запасов (повидимому, ячмень). Над некоторыми сохранились их надземные части, сложенные из камней на глине в виде бутылки, отверстие которой закрывал плоский камень. Найдены также *печи*. Они состоят из круглой мазанной из глины с толченой керамикой прожженной сковороды диаметром около 1 метра с возвышенными краями; над нею — сложенный из камней на глине полусферический купол, с отверстием вверху. Такие печи, сходные с и ныне бытующими на Кавказе, служили, вернее всего, для выпечки лепешек. В одном месте выемки для бассейна найдено высеченное в скале прямоугольное углубление с уступом в виде скамьи у одной стороны, служившее, вероятно, выемкой для землянки.

„В разных местах городища найдены *погребения*. Они относятся, вероятно, уже к эпохе разрушения и упадка города. Два погребения найдены в двух из вышеупомянутых зернохранилищ. В одном из последних покойник лежал на дне его на спине в вытянутом положении головой на запад; при нем железный кинжал и голова и передние ноги барана. В другом — покойник в сильно стиснутом беспорядочном положении, головой на северо-восток, без инвентаря. Обнаружено несколько детских погребений; часть их в сосудах — горшках и амфорах с отбитым горлом. При них украшения, главным образом бусы. Все детские костяки имеют признаки рахита. В нескольких зернохранилищах найдены отдельные человеческие черепа. Из них один — явно отрубленный при жизни мечом.

„Среди отдельных находок первое место занимают *фрагменты керамики*.^{*} В то время как большая часть вскрытой территории городища оказалась нарушенной позднейшим добыванием камня, в некоторых немногих местах, преимущественно у оборонительной стены, сохранились нетронутые древние наслоения, позволявшие изучать стратиграфию городища. В нижних слоях, лежащих на материковой скале, найдены фрагменты чернолаковой керамики III в. до н. эры. Выше, в следующем горизонте, — фрагменты мегарских чашек и краснолаковой посуды. В обоих этих горизонтах — штемпелеванные амфорные ручки. Выше следовали обильные находки краснолаковой керамики с некоторым количеством керамики местной. Еще выше расположенный горизонт отличался большим преобладанием местной варварской керамики и небольшим количеством греческой импортной. Из найденных керамических изделий упомянем также кровельную черепицу, грузила и округло оббитые черепки, служившие, повидимому, для игры.

„Существенные выводы дают найденные *кости животных*¹⁾. Среди них первенствующее по количеству место занимают кости лошади. На втором месте стоят кости быка, далее следуют: коза (овцы нет совсем), свинья, собака. Из диких найдены: олень, кабан, лиса.



Рис. 11. Общий вид раскопанной территории Неаполя с ямами-зернохранилищами.

Из найденных изделий из кости упомянем серпы, сделанные из нижней челюсти лошади, шилья и непонятные для нас трубчатые кости, стесанные с четырех граней и снабженные по ним мелкими колотыми метками.

„Из *изделий из камня* обнаружены: жернова, песты, растирки, камни для праща и многочисленные точильные бруски. Из скульптурных произведений можем назвать лишь одно — фрагмент стелы с плоским схематизированным варварским изображением человеческой головы.

„Находки и наблюдения 1926 г. совместно с находками и исследованиями, накопившимися за сто лет с 1827 г., дают довольно ясную картину культуры городища скифского Неаполя. Здесь, несомненно, существовало поселение еще до Скилура, в III веке до н. эры. Наибольшего расцвета, богатства и связи с греко-римским миром оно достигло во II—I веках, после чего следует эпоха упадка, обеднения и варваризации в первые века н. эры. Для материальной культуры Неаполя характерна смесь элементов греческих, римской эпохи и местных; среди последних — смесь степных и горных, т.-е. скифских и таврских. Древности

¹⁾ Определены зоологом, сотрудницей Института Археол. Технологии при ГАИМК В. И. Громовой.

Неаполя образуют совершенно определенный характерный комплекс, позволяющий говорить о „неапольской культуре“.

„Во многих местах крымского предгорья существуют городища, по типу сходные с неапольским. Многие известны давно, некоторое число новых отыскано нами в последние годы. Они дают находки и погребения, вполне соответствующие неапольским. Это позволяет нам говорить о распространении „неапольской культуры“ в обширном районе предгорного Крыма. Оно исторически связано, по видимому, с образованием мощного тавро-скифского государства в Крыму при царе Скилуре и его сыновьях.

„В дальнейшем необходимы дополнительные археологические исследования городища Неаполя и его некрополя и, особенно, изучение других городищ этого же типа в Крыму, которые нам известны чрезвычайно мало“.

Прения по докладу открылись замечаниями *Н. И. Новосадского*, который выразил мнение, что Неаполь не был основан царем Скилуrom, но уже существовал в то время, когда Скилуrom было произведено нападение на Херсонес. *Н. Е. Макаренко* останавливается на вопросе о раскопках, произведенных на городище Неаполя *Н. И. Веселовским*, и, не допуская мысли, чтобы Веселовский мог проявить небрежность в отношении к сохранению найденного им археологического материала, интересуется знать, где в настоящее время находится этот материал. *А. П. Кантшалов* просит докладчика указать, имеются ли в числе находок из скифских погребений какие-либо аналогии к находкам, сделанным в Неаполе. *К. Э. Гриневич* считает своевременным и необходимым подвести итог всему, что до сих пор было сделано по изучению Неаполя, и выражает пожелание, чтобы было предпринято сводное издание всех относящихся сюда находок и исследований. Отвечая на вопросы, затронутые в прениях, докладчик сообщает, что, судя по работам 1926 г., поселение на городище существовало задолго до Скилура, что вещественные памятники, происходящие из Неаполя, сосредоточены частью в Центральном Музее Тавриды, частью в Московском Историческом Музее, частью же в Одесском Музее и что они имеют свои аналогии в других находках, связанных с скифскими погребениями. *С. Ф. Платонов* подчеркивает, что вопрос о Неаполе с завершением столетия со времени первых раскопок на его городище, очевидно, вступит в новую эру его изучения и что опубликованием собранного по этому вопросу археологического материала нужно снять всякую тень подозрения в небрежности с работ *Н. И. Веселовского*, бывших на высоте научных требований своего времени. Пленарным собранием принимается следующая резолюция: „Заслушав доклад *Н. Л. Эрнста* „Неаполь скифский“ (к столетию со времени первых раскопок), Конференция считает необходимым дальнейшее исследование Неаполя и других скифских городищ в Крыму и желательным опубликование сводной работы о Неаполе“.

Затем собрание перешло к слушанию доклада *К. Э. Гриневича* „О плане дальнейшей научно-исследовательской работы Государственного Херсонесского Музея“.

По мнению докладчика, Херсонесский музей в области научного исследования Херсонеса имеет перед собою две задачи: „Первая—ликвидировать образовавшиеся за время с 1907 г. залежи материала по раскопкам Херсонеса, до сих пор остающиеся неопубликованными. Сюда входят как работы *Косцюшко-Валюжинича* 1907 г. в области юго-восточного участка городища, так и все раскопки *Лепера*, производившиеся им в течение 1908—1915 гг. Сюда относятся как раскопки некрополя, так и раскопки городища и западной линии оборонительных стен. Отчасти эти раскопки были опубликованы в „Отчете АК“ за 1913—15 гг., отчасти—во II выпуске „Херсонесского Сборника“. Но главная масса материала еще остается неопубликованной. Нам представляется необходимым начать издание прежде всего с опубликования юго-восточной части Херсонеса, затем перейти к работам в восточной части городища и к исследованию западной линии обороны. Это должно составить содержание III выпуска „Херсонесского Сборника“. Но, помимо этого, Херсонесский Музей должен озаботиться скорейшим составлением систематического каталога памятников, добытых раскопками. Вторую задачу, которую ставит перед собой Музей, являются систематические раскопки городища Херсонеса. С этой целью Музей с 1926 г. предпринял планомерное вскрывание древней почвы, начиная с юго-восточного участка городища, в том предположении, что именно здесь кроется ключ к пониманию слоев и находок в слоях. Музей считает, что в настоящее время отпали те условия, которые заставляли прежних производителей работ вести раскопки несистематически и разбросанно: а именно—наличие энергичного строительства со стороны военного ведомства и монастыря, расположившегося со всеми угодьями в центре городища. В настоящее время необходимо производить *под ряд* вскрывание древней почвы Херсонеса, отправляясь от юго-восточного участка и идя последовательно на север. Таким образом в ближайшее время расследование коснется архаического города, а затем перейдет к нерасследованным

участкам восточной части Херсонеса, откуда раскопка направится в западную часть, почти незатронутую заступом археолога. Конечно, в виду обвалов северного берега городища придется иногда нарушать систему исследования для внеочередных раскопок угрожаемых мест, но, как правило, следует подчеркнуть необходимость систематического и планового вскрывания почвы городища.

„Для этого нужно регулярное ежегодное ассигнование Главнаукой по 4.000 р. на раскопки.

„Одновременно с этим следует с особенным ударением указать на срочную необходимость исследования древностей Гераклейского полуострова, который в настоящее время усиленно заселяется новым, пришлым элементом и памятники которого, не будучи еще достаточно определены и даже зафиксированы (сейчас эту работу Музей заканчивает), могут быть разобраны как строительный материал для построек новыми пришельцами. Между тем эти памятники, рассеянные по всему полуострову, представляют исключительный археологический интерес, как это показали работы Научной Ассоциации Востоковедения в 1924 году. Сейчас все с большей очевидностью выясняется, что мы не можем во весь рост понять Херсонес, если будем изучать его изолированно от Гераклейского полуострова, частью которого он сам является.

„Поэтому самым необходимым нужно признать, прежде всего, составление детальной археологической карты полуострова с нанесением на нее всех остатков древности. Далее необходимо типологическое расследование наиболее важных отдельных памятников, как равно и целых их комплексов. Это поможет разрешить проблемы, с ними связанные: их дату, их назначение, их взаимоотношение и т. д. Для этой цели Музей должен иметь штатного архитектора-археолога, на обязанности которого было бы составление обмеров, карт и планов исследуемых участков и отдельных памятников. Это лицо одинаково необходимо и для раскопок херсонесского городища. До сих пор Херсонесский Музей или пользовался услугами архитектора Н. М. Янышева, безвозмездно выполнявшего планы по его заданиям, или обращался в техникум НКПС. Однако такое положение нельзя признать нормальным, и Музей стоит перед необходимостью иметь в своем штате лицо, которое могло бы всецело посвятить себя работе над памятниками Херсонеса и района. В этом ощущается особенная и насущная нужда.

„Кроме того, не следует закрывать глаза на недостаточность имеющегося штата сторожей и научных работников: многие части городища, при наличии восьмичасового рабочего дня, остаются необслуженными и без охраны. Правда, Музей постепенно начал переход от крейсировочной охранной службы к стационарной и в нынешнем году полностью восстановил сторожки на мозаиках и возле западной базилики, но этого недостаточно: вновь открытый музей в б. соборе остается без обслуживания сторожем, и совмещение должности сторожа и кучера в одном лице также лишает юго-восточный участок городища необходимой охраны. Следует ввести в штат еще двух сторожей. С другой стороны, накопившийся материал по прежним раскопкам неотложно требует еще одного научного сотрудника в помощь имеющимся двум,— тем более, что исследовательская работа в районе потребует дополнительных научных сил.

„Наконец, нужно поставить на очередь еще один вопрос, от разрешения которого будет зависеть успешная разработка накопившегося материала по раскопкам прежних лет, это—одновременная и совместная разработка херсонесского материала теми музеями, в которых он хранится: я имею в виду Эрмитаж, Исторический Музей в Москве и Одесский Археологический Музей. Было бы в высшей степени плодотворно объединить усилия отдельных музеев для совместного издания систематического каталога отдельных групп херсонесских памятников. Я надеюсь, что присутствие на нынешней Юбилейной Конференции представителей этих музеев явится залогом дальнейшего совместного сотрудничества в этом большом и назревшем деле“.

Доклад, прослушанный с большим вниманием и живейшим интересом, повлек за собою продолжительный и оживленный обмен мнений. *Н. И. Новосадский*, отметив уже достигнутые Музеем за последнее время большие успехи в области археологического изучения остатков херсонесской старины, указывает на важность стоящих перед

ним в этом направлении дальнейших задач, на богатство его памятников и на крайнюю недостаточность того кадра постоянных работников, которым он располагает. Неотложно необходимо увеличение его штата. *И. Н. Бороздин* поддерживает эту мысль и настаивает на продолжении раскопок и на расширении их площади со включением в производственный план изучения памятников Гераклейского полуострова: „археолог, как Антей, должен постоянно притрагиваться к земле, чтобы не обратиться в кабинетного сухаря“; памятники Гераклейского полуострова должны обогатить науку новыми данными о взаимоотношении полуострова с городом, дать картину хозяйства, социального строя древних поселений этой области и т. д. *Н. Д. Протасов* находит крайне необходимым раскопать угрожаемые морем места на северных и западных берегах Херсонеса. К этому присоединяется и *А. И. Маркевич*: действительно нужно, пока не поздно, бороться со стихийными разрушениями, нужно продолжать копать, особенно в угрожаемых местах, но нужно также не медлить и с изданием старых дневников и отчетов, все еще не опубликованных, — нужно закончить это дело, так удачно подвинутое вперед изданием второго выпуска „Херсонесского Сборника“. *Д. П. Гордеев* подробно останавливается на вопросе о необходимости введения в штат Музея должности архитектора-археолога. *Усс. Боданинский* замечает, что архитектор-археолог нужен также и для других музеев, например, для Бахчисарайского, между тем в штате КрымНКПроса эта должность подверглась сокращению. *А. И. Полканов* вносит в это заявление Боданинского поправку в том смысле, что должность архитектора-археолога сохранена в штате Центрального Музея Тавриды. *С. Ф. Платонов*, резюмируя пожелания, выраженные в прениях по докладу, предлагает вынести соответствующую резолюцию, подчеркнув в ней назревшую необходимость некоторого расширения штата Музея, особенно включения в этот штат должности архитектора-археолога, и ликвидации тех залежей, которые оставлены нынешней администрации Музея в наследие прежней его администрации. *Докладчик*, возвращаясь к вопросу о штате и о производственном плане раскопок, уточняет свои пожелания в том смысле, что: 1) необходимо увеличение существующего штата на два научных сотрудника (считая в том числе архитектора-археолога, о чем заявлено уже в Музейный Отдел Главнауки) и два сторожа; 2) что касается Гераклейского полуострова, то здесь в первую очередь нужны обследование и предварительные разведки, во вторую — раскопки; охрана полуострова отчасти уже налажена. Необходимо также практика студентов высших учебных заведений при Херсонесском Музее, могущем служить прекрасною школою для приготовления молодых ученых-археологов.

Вносится предложение избрать комиссию для редактирования проекта резолюции по докладу *К. Э. Гриневича*, и таковая комиссия избирается в составе *Н. Д. Протасова*, *П. И. Голландского*, *А. И. Маркевича*, *Н. Е. Макаренко* и *К. Э. Гриневича*.

Третьим на повестке дня стоял доклад *П. И. Голландского* „О мерах технической охраны памятников Херсонеса“, теснейшим образом связанный с производственным планом дальнейших работ Херсонесского Музея. Доклад здесь приводится полностью:

„Вопрос о технической охране археологических памятников от стихийных разрушений еще недостаточно разработан ни теоретически, ни практически. В силу этого обстоятельства исторические памятники монументального характера, приведенные в руинное состояние временем, извлеченные раскопками из-под покрывавших их культурных слоев и возвышающиеся над землею, в большинстве случаев оставляются на волю стихий под открытым небом. По отношению к нашим крымским и в частности херсонесским памятникам результаты забот об их сохранности не могут считаться удовлетворительными. Если за последние три-пять лет стали проявляться такие заботы по отношению к памятникам, вновь отрываемым из земли, и частью по отношению к открытым прежними раскопками, то все же многие и обширные части разрытой территории херсонесского городища остаются не только не защищенными от дальнейших разрушений, но как бы приготовленными для более быстрого их уничтожения, которое и совершается с прогрессирующей скоростью на глазах тех, кто за этим следит. К сожалению, к стихийным разрушителям часто присоединяются и силы некультурных посетителей исторического городища, то по невежеству, случайно, то намеренно приносящих вред остаткам отрытых сооружений. Года три-четыре тому назад восточную часть раскопок я сам видел в гораздо большей сохранности, чем представляется она в настоящее время, и некоторые детали планов сооружений и их конструкций, которые мною тогда были подмечены и представляли особый интерес для фиксации, теперь совершенно исчезли. В ряду стихийных разрушителей в Херсонесе немаловажное значение имеет еще и море с его подмывами берегов, вызывающими обвалы частей городища вместе с имеющимися на них памятниками. Надо спешить спасти то, что осталось от памятников: время не ждет и день за днем стирает остатки этих свидетелей прошлого.

„Не касаясь общих вопросов и методов технической охраны памятников, я хотел бы представить на обсуждение некоторые практические меры, которые, казалось бы, следовало применить для поддержания в сохранности памятников Херсонеса.

„Принятие тех или других мер к охране памятников обусловлено нынешним состоянием их сохранности и вообще всеми их материальными особенностями. В зависимости от последнего условия в отношении выбора мер для поддержания памятников я подразделил бы их на группы:

- 1) городские оборонительные стены и все вообще фортификационные сооружения города: башни, ворота, лазы, верки и проч.;
- 2) общественные и частные сооружения: жилые дома, часовни, церкви, термы и проч.;
- 3) погребальные памятники: склепы, крипты, гроты и могилы.

„1. В конструкции городских стен и башен со всеми их деталями усматриваются два главных периода их сооружения. Первый период — античный, греко-римский; кладка стен этого периода — из твердых массивных каменных блоков, уложенных без раствора с очень тщательной притеской постелей и швов, почти непроницаемых для влаги. Части сооружения этого древнейшего периода и по настоящее время еще в хорошей сохранности. Второй период возведения стен и башен — византийский, средневековый; здесь кладка — из бутового камня на цемяночном или известковом растворе, не всегда плотно уложенная и не всегда хорошо связанная раствором, качество которого тоже не всегда удовлетворительно. Части стен, башен и воротных проемов этого последнего времени — в очень печальном состоянии: не сохранились в целости даже вертикальные ограничения (лицо) стен; их лицевые поверхности — в выбоинах, обвалах, проломах, а верхи всех сооружений еще более разрушены.

„Если не задаваться целью охранить от выветривания и разрушения самый каменный материал, на что хотя и имеются способы, но они настолько дороги, что в настоящее время совершенно нам непосильны, то приходится думать только о целостности конструкции и связи между отдельными блоками. В кладках первого, античного, а частью римского периода соприкосновение (притеска) между камнями очень плотное, и забота не допустить проникания в швы воды, этого главного разрушителя, может относиться только к горизонтальным поверхностям кладки, где эти поверхности не прикрыты кладками более поздних периодов; с лица же стен проникание влаги очень ничтожно и неопасно. Если такие открытые горизонтальные поверхности стен покрыть каким-либо непроницаемым для воды слоем, остатки античных стен могут существовать еще века.

„В отношении античных стен при их раскопках однако сделана ошибка, — обнажены до самой подошвы их фундаменты, массив которых сделан утрамбовкой бутового камня по глине и даже земле в вырытых до материка рвах, при чем стенки рвов служили раньше постоянной оградой фундаментов с боков; теперь же это ограждение раскопкой уничтожено. Местами же случается, что выемки от раскопок углублены и ниже подошвы фундаментов. Открытые бока фундаментов и обрез земли ниже фундаментов всегда будут легко осыпаться под стенами, так что самые стены местами окажутся на весу. В натуре в перебор близ башни Зенона можно видеть, к какому приему по моему предложению пришлось прибегнуть, чтобы удержать стены от возможного обрушения. Для будущих работ при раскопках, когда по надобностям обследования приходилось бы делать выемку перед городскими стенами до подошвы и фундаментов или ниже, должно вдоль линии стен оставлять нетронутой полоску земли (рис. 12) шириною от половины до целой высоты фундамента в зависимости от рода грунта, или, что еще правильнее, к такому земляному уступу пристраивать опорную стенку, которая и будет удерживать землю уступа от осыпания, и тем самым будет ограждаться и фундамент. Тот же рисунок 12 дает одну подробность в устройстве опорной стенки — оконца *К, К, К...*, перекрытые арочками в расстоянии от оси на 2 — 5 метров; через эти оконца можно видеть обнаженную кладку фундаментов до подошвы. Обычно оконца должны быть до самого фундамента заложены камнем насухо, а с лица замазаны глиной; для осмотра фундамента закладка оконца разбирается без труда.

„Кладка византийского периода в смысле ее сохранения от дальнейших прогрессирующих разрушений находится почти в безнадежном состоянии. Флюатирование, которое

могло бы быть здесь применено, чрезмерно дорого, а всякая обмазка каким-либо непроницаемым для воды слоем скроет и совершенно исказит вид исторических остатков. Таким образом в отношении кладок городских стен византийского периода у нас пока нет средств для их сохранения от стихийных разрушений, и надо позаботиться, чтобы не было хотя бы насильственных их обрушений при посещениях некультурной публики.

„2. В самом плачевном состоянии находятся раскопки городских кварталов и особенно в восточной части городища. Обнаженные стены и фундаменты зданий со сплошными выемками внутри их, подошва которых (выемок) ниже уровня улиц, представляют как бы систему колодцев и камер в каждом квартале, где скопится мусор от обвалов, а в дождливое время и во время таяния снегов стоит вода, насквозь пропитывающая стены (поскольку они еще сохранились над землей) и фундаменты. Осмотрев недавно состояние стен, я пришел к печальному заключению, что вся бутовая кладка их уже почти совершенно не связана раствором, который выветрился настолько, что, будучи взят в руку, рассыпается в песок, а камни кладки от легкого толчка валятся со стен. В немногих только местах можно найти более или менее еще связанную раствором кладку. Несмотря на такое нару-

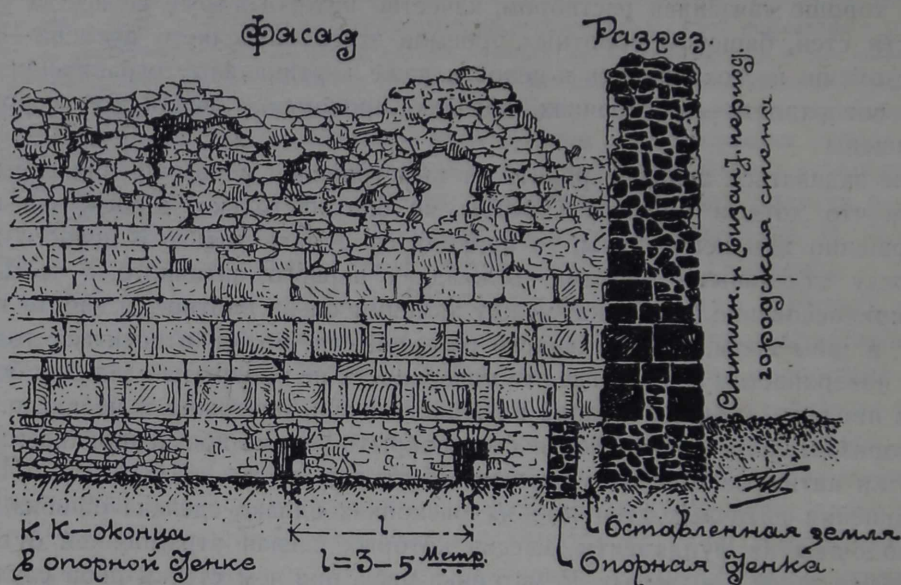


Рис. 12.

шение сохранности остатков городских домов, еще можно было бы поддержать их дальнейшее существование, хотя бы для того, чтобы сохранить вид расположения домов в кварталах и расположения отдельных помещений в домах. К тому же, сравнивая имеющиеся планы разрытых здесь кварталов с расположением их в натуре, я пришел в некоторое сомнение относительно правильности их нанесения на чертеж. Меры охраны здесь должны быть двух родов: ограждение от образования застоя воды в выемках и поддержание стен от дальнейших размывов и выветривания. Для первого случая было бы самое правильное и простое сделать сплошную засыпку выемок до уровня улиц. Заполнение выемок землею оградит лицевые поверхности стен и фундаменты от обвалов. После этого верхние ряды кладки стен надлежит залить жидким раствором (конечно, того же состава, как имеющийся в памятнике) и поверх уложить слой в 3—4 сантиметра жирной глины с примесью рубленой соломы. Тогда дальнейшее существование древних остатков будет на более или менее долгий срок обеспечено от разрушения. Опыт закрытия верхних рядов обмазкой глиной с добавкой рубленой соломы сделан мною в раскопках медресе 1925—26 г. в Старом-Крыму, и я должен сказать, что опыт оказался во всех отношениях удачным и дешевым. Конечно, через год-два следует исправлять такую обмазку, но это требует затрат ничтожных. Если исправление обмазки вести постоянно, заделывая щели в глиняном слое как только они

обнаружатся, то такую работу в Херсонесе могут исполнять и сторожа городища, и тогда обмазка будет держаться и без специального сплошного ремонта произвольно долго. В настоящее время сплошная засыпка выемок представляет некоторое затруднение тем, что вся вынутая земля удалена с территории раскопок, и ее вновь придется подвозить, что при очень значительном ее объеме потребует не малых затрат. Другой прием, который можно предложить ради удешевления дела, это — заполнить наружные швы кладки стен раствором известковым или цемяночным (где кладка на таком растворе), покрыть верхи



Рис. 13.

стен слоем глины с соломой и сделать присыпку земли к стенам (рис. 13) до уровня улицы, оставив без засыпки остальную часть (середину) выемок. Где по условиям профиля места представилась бы возможность, следует устроить отвод воды из выемок помощью небольших открытых канав, с прокладкой гончарных труб в том случае, если бы пришлось пропускать воду под фундаментами.

„3. Для третьей группы памятников, именно: погребальных гротов, могил, высеченных в скалистом грунте, и крипт под полами церквей, часовен или в крепостных стенах, — охрана должна быть направлена лишь на то, чтобы входы в них были заграждены. В настоящее время погребальные гроты херсонесского некрополя оставлены без надзора и разрушаются стихийно и насильственно¹⁾.

Полагаю, что сохранение вида хотя бы нескольких типичных или особо интересных по форме гротов необходимо, и их следовало бы охранять от разрушения устройством если не каких-либо щитовых заграждений входов, то хотя бы изгородью из колючей проволоки.



Рис. 14.

„Там, где при могилах, высеченных в скалистом грунте, как у Крестового храма, сохранились покрывавшие их плиты, этими плитами следует опять покрыть могилы. Если же плиты не сохранились в целости и вообще нет для покрытия никаких каменных плит, то следовало бы покрыть наиболее интересные могилы щитами деревянными или из другого материала. В крипах же обязательно надлежит сделать створные заграждения входов. Крипты под Крестовым храмом следует держать постоянно замурованными. Раскрытие их частью послужило к разрушению половой мозаики храма.

¹⁾ Склепы, состоящие под охраной Херсонесского Музея, имеют специального сторожа. Не охраняются склепы, расположенные в запретной зоне военного ведомства. Прим. ред.

„Осталось сказать еще об одном мощном стихийном факторе, имеющем место в Херсонесе, — о действии моря. Год за годом море отрывает от берегов территории городища новые и новые площади с остатками древних зданий. Восточные городские стены и башни уже поглотило море, оно оторвало абсидную часть большой Восточной базилики, самой интересной в этом районе города, и много других разрушений произвело оно в древнем городе и в его округе. „Гулливая волна“, „что морские камни точит“, — слишком сильный и неустанный разрушитель, особенно северо-восточного берега, со стороны открытого моря. Борются с морем домашними, кустарными способами почти безнадежно; здесь требуются серьезные гидротехнические сооружения с устройством оградительных стен или набережных и волноотбойных поверхностей, как это делается в портах, например, в Феодосии (рис. 14). Все такие сооружения даже простейшего типа требуют однако финансовых затрат, которые выражаются уже десятками и сотнями тысяч рублей. Можем ли мы иметь надежду когда-либо располагать такими средствами?

„Заканчивая свой краткий доклад, я позволю себе предложить на решение Конференции вопрос, не находит ли она нужным ходатайствовать перед учреждениями, от которых зависит разрешение и выдача открытых листов на производство археологических раскопок, особенно по исследованию архитектурных памятников, о том, чтобы от лиц, получающих разрешение, требовалось представление предварительного плана работ и обязательное включение в этот план указания на меры технической охраны открытых памятников, а также о том, чтобы в ассигнования на предстоящие работы включалась и нужная сумма на охрану памятников“.

При обсуждении доклада *Н. Д. Протасов* внес предложение, чтобы при выработке резолюции было совершенно точно и определенно указано на необходимые технические меры охраны памятников и на средства к их осуществлению. Исследование в ближайшем будущем нужно перебросить на северную часть городища, — на угрожаемые места. *К. Э. Гриневиц* с своей стороны замечает, что по существу никакие методы охраны не спасут обнаженных стен, — нужно зафиксировать их другим путем, научным, — путем их точного обмера, фотографирования, описания и опубликования. В очень угрожаемом положении находятся, впрочем, и внутренние части некоторых памятников, например, половые мозаики византийских храмов. Необходимы срочные меры к обеспечению их от разрушения. Далее он сообщает, что меры охраны, рекомендованные докладчиком в отношении крипты под Крестообразным храмом, в настоящее время Музеем уже выполнены. *Н. Е. Макаренко* настаивает на необходимости закрепления каждого открытого памятника, — в противном случае мы не имеем права раскапывать.

Выработка проекта резолюции по докладу *П. И. Голландского* поручается Комиссии, вырабатывающей резолюцию по докладу *К. Э. Гриневица*.

IV. СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ КОНФЕРЕНЦИИ.

I. ХЕРСОНЕССКАЯ СЕКЦИЯ.

Заседания Секции происходили под председательством проф. *Н. И. Новосадского* или его заместителя проф. *О. Ф. Вальдгауэра*, при секретаре *М. И. Рыбаковой*. Всего состоялось три заседания (11, 12 и 13 сентября).

1. Заседание 11 сентября.

На повестке дня стоит доклад *В. Ф. Штифтара* „Евпатория-Каркинитиды, как часть херсонесского округа“. По той же теме содокладчицей является *П. Я. Чепурина*.

Докладчик отмечает, что, в то время как изучение Херсонеса ведется непрерывно уже несколько десятилетий, западный берег Крыма от Севастополя до Тарханкута остается до сих пор в археологическом отношении неисследованным. Наиболее крупными из греческих поселений на этом берегу были Каркинитиды (*Καρκινίτις*, *Καρκινίτης*, *Κερκινίτις* и даже *Κορονίτις* у древних писателей и в надписях) и Прекрасная Гавань (*Καλὸς Λιμὴν*), из которых первая возникла, — по мнению докладчика, — вероятно, одновременно с Херсонесом, если даже не ранее его. История этих двух поселений совершенно не изучена. Мы знаем только, что и Каркинитиды, и Прекрасная Гавань были портами, тяготевшими, повидимому, к Херсонесу, были опорными пунктами херсонесской области. Что касается топографического их

определения, то литературные свидетельства в этом отношении так скудны и лаконичны, что не дают возможности сказать, где находилась Каркинитида. Если же проследить мнения археологов, то Каркинитида помещается то у Донузлавского озера (Бурачков), то на месте теперешних Майнак (Романченко). В 1913 г. проф. Б. В. Фармаковским во время раскопок были обнаружены остатки древней стеной кладки наподобие ольвийских построек на месте Майнакского парка, а в 1917 г. Л. А. Моисеевым были открыты следы городских стен и башен на месте нынешней военной станции. Это дало ему основание предполагать, что на этом именно месте и находилась крепость Каркинитида. Однако для точного определения ее местонахождения этого недостаточно. С другой стороны, все археологические разведки указывают на то, что на месте нынешней Евпатории существовало греческое поселение, начало которого можно отнести к VI веку до н. эры.

Как колония северо-западного побережья, Каркинитида находилась под сильным влиянием ионийской культуры, которое однако в начале V века стало уступать место дорическому влиянию. С Афинами она также имела связи в пору оживленной торговли Афин с боспорским царством. Здесь был складочный пункт зерна для вывоза его в Херсонес, материковую и островную Грецию. Что касается других сторон культурной жизни, например, религиозной, то в этом отношении, конечно, Каркинитида не отличалась от других греческих колоний, которые от своих метрополий заимствовали не только все особенности гражданского и бытового уклада, но почерпали отсюда и свои верования. Здесь было почитание Зевса, Аполлона, Артемиды; почитался и Геракл, рельефное изображение которого, найденное в Евпатории, хранится в Центральном Музее Тавриды; были, вероятно, и местные культы. Но вообще можно сказать, что Каркинитида с ее историей, которая несомненно стояла в тесной связи с историей Херсонеса, по сию пору остается неоткрытой для археологической науки. Раскопки в Евпатории могли бы пролить свет на этот темный вопрос. До сих пор они здесь велись эпизодически, носили разведочный характер и не доводились до конца. Место их теперь находится в заброшенном и запущенном состоянии, рельеф раскопок совершенно исчез, следы древней кладки разрушены, камни частью растасканы, частью завалены мусором. Многие из того, что еще недавно могло бы составить ценный археологический материал, безвозвратно утрачено для науки. Нужно не медлить с исследованием того, что еще возможно исследовать, — скоро и это может ускользнуть от нас. Целью доклада и было обратить на этот серьезный вопрос внимание Археологической Конференции.

В обсуждении доклада приняли участие В. П. Бузескул, А. И. Маркевич, Н. И. Новосадский. Отметив ошибочность некоторых соображений докладчика о происхождении культа Геракла в древней Каркинитиде и вообще о смене племенных влияний в этом городе, В. П. Бузескул указывает на важность затронутого в докладе вопроса о продолжении раскопок в Евпатории и ее окрестностях. Уже те разведки, которые производились до сих пор, обнаружили несостоятельность прежнего мнения о незначительности территории Херсонеса, и Л. А. Моисеев показал, что эта территория простиралась на значительное расстояние в северном направлении. Новые раскопки помогут уточнить этот вопрос, представлявшийся между прочим и для В. В. Латышева неясным. А. И. Маркевич недоумевает, на основании каких источников докладчик отождествляет Каркинитиду с Евпаторией, и полагает, что в таких отождествлениях нужно быть более осторожным, так как местоположение Каркинитиды пока еще не определено. Н. И. Новосадский подчеркивает важность сделанного докладчиком сообщения о плачевном состоянии раскопок прежних лет, произведенных на месте предполагаемого местонахождения Каркинитиды, и одобряет ту настойчивость, с которою В. Ф. Штифтар проводит мысль о необходимости археологических изысканий в Евпатории. Он предлагает внести в desiderata съезда резолюцию о продолжении раскопок в этом районе.

П. Я. Чепурина выступает с дополнительным докладом на ту же тему. По ее мнению, пределы района древней Каркинитиды определяются местами нахождения монет с надписью КАРК, КЕРКІ, КЕР, ХЕРХ и т. п. Это — район нынешнего Нового города (в Евпатории) от военно-санитарной станции до дачи б. Новиковой. Монеты, найденные на территории военно-санитарной станции одновременно с чернолаковыми и чернофигурными черепками, указывают на древность первичного поселения. На юго-западной стороне оно сливалось, повидимому, с линией города Евпатории-Гезлеве татарско-турецкого периода. Это особенно ясно стало в настоящее время, когда при прокладке водопровода были обнаружены крепостные стены Гезлеве. Имеющийся в Евпаторийском Музее военный план 1771 г.,

составление которого относится ко времени крымского похода Василия Долгорукого, дает богатейший материал для этого периода. Этот план и ряд находок по всей территории города и его окрестностей, например, проходящие в разных местах под городом гончарные трубы неизвестного происхождения и неизвестной даты, требуют к себе внимания и побуждают желать всестороннего обследования и города, и его района.

В дальнейшем обмене мнений участвуют Н. Д. Протасов, А. П. Смирнов, Н. А. Захаров, К. Э. Гриневич, П. И. Голландский и Н. И. Новосадский. *Н. Д. Протасов* находит, что упоминаемые в докладе находки, повидимому, не связаны между собою и таковы, что их нельзя пустить в научный обиход. Он спрашивает, какой археологический материал найден вместе с монетами и есть ли какая-нибудь связь между найденными монетами и гончарными трубами. *Н. А. Захаров* полагает, что трубы и колодцы — новейшего происхождения, — быть может, времени татарско-турецкого господства. *К. Э. Гриневич* высказывает мысль о желательности объединения Евпаторийского и Херсонесского Музеев в работе и передачи из Херсонесского Музея в Евпаторийский предметы, найденных в Евпатории, с тем, чтобы и из Евпаторийского Музея были переданы в Херсонесский предметы, найденные в Херсонесе. Желательно также объединение сил для совместного изучения евпаторийских древностей, производства больших разведок в Евпатории и создания археологической карты этого участка. *П. И. Голландский*, возвращаясь к вопросу о гончарных трубах и к упомянутой в докладе на основании плана 1771 г. какой-то греческой церкви, по преданию, ушедшей в землю, замечает, что исследование древностей Каркинитиды не должно ослаблять интереса и к другим эпохам исторической жизни города, — например, к Средневековью. *А. П. Смирнов* допускает, что греческая церковь могла существовать в Евпатории в период караимской культуры. Отвечая на эти и другие замечания и возражения, *докладчики* поясняют, что они не имели в виду ничего другого, как только поставить ряд вопросов, связанных с историею отношений Евпатории к Херсонесу, и указать на заброшенность тех археологических памятников, которые, помимо своего непосредственного интереса, важны еще и потому, что наводят на мысль о том, что евпаторийский район скрывает в своих недрах много совершенно неизвестного нам археологического материала. На это указывают, например, многочисленные мелкие предметы древности, находимые окрестными крестьянами при вскапывании и распахивании земли: монеты, черепки древней посуды и т. п. *Н. И. Новосадский* вновь возбуждает вопрос о внесении в резолюцию пожелания о том, чтобы в ближайшем будущем было приступлено к раскопкам на почве евпаторийского района, а равно чтобы был произведен учет всему, что до сих пор было добыто прежними раскопками в тех местах, где искали следов древней Каркинитиды. Резолюция принимается (см. свод резолюций в конце настоящего издания).

II. Заседание 12 сентября.

На очереди стоит доклад А. Н. Деревницкого „Херсонесские коропласты“.

Докладчик пользуется юбилейным днем херсонесских раскопок, чтобы напомнить об открытиях, сделанных в 1888 и 1900 гг. Косцюшко-Валюжиничем, обнаружившим на херсонесской территории за городской стеной следы гончарных печей, ямы для приготовления глины, колодцы и каналы для сбора и хранения воды, в которых находились обломки глиняной посуды и других керамических изделий, а также помещение, служившее складом или магазином для готовых терракотт и форм, предназначенных для их изготовления. Это дало в свое время возможность установить, что в Херсонесе в древности существовал целый поселок с мастерскими керамистов и коропластов и что этот город был, если не центром, то во всяком случае одним из главных пунктов этой промышленности в области греческих поселений на юге России. До этого времени известна была только одна такая мастерская в Керчи. Впоследствии при земляных работах по сооружению феодосийского порта А. Л. Бертъе-Делагардом найдены были следы того же производства в Феодосии. Докладчик подробно останавливается на вопросе об отношении между различными видами гончарного мастерства в древности и на относящейся сюда древней технической терминологии и приходит к выводу, что, вопреки мнению акад. Н. П. Кондакова, керамику и искусство коропластов (лепщиков из глины) следует признать за отдельные отрасли этого мастерства и что в пределах каждой из этих отраслей существовала и более дробная специализация. При этом в местонахождениях подходящих сортов глины обыкновенно параллельно развивались многие виды керамической промышленности.

Что касается собственно херсонесских коропластов, то докладчик, дав обзор литературы вопроса, отмечает скудость литературных данных, которые имели бы непосредственное отношение к Херсонесу. Между тем как керченские, ольвийские и феодосийские терракотты в значительной своей части были изданы, херсонесские терракотты, почти целиком поступившие в собрания Археологической Комиссии и Эрмитажа, до сих пор не опубликованы,

кроме немногих случайных вещей, снимки с которых помещены на страницах периодических отчетов о раскопках. По мнению докладчика, только тогда, когда они будут изданы и таким образом войдут в оборот науки, возможно будет сделать их предметом сравнительного изучения и определить то место, которое они занимали в художественной промышленности понтийских греков, а также особенности, которые типичны для их стиля и характера.

В дальнейшей части доклада намечаются важнейшие вопросы, связанные с изучением этого отдела греческого искусства. Указав на разнообразие и сложность тех технических приемов, которыми пользовались коропласты в своей работе (выбор глины и различное комбинирование ее сортов, способ лепки — при помощи форм, штампов или просто от руки, — моделировка, наложение гипса и раскраска, степень обжига, — иногда, может быть, даже и не обжигание, а лишь просушивание на огне, отчего терракотты часто раскисают в земле, и проч.), докладчик выясняет то значение, какое имеет при этом находящийся в распоряжении мастера материал. Он дает обзор различных сортов глины, имеющих в районе древнего Херсонеса и ближайших к нему частей Гераклейского полуострова, и обращает внимание на разнообразие их свойств, позволявших пользоваться ими как для более грубых, так и для самых тонких художественных работ. Так, например, особенно сильно развитые к западу от Херсонеса красноватые глины, содержащие в себе много железа и после обжига принимающие темно- и ярко-красный цвет, могли идти на изготовление черепицы, кирпича и грубых больших сосудов, а залегающие под аллювиальными слоями в глубине бухт илы и иловатые глины зеленовато-серого цвета по своей пластичности были напротив годны для самых тонких керамических работ. Докладчик настаивает на том, что при изучении терракотт можно ожидать весьма важных результатов от обследования именно этой технической их стороны. Самое поверхностное ознакомление с деятельностью херсонесских коропластов приводит к убеждению в том, что она охватывала весьма большой период времени, простиралась до поздне-римских, — может быть, даже до византийских времен, — и отличалась широкою и разнообразною продукцією, при чем как бы сама собою навязывается мысль о „херсонесской школе“, о таких отличиях херсонесских терракоттовых изделий, которые могут объединять их в некое особое целое в противовес таковым же изделиям мастерских феодосийских и керченских. В издании терракотт Одесского Музея докладчиком в сотрудничестве с проф. Э. Р. фон-Штерном была сделана попытка провести в этом смысле черту разграничения между отдельными группами, но, к сожалению, она опиралась на довольно ограниченное число наблюдений (именно выпали из поля зрения херсонесские терракотты, которыми издатели не располагали), и это умаляет ее научную ценность, хотя мысль сама по себе была, конечно, правильною. Может быть, теперь настал момент для ее осуществления.

Переходя от вопросов формального характера к другим сторонам своей темы, докладчик останавливается далее на вопросе о видах, сюжетах, назначении и художественном достоинстве глиняных изделий, вышедших из мастерских херсонесских коропластов, и отмечает неудовлетворительность той классификации, которую полвека тому назад пытался построить для этого рода изделий акад. Н. П. Кондаков. По мнению докладчика, которое он уже выражал и ранее в печати, при всем различии сюжетов и назначения древних терракотт, можно уловить в этом отношении какой-то общий принцип, придающий всему видимому разнообразию существующих типов какое-то внутреннее единство, которое внушает предположение, что эта художественная отрасль имела свою точно определенную сферу применения и что какой-то невыясненный до сих пор закон традиции налагал здесь на творческую мысль художника известное ограничение. Быть может, не случайно то обстоятельство, что не в одном Херсонесе, а и в других местах мастерские коропластов найдены в соседстве с древним некрополем. Есть все основания думать, что производство терракотт стояло в каком-то еще не выясненном отношении к погребальному ритуалу и культу мертвых, что исходным пунктом деятельности коропластов служила религиозная идея, что на протяжении веков эта идея испытала ряд существенных модификаций и что в IV в. до н. эры от религиозно-мифологических сюжетов в этой области совершился переход

к бытовым. При этом одни из сюжетов оказываются повсеместно распространенными, общими для всего мира греческих поселений, другие (в роде, например, керченских гротесков с подвешенными к голове через полость фигуры членами) — связаны исключительно с определенными пунктами. Возможно, что и в отношении к терракоттам херсонесского происхождения удалось бы также уловить какие-нибудь черты, которые бы свидетельствовали о подобной же склонности херсонаситов к излюбленному кругу сюжетов (некоторые линии в этом направлении намечает и сам докладчик, ссылаясь однако в виде оговорки на неполноту материала, которым он располагал). Особенного внимания заслуживает, например, отдел херсонесских глиняных лампочек, — отдел очень многочисленный и разнообразный, часто отличающийся образцами высокохудожественного достоинства, побуждающий думать, что среди херсонесских коропластов были специалисты по изготовлению светильников (*Λουχνοποιίαι*). Были также, вероятно, специалисты и по изготовлению посуды с рельефными прилепами и штампованными днищами. Это были те области, в которых искусство коропласта скрещивалось с ремеслом керамиста.

Защищая художественное значение южно-русских (в частности херсонесских) терракотт против взгляда Поттье, склонного отказать им в этом значении и видеть в них лишь образчики варварского вкуса, докладчик полагает, что в развитии искусства коропластов следует различать вообще две линии: следуя одной из них, искусство это достигало самого высокого уровня, как о том свидетельствуют имена Халкосфена, Аркесилая и др.; по другой же из этих линий обрядовый характер употребления терракотт низводил эту отрасль художественной деятельности до степени простого и грубого ремесла, до кустарничества, рассчитанного на удовлетворение широкого и непритязательного спроса. Опубликование херсонесских терракотт, остающихся пока под спудом в витринах Эрмитажа и кладовых Археологической Комиссии, несомненно прольет свет на этот вопрос и возвысит и их художественную репутацию и интерес к ним.

Прения по докладу были открыты словами *О. Ф. Вальдгауэра*, который отметил своевременность затронутой докладчиком темы и указал, что вопрос об издании эрмитажных коллекций терракотт, в том числе и херсонесских, стоит на близкой очереди и что этим вопросом именно теперь заняты две сотрудницы Эрмитажа: Т. Н. Книпович и В. Ериштедт, подготовляющие под его руководством catalogue raisonné этих коллекций. *О. Ф. Вальдгауэр* различает в южно-русских терракоттах три группы: привозные, по большей части малоазиатские, местные, исполненные по греческим образцам, и местные, носящие отпечаток местного стиля. Последние часто тесно связаны с областью культа. Наиболее интересными являются терракотты второй категории, изготовлявшиеся по привозным греческим формам. К ним не трудно подыскать аналогии и в других местах. Что касается хронологии, то среди херсонесских терракотт весьма слабо представлен V век, несколько более — IV, и вообще развитие терракоттового производства в Херсонесе относится преимущественно к эллинистическому периоду. *К. Э. Гриневиц* присоединяется к мнению докладчика о необходимости сводной по музеям и систематической публикации уже имеющегося материала. В бытность свою в Керчи он уже составил нечто в роде карточного каталога терракотт, найденных Шкорпилом. Стоит на очереди вопрос о датировке. В этом отношении можно базироваться как на внешних датировочных указаниях (например, на общих комплексах, связанных с теми или другими находками терракотт, в роде монет, черепков посуды и т. п.), так и на особенностях стиля самих предметов. *К. Э. Гриневиц* не согласен с докладчиком о преимущественном производстве гротескных фигур в Керчи: среди керченских терракотт много таких, которые относятся к самым разнообразным типам, — бытовым, культовым и проч. Он полагает, что музеи должны были бы объединить свои усилия для издания каталога терракотт. Подобные издания могли бы мало-по-малу подготовить материал для общей истории искусства южно-русских колоний Греции. Что касается гончарных мастерских херсонесского городища, то докладчику, повидимому, осталась неизвестной одна из таких мастерских, находившаяся в восточной части и теперь уже исчезнувшая. Другая мастерская, открытая близ башни Зенона, воспроизведена в ее нынешнем состоянии во 2-м выпуске „Херсонесского Сборника“ (см. рис. 78, 93 и 94). *Ю. Ю. Марти*, касаясь вопроса о датировке терракотт, полагает, что она возможна в случае нахождения вместе с терракоттами легко поддающегося хронологическому определению материала, например, монет, черепков посуды и т. п. *Н. А. Щербаков* подчеркивает желательность более точного разграничения фигур, исполненных по привозным моделям, от фигур, выражающих местный стиль. Такое разграничение могло бы способствовать выяснению черт, характеризующих местные художественные школы. *А. Н. Деревицкий*, отвечая на эти замечания, выражает сомнение в том, что вообще существовали привозные формы, так как всякий мастер-коропласт всегда легко мог сам приготовить любую форму, пользуясь для этого не только привозными терракоттами, но и подходящими мраморными статуэтками, рельефами на металлических вазах и т. п. Что касается датировки терракотт, то именно эта легкость, с которой могла быть изготовлена любая форма, затрудняет датировку. Так, например, культовое применение терракотт и тот консерватизм, которым отличается всякий культовой ритуал, могли создавать условия, при которых производство

терракотт архаического типа продолжалось и тогда, когда время арханки в искусстве давно миновало. Таким образом, нужно различать датировку типа от датировки данного экземпляра. Совместное нахождение терракотт с монетами или датированною посудою дает основание чаще всего для датировки данных экземпляров, реже — типа. Даже имена короoplastов, иногда попадающиеся на терракоттах (примеры у E. Pottier et S. Reinach — „Nécropole de Murgina“), являются в этом отношении ненадежным свидетельством (права авторской собственности у древних не существовало). По вопросу о гротескных фигурах из Пантикапей докладчик считает нужным разъяснить происшедшее недоразумение: ему хорошо известно богатство и разнообразие керченских терракоттовых кладов, но он выделил пантикапейские гротескные фигуры, как тип, нигде, кроме Керчи, не встречающийся. Мастерская, существовавшая в восточной части городища, действительно ускользнула от его внимания; другая же мастерская, остатки которой сохранились близ башни Зенона, была, повидимому, не мастерскою короoplastа, а скорее посудною фабрикою. Н. И. Новосадский в своем заключительном слове подчеркивает важное актуальное значение затронутых докладчиком вопросов, особенно его мысли о необходимости обследования херсонесских терракотт со стороны материала и техники производства, и думает, что в этом направлении большую помощь мог бы оказать Институт Силикатов в Москве или Институт Археологической Технологии в Ленинграде. О. Ф. Вальдгауэр вносит предложение о желательности систематического издания херсонесских терракотт. Предложение принимается и вносится в резолюцию Секции (см. свод резолюций).

Собрание переходит к слушанию доклада Н. И. Новосадского „Критические и экзегетические заметки к некоторым херсонесским надписям“.

Проследив в общих чертах наиболее важные явления из внутренней жизни Херсонеса и его международных отношений, на которые встречаются указания в херсонесских надписях, докладчик остановился на двух эпиграфических памятниках, — на присяге херсонесцев и на постановлении в честь Аристона, сына Аттина, бывшего послом к Августу с поручением ходатайствовать о даровании Херсонесу политической свободы.

В присяге херсонесцев (JosPE, 401) докладчик выясняет значение слова $\sigma\alpha\sigma\tau\acute{\iota}\rho$, смысл которого до последнего времени остается темным. Рассмотрев высказанные в науке мнения об этом термине, докладчик доказывает, что $\sigma\alpha\sigma\tau\acute{\iota}\rho$ представляет ошибку резчика надписи вместо $\mu\alpha\sigma\tau\acute{\iota}\rho$. Σ в начале этого слова есть не что иное, как обращенное в горизонтальное положение M . Подобные ошибки встречаются в надписях. По свидетельству древних лексикографов, название $\mu\alpha\sigma\tau\acute{\iota}\rho\epsilon\varsigma$ носили те магистраты, которые наблюдали за конфискацией имущества граждан, осужденных на изгнание из родины. В клятвенном обещании херсонесцев сохранять эту власть докладчик видит влияние междуусобной борьбы в Херсонесе, происходившей в начале III века до нашей эры. Отражение этой борьбы докладчик усматривает и в других местах надписи. Таким образом „присяга херсонесцев“ получает совершенно новое освещение.

Разбирая постановление херсонесцев в честь Аристона, сына Аттина (JosPE—423), докладчик не соглашается с мнением Ф. Ф. Соколова, который видел в слове $\acute{\alpha}\rho\chi\alpha\iota\acute{\omega}\nu\tau\alpha$ указание на смерть Аристона в Риме, и с мнением Брандиса, сделавшего из этой надписи тот вывод, что Аристон добился дарования Херсонесу „свободы“. Докладчик полагает, что в слове $\acute{\alpha}\rho\chi\alpha\iota\acute{\omega}\nu\tau\alpha$ нужно усматривать формулировку в деликатной форме той мысли, что Аристон не добился своей цели. $\acute{\alpha}\rho\chi\alpha\iota\acute{\omega}\nu$ противопоставляется в надписи слову $\acute{\epsilon}\pi\iota\tau\epsilon\tau\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\chi\acute{\omega}\varsigma$, — „достигший успеха“. А это приводит к выводу, что при Августе, ко времени правления которого относится надпись, Херсонес не относился к *civitates liberae*.

При обсуждении доклада А. Н. Деревницкий останавливается прежде всего на остроумном объяснении загадочной формы $\sigma\alpha\sigma\tau\acute{\iota}\rho\alpha$, дающем посредством весьма простой и правдоподобной догадки, путем одного только обращения начальной буквы Σ из горизонтального в вертикальное положение, возможность вполне удовлетворительно истолковать темное место надписи. Догадка тем более кажется приемлемою, что слово $\mu\alpha\sigma\tau\acute{\iota}\rho$ — не выдуманное, оно встречается у Фотия, у Гесихия и в надписи из г. Аркезины, как и указано докладчиком. Менее подкупающим кажется ему однако объяснение слова $\acute{\alpha}\rho\chi\alpha\iota\acute{\omega}\nu\tau\alpha$. Здесь он предпочел бы также стать на путь конъектуральной критики и предположить, как и в первом случае, ошибку резчика. В. П. Бузескул замечает, что Цингерле также, подобно докладчику, считает написание $\sigma\alpha\sigma\tau\acute{\iota}\rho\alpha$ ошибочным, но его поправка ($\sigma\tau\alpha\tau\acute{\iota}\rho\alpha$) гораздо менее удовлетворительна. Конъектура, предложенная докладчиком, имеет не одно лишь чисто филологическое значение, — она наводит на мысль, что текст присяги был выработан для данного исторического момента, что она, таким образом, не имела общего характера, и это меняет смысл всей надписи. Ю. Ю. Марти сообщает, что Шкорпил также искал объяснения загадочному слову $\sigma\alpha\sigma\tau\acute{\iota}\rho$, и указывает в виде вопроса на термин $\acute{\iota}\epsilon\rho\sigma\mu\acute{\nu}\alpha\mu\omicron\nu\epsilon\varsigma$, встречающийся в надписях боспорских $\theta\acute{\iota}\alpha\sigma\omicron\iota$ и, может быть, представляющий некоторую аналогию. Н. И. Новосадский, отвечая на сделанные замечания, выражает несогласие с мнением, что слово $\acute{\alpha}\rho\chi\alpha\iota\acute{\omega}\nu\tau\alpha$ может быть продуктом ошибки резчика: слово это слишком просто и ни с какой стороны не могло затруднить резчика. Оно останавливает на

себе внимание потому, что то или иное понимание его влияет на решение вопроса, получил ли Херсонес во времена Августа „свободу“. Что касается временного характера присяги, то он подтверждается между прочим имеющимся в ней указанием на запрещение вывоза хлеба из Херсонеса. Такое запрещение, конечно, могло быть только временным. Ссылка на термины *φιασος* (*φιάσοι*), по мнению докладчика, неуместна: *ἑρριμύρονας* — магистраты культа, а в присяге херсонесцев говорится об отношениях гражданского порядка.

III. Заседание 13 сентября.

Слушается доклад А. С. Федоровского „Средневековая бронзовая статуэтка, найденная в Херсонесе“.

Докладчиком изучена небольшая бронзовая человеческая фигурка, находящаяся в Херсонесском Музее. Она изображает человека с поднятой правой рукой, опущенной левой и широко расставленными ногами, как будто сидевшего на коне, отчего в музейной описи она и называется „статуэткой всадника“.

Фигурка одета в кольчугу с узким поясом, на голове кольчужный шлем, заканчивающийся высоким шишаком, переходящим в очень высокий четырехгранный стержень. Стержень этот весьма напоминает гвозди подсвечников, каких несколько экземпляров найдено в Херсонесе. Статуэтка является уникальной, и вполне близких к ней ни в литературе, ни в музеях автор не знает. Однако, существует цикл памятников, которые можно сблизить с исследуемой фигуркой. А. А. Сплицын предложил для них название „уродливых местных статуэток“, которое и можно принять, как совершенно условное. Эти фигурки являются, повидимому, шаманскими онгонами, преимущественно Золотой Орды.

Херсонесская фигурка не связана с упомянутой группой ни в иконографическом отношении, ни по назначению. Но по стилю и по технике исполнения она обнаруживает значительное сходство с самой крупной группой упомянутых статуэток, характеризующихся округленными чертами. По распространению их можно со значительной уверенностью приписывать татарам Золотой Орды. С последнею группой херсонесскую статуэтку сближают еще характерные плоские уши в виде пластинок, одна из которых просверлена. Важно, что в Херсонесе была найдена еще одна грубая статуэтка, вполне примыкающая к циклу „уродливых“ и проявляющая в то же время некоторые черты сходства с описываемой. Другая группа памятников, которые можно сближать с херсонесской фигуркой, — каменные бабы. Общими чертами являются детали одежды фигурки. На плечах ее имеются полоски, изображающие, повидимому, ремни, соединенные срединной перемычкой с большими нагрудными бляхами. Расположение ремней и блях совпадает с таким же расположением их на каменных бабах.

На основании этих сопоставлений можно считать херсонесскую фигурку поздне-кочевнической, — половецкой или золотоордынской, чему не противоречат исторические данные.

Что касается назначения статуэтки, то возможно, что она служила подсвечником, быть может, входя в состав более сложной композиции.

В последовавшем за докладом обмене мнений В. М. Зуммер высказался в том смысле, что докладчик достаточно ясно определил интересовавшую его статуэтку. Особенно обращают на себя внимание в этой фигуре индийские черты. По ней можно проследить весь путь, пройденный кочевниками. Н. А. Щербаков полагает, что статуэтка изображает не идущего человека, а как бы висящего. Она могла служить для светильника или, быть может, составляла часть более обширной композиции. Вся фигура степняка очень характерна. Д. П. Гордеев находит, что эту статуэтку можно действительно поставить в параллель с каменными бабами кочевнических племен. Полная фронтальность, столпообразная посадка и трактовка тела без анатомических черт. Но, несмотря на незнание анатомических особенностей, фигурку сопровождают бытовые черты. Художник хотел охарактеризовать фигуру, как воина в боевом вооружении. Происхождение же памятника из Херсонеса заставляет думать о связи его с кочевниками. Интересен вопрос, можно ли в данном случае предполагать использование степных подсвечников в Херсонесе, или же здесь имеет место обратное явление. Т. Ф. Гелах тоже находит, что при взгляде на лицо и безжизненный корпус статуэтки вспоминается каменная баба, но тип каменных баб в высшей степени общий, и приписывать этот тип кочевникам совсем точно. Данная статуэтка имеет черты, отодвигающие ее хронологически несколько дальше: фибула—гальштадтского типа, лицо—монгольского типа и проч. Осман Акчокраклы обращает внимание на головной убор статуэтки, напоминающий индийскую пагоду. Известно, что головные уборы некоторых народностей имитируют куполы храмов. Так как пагода встречается у монголов, как женский головной убор, то не есть ли эта фигура женская? На эту мысль наводит еще наличие отверстий в ушах. Киргизские женщины и теперь носят такой же убор. Н. Д. Протасов находит, что на статуэтке изображена не кольчуга, а панцирная

рубашка и панцирный шлем. В летописях Манассии болгарская конница изображается в таких же одеждах, но имеет еще и крест. Портупей, стягивающая верхние части рук статуэтки, напоминает византийский церемониальный крест. Изображение напуска панцирной рубашки на пояс встречается только в болгарских миниатюрах и фресках. То, что это — светильничная фигура, в этом нет никакого сомнения. Датировать ее можно было бы VIII—X веком. А. С. Федоровский замечает, что статуэтки, найденные на Украине, дают неопровержимое доказательство, что наши шаманы получали через ламантов памятники индийской скульптуры. Руки, расположенные по двуслойной симметрии, очень характерны для последней. Очень правдоподобно, что статуэтка служила в качестве подсвечника. Несомненно, что это произведение местного искусства. Вещь сделана в Херсонесе мастером-кочевником. Принимая мнение Османа Акчокраклы, докладчик не соглашается с Н. Д. Протасовым в вопросе о панцире. Здесь мы имеем кольчугу, так как колечки изображены очень выразительно. Напуск на пояс — нормальное явление при изображении металлических одежд. Перекладины под руками и грудью, в которых Н. Д. Протасов склонен видеть крест, в точности представляют отделку, которая встречается на каменных бабах. Докладчик называет ее „портупей“. Плоское просверленное ухо — это деталь, которую следовало бы проследить по коллекциям музеев. Д. П. Гордеев считает, что мы имеем перед собою памятник, где сталкиваются оседлый и кочевой быт. Подобные светильники засвидетельствованы у оседлого населения, а относительно кочевников неизвестно, были ли они у них. Он предполагает здесь взаимное влияние кочевой и оседлой культуры. А. П. Смирнов определяет статуэтку, как фигуру всадника, а не как уродливую фигуру. Полное пространство сзади свидетельствует, что был стержень для насаживания на коня. Т. Ф. Гелах замечает, что отверстие, может быть, служило и не для штифта, так как оно неправильной формы и непараллельно фигурке. Н. Д. Протасов интересуется, какие еще были найдены предметы при статуэтке. А. С. Федоровский на этот вопрос отвечает незнанием. Он обращает внимание на более тщательную отделку наружных поверхностей статуэтки и присоединяется к мнению Д. П. Гордеева, что она возникла на территории городской культуры, но носит отпечаток стиля кочевников. Н. И. Новосадский в заключительном слове признает за докладом большой интерес и находит соображения докладчика остроумными и продуманными, но полагает, что в наших музеях вряд ли найдется много аналогий для трактуемой в докладе статуэтки, а потому было бы хорошо опубликовать его за границей, где затронутые в докладе и в прениях вопросы могли бы вызвать к себе интерес со стороны лиц, располагающих большим количеством материала для сравнения.

Намеченные к слушанию доклады: Б. В. Варнеке — „Александр Львович Бертье-Делагард“ (доклад представлен), Л. А. Моисеева — „Об одной из базилик, открытых лейтенантом Крузо в 1827 г.“, В. И. Яковлева — „Обмеры памятников Херсонеса, произведенные в 1909 г.“, и Е. Э. Иванова — „Херсонес и русско-славянская грамота“ и „Краткий обзор истории Херсонеса“ — за отсутствием докладчиков и, частью, за непредставлением рефератов снимаются с очереди.

II. СЕКЦИЯ ОБЩЕЙ АРХЕОЛОГИИ.

Секция Общей Археологии имела три заседания (11, 12 и 13 сентября), на которых было заслушано одиннадцать докладов. Из них археологии, преимущественно Крыма, касались пять докладов, один был посвящен хеттской керамике Керченского Музея, два — памятникам средневекового искусства в Судаке, один — вопросу о печенеггах, один — грузинской средневековой живописи грекофильского направления и один — картинам Эрмитажа в костелах степной Украины и Крыма. Председательствовал проф. В. А. Городцов, его заместителем был проф. И. Н. Бороздин, секретарями состояли Т. Ф. Гелах, Н. Л. Эрнст, В. М. Зуммер и Г. Д. Белов.

1. Заседание 11 сентября.

Слушается доклад Г. А. Бонч-Осмоловского „Предварительные данные о раскопках Крымской Экспедиции Зоологического музея Академии Наук СССР в 1927 году“. Сообщение, по заявлению докладчика, носит исключительно информационный характер, так как работы экспедиции еще не закончены.

Раскопки текущего года являются прямым продолжением исследований каменного века в Крыму, производившихся докладчиком, начиная с 1923 года. Кратко изложив достижения прошлых лет, докладчик переходит к работам настоящего времени, широко развернувшимся, благодаря отпущенным Академией Наук средствам. Основным заданием являлось окончание исследований стоянки Кукрек вблизи с. Кипчак и скалистого навеса Сюрень I¹⁾, раскопки которых были начаты еще в 1926 году. В стоянке Кукрек удалось с несомненностью установить наличие двух культурных слоев: верхнего, слабо выраженного, с типичной

¹⁾ Так называется одна из двух пещер-навесов у дер. Сюрень на р. Бельбек.

микролитической индустрией (трапецевидные орудия), и нижнего, ранне-микролитического, весьма богатого кремневыми орудиями, среди которых совершенно отсутствуют геометрические формы. Поиски костеносных участков стоянки не увенчались успехом; повидимому, незначительное количество животных в культурном слое объясняется их разрушением благодаря местным условиям. На откосе стоянки была заложена глубокая траншея, давшая возможность установить отсутствие в нижнем гравии более древних культурных слоев (как это предполагалось проф. П. А. Двойченко). В том же районе, в стоянке Нейзац, раскопаны шесть новых мусорных ямок кизил-кобинской культуры (бронзового века). В одной из них найден совершенно целый скелет собаки.

Раскопки Сюреньской пещеры представляли огромные трудности. Она исследовалась еще К. С. Мережковским в 1879—80 гг., но работа его не была доведена до конца. В 1926 году докладчиком, при разведочных раскопках у стен навеса, был обнаружен один культурный слой с ранне-ориньякской кремневой и костяной индустрией. Здесь же был найден коренной зуб человека. В связи с этим исследование текущего года производилось с максимальной тщательностью. От склона пещеры была заложена глубокая до 5 метров траншея, соединявшаяся с шурфом прошлого года. При прокладке ее наткнулись на огромный упавший сверху обломок скалы, под которым пришлось идти туннелем на протяжении 6 метров. Другие обломки были взорваны, при чем слои при взрыве страдали значительно меньше, чем при дроблении камней. Землю и камни приходилось вывозить на тачках через туннель. Регистрация велась по квадратам и по слоям, с применением карточной системы. При разборке культурных слоев применялись исключительно мелкие инструменты. Для закрепления весьма хрупких костей впервые был употреблен новый состав—раствор целлоидина в ацетоне, давший прекрасные результаты. Это исследование, продолжавшееся 6 недель, привело к установлению наличия трех культурных слоев с различной индустрией: нижний слой, наиболее мощный, с характерными мелкими пластинками, с противоположной ретушью, относится к раннему ориньяку и тождествен с открытым в прошлом году; средний слой, повидимому, нужно отнести к среднему ориньяку и, наконец, верхний, очажные прослойки которого слабо выражены,—к концу палеолита. Он характеризуется большим количеством пластинок с притупленным краем. Чрезвычайно богаты палео-зоологические находки. В нижнем слое есть подозрение на присутствие песка и пещухи, в верхнем—лося. По окончании раскопок траншеи посредине ее была заложена шурфовая яма для выяснения глубины залегания скалистого дна пещеры. В ней на глубине 6 метров найдена крупная кость, принадлежащая, повидимому, мамонту или носорогу. Шурф докопан до глубины 8,2 метра, но скала не достигнута. Есть показания на присутствие еще ниже более древних культурных слоев. Исследование стоянки нельзя считать законченным. В будущем году предполагается раскопать и расчистить весь западный угол пещеры, оставив открытыми вертикальные срезы, и превратить ее таким образом в палео-этнологический экспонат.

По примеру прошлых лет во время работ сотрудниками экспедиции производилась разведка окрестностей. По указанию Н. Л. Эрнста, студентами Е. В. Жировым, Е. К. Борисевичем и С. Н. Бибиковым вблизи Сюреньской башни открыт новый пещерный монастырь, до сих пор нигде не опубликованный; исследованием его занялся Н. Л. Эрнст, принимавший участие во всех работах экспедиции. В Байдарской долине студентами С. А. Трусовой и С. Н. Бибиковым разведано около 25 пещер. Две из них, расположенные вблизи селения Уркуста, дали исключительно интересные результаты. В первой разведочные раскопки обнаружили два культурных слоя: нижний—с очень грубыми орудиями сегментовидной формы, верхний—с типично микролитическими трапециями. Во второй пещере, в углу пробной ямки, на глубине 0,7 метра от поверхности, разведчики наткнулись на человеческий череп. По окончании раскопок в Сюрени работы экспедиции были перенесены в эту пещеру. После тщательного обследования погребения пришлось прийти к выводу, что оно относится к микролитическим слоям. Скелет, принадлежащий, повидимому, мужчине средних лет, лежит на правом боку с поджатыми ногами; зубы очень стертые. В настоящее время вскрыты череп, левая лопатка, верхний эпифиз плечевой кости и диафиз левого бедра. В виду

большого научного значения этой находки погребение предположено вынуть целиком с землей в гипсовом монолите¹⁾. Работы еще продолжаются и обещают дать много новых данных для выяснения бытовых особенностей загадочной микролитической культуры.

Доклад вызвал оживленные прения. А. С. Федоровский отметил, что докладчик — из „счастливых“ археологов и оглашенный им материал — громадной важности, но он вызывает вопросы и недоумения. Термин „микролиты“ — мало удачен. Он лишен устойчивого содержания: немцы, например, под микролитами понимают не отдельные орудия, но — осколки производства. Введение этого термина нарушает единство классификационного принципа: палеолит, неолит — хронологические категории, микролит — морфологическая. Назначение микролитов не является загадочным: доисторический костяной гарпун с кремневой вставкой — его разъяняют орудия современных дикарей со вставленными акулыими зубами. Как-раз трапециевидные микролиты удобно сопоставляются с зубами акулы. Крайне ценным является установление фаунистической обстановки жизни человека в Крыму, — в частности наличие арктической фауны. Найденный скелет человека хорошо бы вырезать с большим количеством земли: она сохраняет лучше гипса. К. Э. Гриневиц жалеет, что докладчик мало остановился на своей послыбно-поквадратной карточной системе; она могла бы пригодиться археологам и иных специальностей. Ряд обстоятельных замечаний делает В. А. Гордцов. „Со времени Революции, — говорит он, — необычайно развились раскопки и обогатились музеи. Находок костей четвертичного человека до Революции не было ни одной; число открытых палеолитических стоянок со времени Революции больше чем удвоилось. Докладчику удалось обнаружить древнейший памятник не только Крыма, но и всего Союза. Докладчик относит Киик-Кобу к ранне-мустьерскому периоду; однако впечатление, вынесенное от участия в его раскопках, таково, что это скорее поздне-мустьерская культура, самого конца мезолита. Сюреньские вещи не имеют характерного ориньякского облика: насколько можно судить по описанию, это — поздне-мадленский период. Наличие в Сюрени арктической фауны указывает на четвертое вюрмское оледенение. Человек в Крыму появляется с отступлением рисского оледенения. Микролиты — осколки, отбитые от нуклеуса отжимником, — обычно сопровождают кремневую технику с ориньяка до настоящего времени (северо-американские эскимосы) и для хронологических определений не годятся; но сперва (ориньяк) они редки, потом становятся все многочисленнее. И в этом нельзя не видеть падения техники: орудие оценивается не по величине, но по совершенству лезвия, по которому микролиты выше. Микролиты сопровождают на переходе от палеолита к неолиту какое-то движение с юга на север в связи с отступлением четвертого оледенения. Когда в Африке степь превращается в пустыню, фауна и человек спешат к рекам, к морю. Но берег Средиземного моря уже населен, — начинается борьба за животных, побежденные ищут способов переправиться на острова, где мы и находим следы древнейшего неолита. С островов пришельцы проникают на Пиринейский полуостров, уничтожая палеолитического ориньякского человека, прорываются в Польшу, в Россию — до Новгорода. И, когда наступает успокоение, снова появляются и макролиты там, где, как в средней России, оказались большие запасы кремня. Но, например, ланцет, нежный осколок, только и можно добыть отжимником, — и микролитическая техника не исчезает, но идет параллельно. Раскопная техника докладчика хороша и изящна; но что понимает он под „горизонтом“? Археологический горизонт или геологический? На Керченской Конференции вынесено было постановление, чтобы раскопки пещер необходимо велись совместно с геологом; было ли это соблюдено при раскопках докладчика?

В своем ответе Г. А. Бонч-Осмоловский, во-первых, соглашается с неудачностью термина „микролит“, но в настоящее время отсутствует другой, более подходящий. Он его употребляет в понимании ленинградской школы доисториков, как обозначение особой культуры, характеризующейся мелкими орудиями геометрических очертаний и соответствующей тарденуазской культуре Запада. Загадочность геометрических орудий не разрешается находкой гарпуна с кремневыми вставками, так как там дело идет о прямых пластинках. Аналогия с зубами акулы возможна, но далеко не доказана. Против нее можно привести некоторые детали в технике приготовления трапеций. В возможности выемки погребения целиком вместе с землей нет уверенности, так как сыпучесть грунта и близость скалы может послужить неодолимым для этого препятствием. Переходя к возражениям В. А. Гордцова, докладчик указывает, что большинство разногласий, в частности определение культур грота Киик-Коба, базируется на различных теоретических подходах к вопросам классификации. Исходным пунктом у докладчика являются моменты не геологические, а культурно-хронологические, так как первые при современном положении геологии представляют слишком шаткое основание. Термин „эпоха“ заменяется термином „культура“, при чем для различия древних палеолитических культур кладутся в основу не проблематичные способы употребления или форма сравнительно редких типичных орудий, а индустриально-технический момент, способ первоначального скола с нуклеуса. „Горизонт“ является техническим раскопным термином. Это — разделение единого культурного слоя, производящееся в полном соответствии с залеганием последнего и служащее для уточнения методов раскопок. Вопрос о присутствии геологов на палеолитических раскопках не так прост. Начиная с 1923 года, докладчик ежегодно приглашал двух-трех специалистов-геологов, но только дважды удалось ему добиться прибытия их на один-два дня. Геологи мало заинтересованы в поздних четвертичных, особенно в пещерных отложениях. Повидимому, для разрешения этого вопроса следует обратиться в высшие научные органы с указанием важности развития науки о пещерах, спелеологии. Возможно, что образованная при Всесоюзной Академии Наук Четвертичная Комиссия возьмет на себя инициативу в этом вопросе. В заключение докладчик приглашает участников Конференции посетить место последних его раскопок около селения Уркуста к моменту выемки погребения.

¹⁾ В настоящее время монолит уже вынут и перевезен в Ленинград в Академию Наук. *Прим. ред.*

Вторым следовало сообщение Т. Ф. Гелаха „Следы доисторического человека в Херсонесе и на Гераклейском полуострове“.

„Крымская ССР в археологическом отношении представляет настоящий музей, в котором на сравнительно небольшом клочке земли перед нашими глазами разворачиваются почти все мировые культуры. Между тем изучение первобытной древности в Крыму началось лишь в конце 70-х годов прошлого столетия проф. Казанского Университета К. С. Мережковским, и после того как работы Мережковского были неожиданно прерваны, крымская доистория была забыта официальной наукой почти в течение 30 лет. Только в начале XX века работы по первобытной археологии вновь оживились и концентрировались главным образом в двух пунктах—в Ялтинском Музее Краеведения и в Центральном Музее Тавриды в Симферополе. Работы эти завершились открытием культур древнего палеолита, сделанным Г. А. Бонч-Осмоловским. При этом однако территория древнего Херсонеса, равно как и соседняя с нею площадь Гераклейского полуострова, оставалась почти незатронутой. Сводка, сделанная проф. В. Данилевичем и напечатанная в Сборнике Харьковского Историко-Филологического Общества при Харьковском Университете, посвященном памяти Е. К. Редина, является до настоящего времени единственным трудом по каменному веку для Херсонеса. На Гераклейском же полуострове больше искали и отчасти находили культуры позднейшего времени (страбоновский Херсонес, загадочные башни и проч.). Докладчику удалось изучить в фондах Херсонесского Музея, классифицировать и описать коллекцию Дм. Осип. Шпака, которая впервые обнаруживает перед нами на Гераклейском полуострове следы человека каменного века. На основании архивных материалов, оставшихся после смерти Д. О. Шпака, нам стали известны и некоторые детали, характеризующие жизнь и личность последнего.

„Д. О. Шпак, севастопольский житель, в течение 25 лет собиравший древности, был археолог-самоучка, малограмотный, но с большим природным умом. По профессии он был старьевщик, а в последние годы своей жизни страдал какою-то психической болезнью. С нравственной стороны, как указывают архивные материалы, это был в высшей степени интересный человек. Горячо преданный любимой им археологии, он 25 лет занимался ею и, будучи малограмотным, носился с мыслью составить археологическое описание Гераклейского полуострова. Коллекция его составлена из самых разнообразных предметов разных эпох, как, например, античных предметов, монет, образков и т. п. Подробной описи этих предметов нет. Не всегда поддается также определению и их происхождение.

„Коллекция каменных орудий разобрана и описана докладчиком при содействии студентов херсонесского семинария и нашита на планшеты. Среди типов орудий коллекции имеются: 1) нуклеусы, 2) пластинки (лямки), отретушированные и неретушированные, 3) скребки, 4) остроконечники, 5) „пилки“, 6) „ножи-пилки“, 7) наконечники стрел, 8) наконечники копий, 9) четырехугольные режущие пластинки, 10) обломки и осколки разных орудий, 11) шлифованные топоры, 12) шлифованные молотки и 13) поделки из кости. По архивным материалам удалось выяснить, что Шпаком на территории Гераклейского полуострова были открыты две стоянки, которые он именуется: „стоянка № 1“ и „стоянка № 2“. Докладчик имеет основания рассчитывать найти эти места в процессе дальнейшей работы“.

Докладчик заключает свое сообщение рядом выводов, а именно: „1) коллекция Шпака свидетельствует, что на территории Гераклейского полуострова жил первобытный человек, как он жил и на территории Херсонеса; 2) необходимо направить в эту сторону изыскания с тем, чтобы работы проводились строго организованным порядком; 3) принимая во внимание, что некоторые вещи из коллекции Шпака представляют аналогию с находками на крымской Яйле, можно предположить, что раскопки на Гераклейском полуострове дали бы ключ к разрешению некоторых вопросов общекрымской археологии; 4) в виду всего этого желательно опубликование материалов из коллекции Шпака, как имеющих научное значение“.

В обсуждении доклада принимают участие И. Н. Бороздин, А. С. Федоровский, С. И. Забнин, П. П. Бабенчиков, Н. Л. Эрнст, В. А. Городцов. И. Н. Бороздин заявляет, что по общему впечатлению в коллекции Д. О. Шпака собраны примечательные предметы, проливающие свет на пренестию Гераклейского полуострова, способствующие

рассеянию нависшего над ним киммерийского тумана, но доклад содержит как будто бы апологию „счастливи́чиков“. Шпак, много нарывши, много перепортив, принес величайший вред для науки. И краеведение нельзя понимать слишком широко: исследовательский энтузиазм молодежи ценен, поскольку он вводится в научное русло группирующим вокруг себя молодежь научным специалистом. Деятельности же „счастливи́чиков“ должно быть вынесено самое суровое порицание. *А. С. Федоровский* с своей стороны добавляет, что интересная по материалу коллекция любителя-скупщика может быть научно проработана только тогда, когда собраны будут данные о провенансе вещей. Из показанных докладчиком предметов одним из самых интересных является считаемая им за „поддельную“ стрелка из роговика. Ценно было бы выяснить, местного ли она происхождения и есть ли здесь такие роговики. Поздние квадратные скребла эскимосского типа вправлялись в роговую оправу. Ни одного микролита, как орудия, в коллекции нет, — есть лишь осколки, дребезги, отбросы производства. „Пилы“, „пилочки“, вероятно, являются орудиями для выделки костяных игл, а „наконечники копий“ — металлического периода кинжалами. Зеленый клин, отбойник, нужно обследовать с точки зрения материала, — возможно, что он происходит из Подолы, из Воьны. Очень интересен штампик для нанесения орнамента на глиняные изделия. По заявлению *С. И. Забнина*, около Сак, в Новой Федоровке, у моря, при вспашке обнаружены были керамика, осколки кремня и полированные топоры, близкие по форме к показанным. Шлифованные орудия — из диорита, находимого в окрестностях Симферополя. Эти находки, по всей вероятности, будут связаны с раскопанной им на этом месте зольной ямой, в которой встречалась такая же керамика и осколки кремня. *П. П. Бабенчиков* замечает, что любительское искательство с ростом краеведения не уменьшается: и сейчас ищут золота, кладов, снаряжения, оставленного англичанами... Не вся коллекция Шпака попала в Музей: после смерти его вдовы многие вещи распродавались на толчке. В Музее находится неразобранная коллекция керамики, собранной также на Геракле́йском полуострове работавшим здесь и затем уехавшим в Харьков Львом Ник. Соловьевым. *Н. Л. Эрст* спрашивает, считает ли докладчик, что демонстрируемые им вещи принадлежат одной культуре, или разным? Есть ли указания, где именно находятся упоминаемые у Шпака „стоянка № 1“, „стоянка № 2“? К микролитической культуре Яйлы коллекция Шпака не имеет отношения, и никакого ключа не дает. В ответ на эти вопросы и замечания *Т. Ф. Гелах* заявляет, что со взглядами *И. Н. Бороздина* на вред, причиняемый „счастливи́чками“, нельзя не согласиться, все же, археология в значительной мере построена на „счастливи́чках“, собирателях. Сомнение в подлинности стрелки из роговика высказано было лишь предположительно: возможно, что это не роговик, но какая-то сланцеватая порода. Квадратные „скребла“ *Ефименко* называет просто режущими орудиями. „Счастливи́чки“ исчезают на глазах, — в Крыму держатся еще потому, что здесь можно найти золотые и серебряные вещи. Собрание Шпака — разнородное: *С. И. Забнин* опознал среди предметов стрелку с Кавказа, подаренную им *Д. О. Шпаку*. Но некоторые предметы были в бумажках с надписями: „стоянка № 1“, „стоянка № 2“, „Бахчисарай“. Плана этих стоянок нет, но на основании произведенных расспросов, быть может, удастся их найти. Суровую оценку коллекции Шпака дает *В. А. Городцов* в своем заключительном слове. „Такие путанные коллекции, — говорит он, — без обозначения места находки, не допускают научно-критического подхода: их приходится отбрасывать. „Счастливи́чки“ — бич, и число их не сокращается. Их стремление работать „для потомков“ ни благодарности, ни уважения не заслуживает, ибо ничем не может быть возмещена порча и гибель археологических памятников, по природе своей неповторимых“.

II. Заседание 12 сентября.

Председательствует *И. Н. Бороздин*.

Слушается доклад *В. А. Городцова* „Каменные орудия, найденные в почве древнего Херсонеса и его окрестностей“.

„Столетние раскопки Херсонеса и позднейшие исследования его окрестностей дали блестящие результаты в отношении освещения исторической жизни обитателей местности, что объясняется необыкновенно насыщенностью почвы остатками материальной культуры этих обитателей. В счастливый час заложенный греками город Херсонес просуществовал около 2000 лет. Древние греки умели выбирать места для своих поселений; однако избранная ими местность была оценена высоко уже их предшественниками, жизнь которых здесь протекала в так называемые доисторические времена. Памятниками пребывания доисторических обитателей на Геракле́йском полуострове вообще и на площади Херсонеса в частности являются каменные и — реже — костяные орудия. Количество их еще невелико и находки их сделаны большею частью случайно. По замечанию *Косцюшко-Валюжинича*, каменные орудия и осколки кремня на площади Херсонеса залегают в самом низу, под культурными наслоениями города, располагаясь как бы гнездами. Присутствие среди осколков нуклеусов ясно указывает на местную выделку каменных орудий, на наличие здесь специальных мастерских. Материалом для орудий обычно служили кремень и темно-серые твердые горные породы; только однажды найдено орудие из обсидиана, выходы которого неизвестны в Крыму, что указывает на ввоз этого материала издалека, — может быть, с южного Кавказа, где обсидиан изобилует. Среди каменных орудий Геракле́йского

полуострова имеются топоры, молоты, ножи, копья, наконечники стрел, пилки, *вкладыши*, сверла. Наряду с ними в большем количестве найдены осколки кремня и несколько нуклеусов. Весь этот материал дает возможность познакомиться с техникой выработки орудий и руководящими формами изделий, помогающими определить время и состояние культуры.

„Изучая нуклеусы, а также и более характерные формы орудий, легко убедиться в существовании нескольких технических приемов, из которых самым примитивным является прием сколотой техники, когда отбойником отделялись более или менее грубые осколки от ядрищ или нуклеусов, из которых после выработывались те или другие формы орудий. Памятником такой выработки является один дисковидный нуклеус. Второй прием связывался с отжимной техникой, когда осколки, обыкновенно тонкие и изящные, отделялись от нуклеуса не отбойниками, а отжимниками, т.-е. особыми инструментами, сделанными из кости или дерева; при помощи их же велась и самая тонкая, часто изящная отделка мелких и средних орудий. Третьим техническим приемом является прием полирования или шлифования орудий на точильных камнях. Четвертым приемом служил прием сверления, а пятым — прием зубцевания“.

Докладчик подробно останавливается на объяснении и истории приемов сколотой и отжимной техники, на полировании камня, на его сверлении полым и массивным сверлами, наконец на зубцеватой технике и ее истории, а затем делает выводы в отношении определения времени по техническим приемам. „Обилие технических приемов указывает на позднее время, когда человек обогатился опытом, причем наиболее точное определение времени дают полирование и сверление; однако это определение все же не может нас вполне удовлетворить. Более точные даты позволяет извлечь лишь морфология каменных орудий и прежде всего формы кремневых наконечников стрел. Они малых размеров, трехугольной формы с выемкой в основании. Такие стрелы свойственны только культурам металлического периода и совершенно несвойственны даже концу неолита. Мы их находим в большом количестве в северо-кавказской культуре поздней поры палеометаллической эпохи, например, в курганных погребениях станицы Царской, затем в катакомбной культуре юга СССР. Они свойственны также более поздним культурам урартийцев, где такие наконечники выработывались из обсидиана. Не отсюда ли и обсидиан Гераклеяского полуострова? Очень характерны для определения времени сверленные топоры, молоты. Их массовая выработка совпадает с металлическим периодом. Они известны в катакомбной и срубной культурах р. Донца, в фатьяновской культуре и в средней России, а также, что особенно интересно, — в галичской культуре ранней поры неометаллической (железной) эпохи, приблизительно X—VIII веков до нашей эры.

„Время каменных орудий херсонесского городища определяется металлическим периодом. Трудно сказать более точно, но все же формы орудий указывают на принадлежность орудий к поздней или ранней поре неометаллической эпохи; ко времени катакомбной культуры или галичской культуры, т.-е. уже ко времени около X века до н. эры. И если бы последняя дата была верна, то мы могли бы поднять вопрос о принадлежности орудий к раннему времени киммерийской культуры“.

При обмене мнений по поводу доклада *А. С. Федоровский* выражает сомнение в том, что всю группу орудий, которой посвящено сообщение, можно, за исключением одного большого нуклеуса, относить к одному моменту. Затем он обращает внимание на другой нуклеус со сработанным концом, служивший отжимником. Клинок имеет очень архаическую форму, как подольские, волынские; украинская форма вкладышей несколько иная. В зубцеватой технике инкрустации бывают исполнены иногда и серпы, и гарпуны. По мнению *Н. Л. Эрнста*, есть аналогия между большим нуклеусом из Херсонеса и скреблами шельского типа ориньякского слоя Сюреньской пещеры. *Т. Ф. Гелах* замечает, что в высоких слоях херсонесского городища кремневые предметы перемешаны с античными, и спрашивает, не могли ли некоторые из рассмотренных орудий употребляться и в античное время. *Э. Г. Оксман* сообщает, что в Одесском Музее также есть каменные топоры из Херсонеса. *В. А. Городцов* в своем заключительном слове объясняет, что материал может относиться не к одному моменту, может сопровождать поздние культуры; судить об этом при отсутствии дневника нельзя. У нуклеусов пирамидальной формы, употребляемых для рассверливания отверстий, не обработан обычно бок. Каменные орудия из Херсонеса хранятся и в Московском Историческом Музее и в Херсонесе. Большой нуклеус может относиться и к палеолиту. У греков кремневых орудий не было, — кремневым орудиям воинов Дария удивлялись.

Собрание переходит к слушанию доклада А. А. Фомина „Обзор предварительных разведочных работ в Судаке“¹⁾.

„Интерес к Судаку, как к древне-русскому Сурожу.—Общий обзор древностей Судака и его окрестностей,—римских, византийских, армянских, гетуэзских, турецко-татарских.—Краткий обзор памятников гетуэзской крепости: больших ворот, мечети, замка консула, Кыз-Куле, развалины за горой Балват и под горой Сокол, на горе Пергем и на горе Георгия, водопроводных сооружений.—Демонстрация фотоснимков, памятников домашнего быта и образцов штукатурки и росписи.—Современное состояние памятников в отношении их сохранности и охраны от разрушения силами природы и человеческими руками.—Ценность судакских древностей для истории и археологии.—Необходимость систематического обследования и раскопок.—Практическое значение обследования водоснабжения в старину, как материал для разрешения важных хозяйственно-экономических вопросов современного Судака.—Организация „хранилища древностей Судака и его окрестностей“.

Из доклада видно, что при работах текущего лета в судакской мечети была открыта штукатурка и обнаружилась прекрасная резьба по камню; около мечети найдены обломки изразцов, между прочим с двуглавым орлом (?). В окрестностях обращают на себя внимание руины древнего сооружения, так называемый „храм Дианы“.

Доклад сопровождается оживленными прениями. А. И. Некрасов находит, что доклад возбуждает любопытство, не удовлетворяя его: он заключает в себе слишком много общих соображений. Искали древне-русский Сурож.—это имеет огромный интерес и для русской истории, и для археологии, и для искусства, и это должно было бы явиться руководящим принципом в изысканиях. Докладчик только указывает памятники, не давая материала для их понимания и ограничиваясь общими суждениями. Понятие „Византия“ нужно уточнить: какая именно Византия,—Константинополь? Малая Азия? Влияние итальянцев могло начаться ранее их фактического строительства в Судак: так, теперь мы знаем, что итальянцы в Москве XV в.—не начало, а конец периода. Алевиз прежде Москвы строил и на почве Крыма. Изображение на обломке керамики, реконструируемое докладчиком, как двуглавый орел, повидимому,—птица в профиль с несколько поднятым кверху крылом,—изображение, распространенное и в русском искусстве. У. Боданинский думает, что найденный возле мечети обломок поливной облицовочной плитки интересно было бы сопоставить со старокрымскими: лазоревый цвет на судакском фрагменте более светлый, полива наведена на белую основу, тогда как на старокрымских—цвет более яркий, полива нанесена непосредственно на красный кирпич; старокрымские обломки, повидимому,—из облицовки куполов, судакский, может быть, с михраба. Скульптурное обрамление окна напоминает окно мечети, найденной на территории Чуфут-кале: это сельджукская (XIV в.) трактовка византийских мотивов. Донышки глиняных сосудов по обработке, технике обжига, рисунку резцом—совпадают со старокрымскими фрагментами XIV в. А. С. Федоровский также полагает, что керамика не византийская, а золотоордынская. Н. Е. Макаренко спрашивает, почему руина носит название „храма Дианы“? По предъявленным остаткам строительных материалов это—сооружение XIV в. н. э. А. И. Полканов недоумевает, на основании каких данных докладчик считает Сурож „русской колонией“. По замечанию В. М. Зуммера, голубой цвет мусульманских облицовочных изразцов, конечно, воспроизводит небесную лазурь: в панегирике говорится, что изразцовый купол Биби-Ханым соперничает с небесным сводом. Но есть колебания в оттенке: насыщенный голубой—в Самарканде, особенно густой и яркий—в Анау, буроватый—в Бухаре и после-узбекских постройках Самарканда. Скучноватый серый тон судакской плитки аналогичен тону изразцов раскопанного самим В. М. Зуммером этим летом мавзолея Аксадан-баба в Барде. Н. Д. Протасов замечает, что доклад снова возбудил интерес к Судаку. Докладчиком проделана большая работа по собиранию подъемного материала. Найденные гончарные трубы—разного диаметра и назначения: городского водопровода и водопровода ирригационного—для оводнения виноградников и садов. „Храм Дианы“ названию своему не отвечает: в нем различимы два слоя штукатурки,—XIV, может быть, конца XIII в., и какие-то поделки XVI в. Для дальнейших работ нужно покончить с планом, которому следовал с таким энтузиазмом докладчик. А. А. Фомин заявляет в ответ на все замечания, что возбудить интерес к комплексу памятников Судака,—памятников, с обследованием которых нужно спешить в виду их угрожающего состояния,—и составляло цель доклада. Ответ на поставленные вопросы есть задача последующего изучения, в котором должен принять участие целый ряд специалистов.

Вопросу о судакских древностях посвящен и следующий доклад—Ю. В. Готье „Расчистка базилики в „Георгиевской“ башне судакской крепости“.

„Углубленная археологическая разведка, выразившаяся в работах по расчистке засыпанной внутренней части башни „Георгия“, была предпринята в целях выяснения существования в этой засыпанной части стенной росписи, остатки которой сохранились на северной стене и в конхе абсиды. Это выяснение стояло в связи с заданиями Центральных Реставрационных Мастерских Главнауки в Москве.

¹⁾ Докладчиком представлено в Ред. Коллегию только печатаемое ниже содержание доклада.

Настоящее сообщение носит, естественно, лишь предварительный и информационный характер, так как докладчик еще не мог успеть подвергнуть свой материал обработке. План базилики представляет собою прямоугольник с алтарной абсидой. Первоначально базилика была вымощена на бутовой кладке, покрытой известковым раствором с мелким щебнем. Пол сохранился плохо и мог быть установлен только местами. В абсиде пол такого же типа; он возвышается над полом нефа приблизительно на 15 сантиметров. Обвалом камней, вероятно, упавших со свода, он был придавлен и сохранился удовлетворительно только около стены. В более позднее время в базилике был настлан новый деревянный пол, на что указывает каменная грядка, перпендикулярная к западной стене (30—35 сантиметров над уровнем основного пола), служившая основанием для деревянного настила, истлевшие остатки которого сохранились во всем нефе на уровне упомянутой каменной грядки. Еще позднее на высоте 80—85 сантиметров над уровнем первоначального пола в засыпанной земле базилике был устроен новый пол, при чем в большей части площади это был пол земляной, а вдоль северной и части западной стены пол был устлан плохо пригнанными одна к другой плитами; полоса, устланная плитами, — 40—45 сантиметров шириною. Вероятно, в то же время для культовых целей алтарная абсида была отделена от нефа перегородкою из тесаных камней шириною в 24—25 сантиметров; камни лежат на земле один под другим в два ряда; перегородка, начинаясь вплотную у южного плеча абсиды, у северного плеча отходит от последнего на расстояние около 20 сантиметров, что может указывать на небрежность восстановительных работ этого времени. Вероятно, одновременно дверь в южной стене базилики, заложенная до половины, была снабжена порогом в виде широкой плиты, положенной на камни и частью на насыпную землю.

„Каменная гряда, соответствующая второму полу, настил из плит, перегородка и камни, которыми заложена дверь, оставлены в неприкосновенности впредь до осмотра специалистом-архитектором. Отсутствие такого специалиста-архитектора, — обстоятельство, устранить которое участники работ не могли несмотря на все свои усилия в этом направлении, — привело к тому, что расчистка южной стены башни-базилики с внешней ее стороны была приостановлена и начатая траншея засыпана. В засыпанной части новых остатков стеной росписи не обнаружено.

„При работах сделаны были следующие находки: 1) камни тесаные, 2) обломки черепицы, глиняных сосудов и водопроводных труб, 3) обломки поливной керамики, 4) мелкие куски костяных поделок, стекла и бронзовых предметов, 5) железные гвозди, кинжал и остатки мелких неопределенных предметов, 6) куски стеной росписи (подлежат определению), 7) 14 монет (еще не определенных), 8) 14-гранный металлический предмет (еще не определен); 9) небольшой эмалевый образец на золотой пластинке (еще не определен)“.

В заключение докладчик выразил надежду, что в башне удастся устроить покрытие для предохранения площади работ от дождя. По его мнению, исполненные работы, носившие, по существу, разведочный характер, должны послужить исходным моментом к оживлению интереса к более деятельному изучению судакской крепости и других памятников древности в Судаке.

Доклад вызвал продолжительное обсуждение. *А. И. Полканов* выражает недоумение по поводу плана, которому следовал докладчик при обследовании башни. Обстоятельством, приведшим к производству работ, докладчик назвал необходимость расчистки фресок: какие же результаты дала эта расчистка? и почему расчистка фресок повела к углубленной раскопке? почему снята раскопкой часть стены? Архитектор был бы прислан, если бы Центр. Музею Тавриды, в ведении которого находится судакская крепость, было известно, что предполагаются раскопки. После раскопок памятник остается раскрытым, нуждающимся в охране: пойдут дожди, некоторые камни уже свалены экскурсантами. Между тем кредита на непредвиденные расходы нет, и необходимые суммы можно будет испросить разве только на будущий год. Впредь в смету по раскопкам надо бы включать сумму на те сооружения и меры, какие могут понадобиться для охранения памятника после произведенной раскопки. Охрану крепости удалось усилить: есть смотритель и летний сторож. Производимым обследованиям нельзя не радоваться, но их надо бы вести систематически, по выработанному плану. *Н. Е. Макаренко* интересуется, какого характера были произведенные обмеры? Точные — засечками, треугольниками — или только по ширине и длине? „Фреска“ — общий термин: ни одного куска фрески в представленных обломках нет: это — темпера или клеевая краска. Золотой эмалевый образец, — очень ранний, очень хороший, — значительно старше монументального здания, где он найден.

П. И. Голландский замечает, что раскопки, касающиеся памятников архитектуры, нельзя вести без специалиста-архитектора. Нужны специальные обмеры, хронологическое определение слоев: по тому, как упали камни, можно реконструировать обвалившийся свод. В резном орнаменте есть элементы тюркские и армянские. Основная конструкция здания — итальянская, но выполнена она, повидимому, руками малоазийских, армянских мастеров. *А. И. Некрасов* также останавливается на особенностях конструкции здания. Из плана не видно, какой внешний контур соответствует внутреннему прямоугольнику здания. При тесноте алтаря естественно предположить, что престол был примкнут к стене, — тем более, что настенное изображение Пантократора поднято над предполагаемой высотой престола. Церковь и башня, — построены ли они одновременно? или над церковью надстроена башня? или низ башни приспособлен под церковь? Базилика вытянута с юга на север. Каково было ее покрытие? Поперечно направленный коробовый свод указывал бы на влияние Востока. Характер орнамента: пальметка — византийская, но с типичными армянскими признаками, спиральный завиток — армянский. Образок — первоклассная вещь, но, возможно, особенно глубоко отодвигать его во времени не надо. В нем есть черты, напоминающие Кавказ, где особенности стиля традиционны. *Э. Г. Оксман* сообщает, что многогранник, найденный фон-Штерном в Феодосии, был определен им, как детская игрушка: таково же, повидимому, назначение подобного предмета и из раскопок в Георгиевской башне. По объяснению *Д. П. Гордеева*, собственно грузинская техника эмали знает особый прием укрепления полосок, отбор смальты; если эмалевая иконка из раскопок подлинно кавказская, то она из грекофильских, примыкающих к византийским. Нельзя говорить об этом определенно до расчистки, но тонкость исполнения иконки напоминает лучшие образцы. *Ю. В. Готье* указывает, что одна сотрудница Центральных Реставрационных Мастерских выполнила подробные копии сохранившихся стенописей Георгиевской церкви; хотелось пойти ей навстречу, — проследить, не идет ли живопись глубже, под мусорный слой. Расчистка дала обломки росписи, отысканные в культурном слое; на стене живопись, может быть, сохранилась вдоль северной стены, закрытая оставленным при раскопках более поздним плиточным настилом. В виду того, что ожидавшиеся к раскопкам архитекторы (*Б. Н. Засыпкин*, *П. И. Голландский*) не приехали, работы сознательно не были закончены, — не сделано ничего, что могло бы затруднить необходимое систематическое исследование, — даже часть обвала оставлена. Разобрана не стена, сняты лишь одна или две плиты, положение которых зафиксировано. Разведка имела целью наглядно показать, чего можно ждать от раскопок в Судак, — какую богатую археологическую жатву они обещают.

Заседание заканчивается слушанием краткого доклада *Э. Г. Оксмана* „Сокровища Эрмитажа в костелах степной Украины и Крыма“.

Докладчик огласил найденное им в архиве Одесского Музея письмо кн. А. Голицына к герцогу Ришелье от 13 апреля 1812 г. К письму этому приложен список 30 картин, передаваемых в костелы степной Украины и Крыма. Список содержит указание мастеров, школ, названы картины Гальса, Рибейры, Луки Джордано и др. Список, несомненно, послужит к разысканию и определению ряда картин.

Н. Е. Макаренко по этому поводу замечает, что инвентари Эрмитажа составлял в начале XIX в. Лабенский, человек знающий. Нет поэтому причин заподозрять ни списка, ни картин. И список ценный, и картины ценные, — нужно их разыскать.

По докладам *Г. А. Бонч-Осмоловского*, *А. А. Фомина* и *Ю. В. Готье* выносятся резолюции о необходимости производства раскопок при участии геолога и архитектора и обязательно в контакте с местными музеями, о принятии мер к охране обнаруженных памятников старины и продолжении начатых работ по археологическому обследованию Судака (см. свод резолюций).

III. Заседание 13 сентября.

Председательствует *И. Н. Бороздин*.

Слушается доклад *В. А. Пархоменко* „Киевская Русь и печенеги (к вопросу о взаимоотношении Киевской Руси со степью)“.

Доклад, посвященный исторической теме, имеет целью направить внимание археологов на пересмотр вопроса о культуре печенегов. Печенеги до сих пор рассматривались, как народ дикий, „бедной, грубой, однообразной культуры“, как минус в истории культуры и катастрофа для Киевской Руси. Но торговая роль печенегов, их постоянные торговые сношения с Херсонесом и Византией делают печенегов участниками в материальной культуре последних. Свидетельство Константина Багрянородного о том, что россы стараются жить в мире с печенегами, что без печенегов их и в Царьград не пускают, получает особенное значение.

Часть славянских племен вместе с печенегами движется с севера Кавказа к Днепру. Княжение Игоря — время утверждения, строительства Киевского государства — характеризуется дружбой с печенегами. Время Святослава — время борьбы: мы не можем учесть

всех деталей, но возможно, что здесь играет роль личность самого Святослава, его наступательная политика, торговая конкуренция. В борьбе Ярополка с Олегом Древлянским и Владимиром печенеги поддерживают Ярополка, мстят за его смерть. Эпоха Владимира затемнена легендами. Владимир выступает как противник степи, как представитель другого начала: он пришел с севера, с варягами. Все же некоторый контакт с печенегами есть: печенеги готовы креститься, — Владимир посылает к ним епископа. В это время проникает и мусульманство: борьба народов и религий. Степь в лице печенегов и север — варяги — сталкиваются в борьбе Святополка и Ярослава: печенеги защищают Киевское государство от варягов, и Святополк опирается на эту силу. Его роль затушевана династически-религиозной легендой („Окаянный“). Победа варягов над печенегами вызвала новую силу — хазар. Диверсия: приход Мстислава Тмутараканского с хазарами и печенегами. Хазары ищут рынков на Днепре, идут на помощь печенегам. Мстиславу не удается утвердиться в Киеве. Он садится в Чернигове, а Ярослав, которого летопись хочет выставить в дружбе со Мстиславом, уходит на север, в Новгород. Разгром печенегов в 1036 г. связан со смертью Мстислава, гибелью хазарского царства, тяготением печенегов к югу, на Балканский полуостров. С 1036 г. начинается новое Киевское государство. Только с этого времени Ярослав, опирающийся на варягов и сам женатый на варяжке, начинает свою восстановительную деятельность. Но печенеги не исчезают сразу с исторической сцены — до второй половины XII века они еще играют некоторую роль, как племя.

История сложения Киевского государства не так проста, и роль в нем печенегов — положительная роль. В борьбе леса со степью, севера с югом печенеги поддерживают старый порядок Киевской Руси. Печенежские кочевья не так далеко от Руси, — они от Сулы двигаются на Киев, граница их — по Альте и Трубежу: печенеги-запорожцы. И только усилия варяжского оружия и победа его выводят из государственного строительства Киевской Руси эту силу.

Приступая к обсуждению доклада, *Ю. В. Гомье* замечает: „Ценность доклада В. А. Пархоменко — в его интуиции; слабость — в нетвердой обоснованности историческими данными. Печенеги активно вмешиваются в государственное строительство, как положительная сила: на чем это основано? Часть славян могла итти с востока вместе с печенегами, могла и не итти. О времени Игоря мы почти ничего не знаем. Святослав — представитель торговых интересов варяжской дружины: но он ли наступал на печенегов, они ли на него? „Печенеги помогали обороняться против северян-варягов“: а может быть, их просто приводили, как наемников, грабителей, как половцев в XII в.? „Владимир посылал к половцам епископа“, — и ничего из этого не вышло. Почему это свидетельствует о добрых отношениях с печенегами? И что мы знаем вообще о Мстиславе? Печенеги не преобладают в степях: когда их уводят на Балканский полуостров, они становятся орудием греческого террора для болгар. „Торговые посредники владели Запорожьем“: держали пороги, били плохо защищенных, — это не посредничество, а бандитизм. Предположения нужно подтвердить письменными источниками, материальными остатками. Но как это сделать?“ По мнению *Д. П. Гордеева*, изложенные докладчиком русские материалы о взаимоотношениях со степью для XI и XII вв. интересно сопоставить с материалами юга Кавказа. Во всяком случае в истории Грузии с эпохи Давида-Возобновителя и до эпохи Тамары, т. е. в момент наивысшего процветания, степняки играют весьма важную роль в организации военной мощи государства, являясь орудием борьбы с феодалами и постоянным ядром царского войска. По всем видимостям, именно при посредстве кипчаков состоялся брак царицы Тамары с княжичем. Поэтому нужно предполагать, что уже одно столь длительное и тесное общение степняков с культурным грузинским миром не могло не отразиться на уровне их культуры. *А. С. Федоровский* находит нужным очертить археологический характер печенегов. Кочевнические древности — аморфная масса: лишь постепенно выделяются, например, татарские древности, — высокая культура Золотой Орды, — „половецкие“ серьги, „торкские“ гривны. Но печенежская культура наименее известна, — меньше даже, чем гуннская. Повидимому, по культурному уровню печенеги — не выше торков, половцев. Убоги печенеги и по культуре погребений. Всадник везет на лошади во вьюке или в караване оружие, сбрую, ножницы для стрижки скота. Высокой печенежской культуры мы до сих пор не знаем. *В. П. Бузескул* обращает внимание на то, что основная мысль доклада — „печенежская культура не была столь первобытной, как принято думать“, — стоит в связи с общим течением современной исторической науки, — стремлением ее представить примитивные народы по культуре выше. Так утверждает о скифах и сарматах — Ростовцев, о древних германцах — Добш, об африканских народах — Фробениус; ставится на пересмотр вопрос о татарах. Развитие исторической мысли идет не прямолинейно, а зигзагами. От пересмотра упущенного естественно уйти в крайность, которая затем потребует оговорки, ограничений. Но и возвращение к старому станет уже после такого пересмотра невозможным. *В. А. Городцов* останавливает свое внимание на археологической стороне вопроса. Выделяя достаточно уверенно из общей массы кочевнических погребений торков, половцев и татарские — языческие и мусульманские, мы, по его мнению, до сих пор не знаем даже гипотетической группы погребений печенежских. Погребение с конем на берегу Роси, которое Бранденбург

рассматривал, как печенежское, а Антонович — как славянское, оратор признает торкским: торки были переведены на Рось, как союзное племя. Более высокая переоценка культуры кочевников справедлива в отношении скифов и сарматов: тысяча золотых предметов, глиняная, терракотовая посуда. Подтверждается это и татарскими погребениями второго периода: в то время как татарские языческие погребения бедны, — татары в России представляют высокую, быстро развившуюся культуру, правда, кочевую, но превышающую тогдашнюю русскую. Данными археологии исторические соображения докладчика покуда не подтверждаются; но возможно, что в нашем музейном материале есть невыделенные печенежские вещи. В. А. Пархоменко оговаривается, что в кратком докладе не могли быть приведены все доводы в пользу высказанных им предположений, но и немногие, приведенные им, по его мнению, оппонентами поколеблены не были. Не нужно переоценивать печенегов, видеть в них культуртрегеров, народ высоко-цивилизованный. Но традицию, представлявшую идеальное славянское государство посреди дикого кочевнического моря, нужно пересмотреть. Жаль, что археология этого вопроса не решила, — тем нужнее было обратить на него ее внимание.

Собрание переходит к слушанию доклада Ю. Ю. Марти „О результатах работ экспедиции Керченского Музея по обследованию городищ Киммерика, Китэя и Акры на Керченском полуострове летом 1927 г.“

„Еще в 1817 г. основоположник боспорской археологии П. А. Дюбрюкс приступил к обследованию района горы Опук. Результаты этого обследования сохранились в виде планов Киммерика и „Акры“ (Зап. Од. Общ. Ист. и Др., II т.), изданных И. Бларамбергом, и любопытнейших записок П. Дюбрюкса, где Опуку и Акре посвящены страницы 67—83 (там же, т. IV): „Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море“.

„Небольшая керченская экспедиция, в которой, кроме директора музея Ю. Ю. Марти, приняли участие архитектор В. И. Деренкин, сотрудники музея Л. Ф. Димиденко, С. И. Кузнецов и хорошо знающий район такильский крестьянин Т. А. Савченко, начала свои археологические и топографические работы 11 июля 1927 г. в районе г. Опук (в 45 верстах от Керчи). Задача экспедиции была обследовать ряд забытых и заброшенных городищ, снять топографические планы их, сделать пробные разведки в городищах и окрестных некрополях для выявления их культуры.“

„Прежде всего экспедицией была обследована длинная стена, идущая от гор. Киммерика до озера Элькен. Местоположение Киммерика точно локализуется благодаря ясным указаниям автора Безыменного Перипла на два небольших скалистых островка, находящихся против него в море. Скалы эти, напоминающие парусные суда, называются Элькен-Кая (корабли-скалы). Фундаменты оградительной стены городища, шириной в 2,13 метра, сохранились до сих пор на расстоянии 465 метров. Стена состоит из двух рядов больших дикарных массивов, сложенных насухо. Самое городище Киммерик, план которого опубликован Бларамбергом (там же, т. IV), в настоящее время сильно разорено. В 1913 г. помещиком Сулейманом Аджи, устроившим в районе городища пристань и хлебные амбары, из почвы древней территории был извлечен весь камень, как прекрасный строительный материал. Несмотря на разорение, старинный план Бларамберга вполне увязывается с очертаниями остатков городища.“

„По обилию черепков скифской посуды наряду с остатками посуды чернолаковой и краснолаковой в городище явно преобладало скифское население. В районе городища обращают на себя внимание особые сооружения круглой и квадратной формы из огромных дикарных камней, служившие, по всей вероятности, ограждениями человеческого жилья. В одном из таких ограждений экспедицией выявлено два культурных наслоения: античное с остатками цветной облицовки стены и позднее византийское с монетами императора Иоанна Цимисхия. Сделаны обмеры городища. Небольшой портовый город Киммерик нельзя представить себе обособленным, — он входил в общую систему укреплений горы Опук, представлявшей собою огромную неприступную крепость (рис. 15). С востока, севера и запада ровное скалистое плато совершенно неприступно благодаря крутым, обрывистым скалам. На восточном углу плато хорошо сохранилась небольшая крепостца, с северной стороны защищенная мощной цитаделью квадратной формы со стенами толщиной свыше 4 метров. В двух местах сохранились фундаменты башен, видны следы ворот. Перед крепостью —

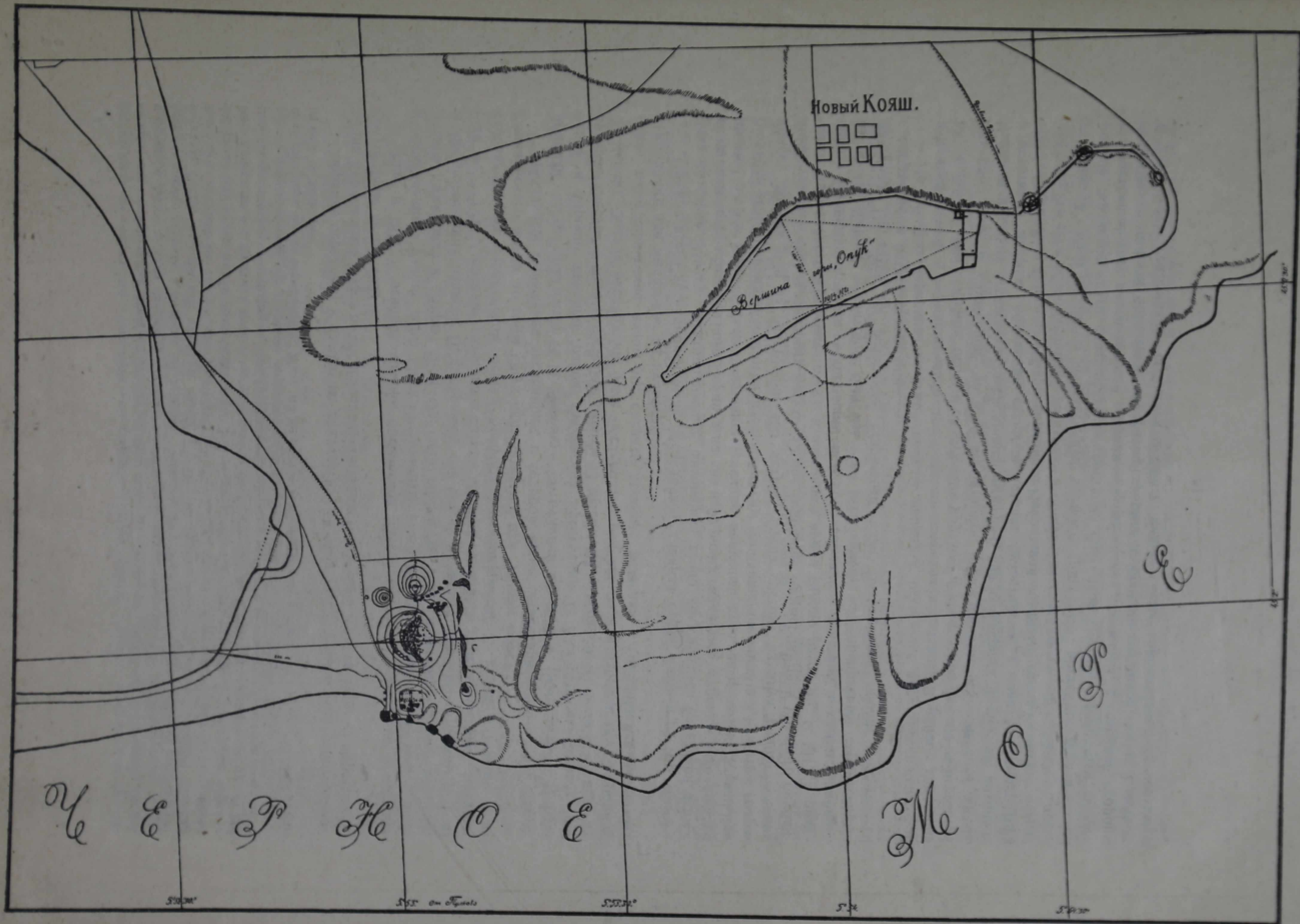


Рис. 15. План горы Опук.

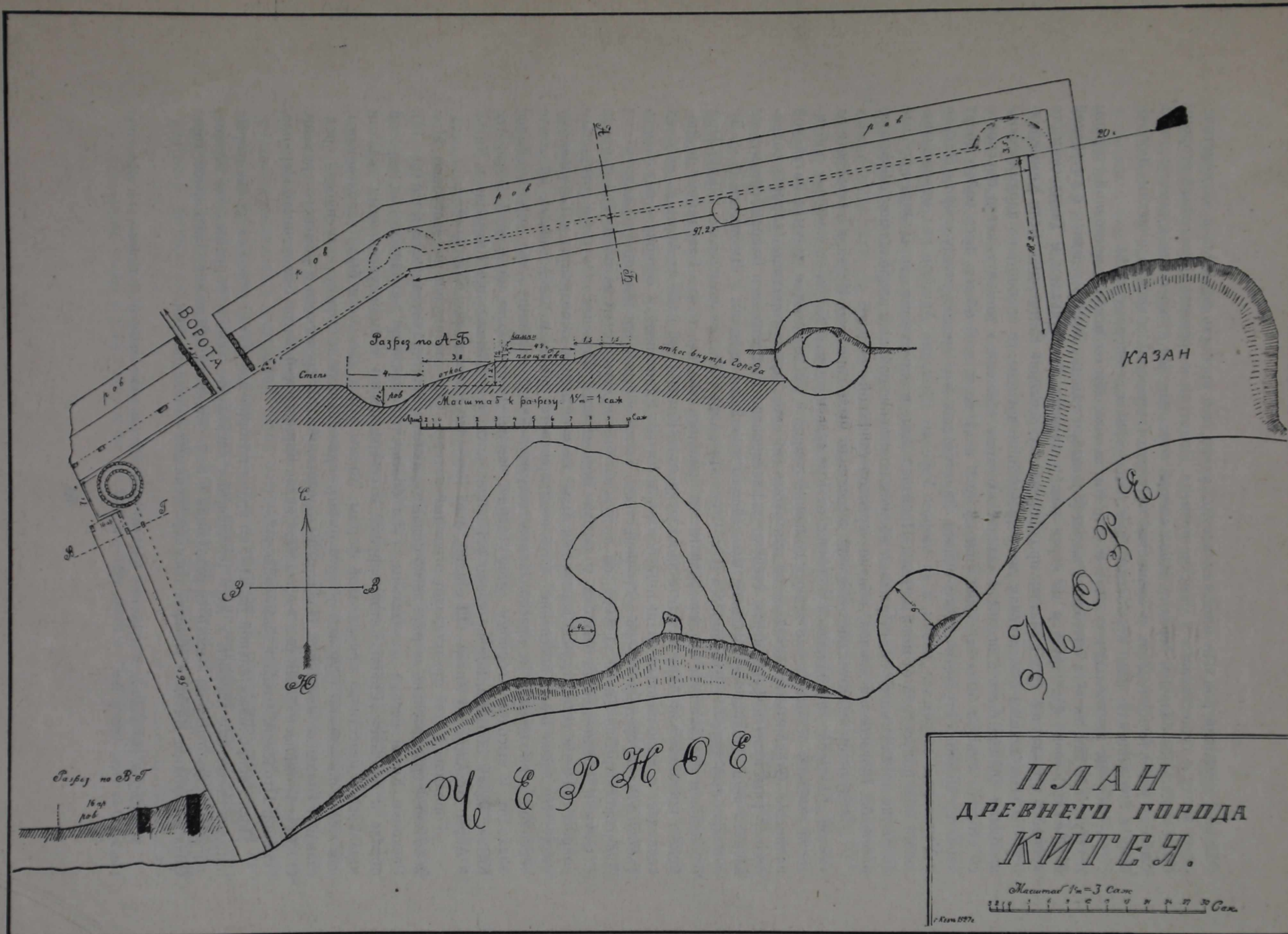


Рис. 16. План древнего города Китя.

большой глубокий ров. По остаткам посуды видно, что крепость возникла в эллинистическую эпоху и существовала в римские времена. Подступы к крепости с восточной стороны были защищены большой оградительной стеной, спускавшейся от крепости к самому морю. Система укреплений г. Опук и крепостца на плато (акрополь) подробно описаны Дюбрюксом в его записках; план крепостцы снят топографически впервые нами.

„Дюбрюкс предполагал, что это и есть Китэй, который он искал у восточной стороны г. Опук. Так как Китэй в настоящее время (благодаря находке в 1918 г. плиты с китэйской надписью¹⁾) точно фиксируется на карте между маяками Кыз-аульским и Такильским, то крепость правильнее будет считать продолжением укреплений Киммерика. Если Киммерик-порт по всем данным существовал уже в древнейшие времена, то крепость по керамическим находкам должна быть отнесена к эллинистическому времени, к моменту, когда опасность со стороны скифов была особенно сильна, ко II веку до н. э. В общем, весь район носит характер важного стратегического пункта. Заметим еще, что проход между озером Элькен и Узунларом загражден валом, а за озером Узунлар проходит Аккосов вал, перерезывающий весь полуостров от моря до моря. Произведенные в окрестностях горы Опук пробные вскрытия древних могил подтверждают военное положение района и преобладание скифского населения (погребения воинов, обилие черепков скифской посуды).

„Следующим пунктом обследования экспедиции было городище Китэя, в полуверсте за скалой „Скирдой“, находящейся недалеко от Кыз-аульского маяка. Опрос живущих поблизости рыбаков оставляет вне всяких сомнений вопрос о месте находки плиты с китэйской надписью. Странным представляется при этом, что такое яркое городище (хорошо сохранились рвы, валы и фундаменты стен) не зафиксировано Дюбрюксом и Бларамбергом и не заснято ими. Подробное описание ближайшего городища находим у Дюбрюкса (I. с. II), а подробный план — у Бларамберга (I. с. IV), — это „Акра“. Где же помещалась Акра? При ближайшем знакомстве с топографией Китэя пришлось убедиться, что Бларамберг и Дюбрюкс предполагали Акру на месте вновь открытого Китэя и что план их Акры до мелочей совпадает с выполненным экспедицией планом Китэя. Единственная ошибка — неточность съемки угла на середине северо-восточной стены. Таким образом, вполне понятны недоумения Дюбрюкса: приняв Китэй за Акру, он вынужден был искать Китэй на восточной стороне г. Опук и предположить ошибки у автора Безыменного Перипла. Остается открытым вопрос, где же в таком случае деревушка Акра? Ее необходимо передвинуть к Такильскому мысу. Что здесь было поселение, — это подтверждается обилием разбросанных по земле черепков чернолаковых и краснолаковых сосудов. Самое название Акра гораздо более подходит к высокому горному мысу Такиля, чем к сравнительно низменной местности Китэя. Таким образом, вполне точно устанавливается местонахождение Киммерика, Китэя и Акры: от Акры до Китэя — 12 стадий, а от Китэя до Киммерика — 65 стадий.

„Городище Китэй представляет огромный интерес. Оно совершенно не застроено. При небольшой сравнительно затрате легко обнажить и стены, и рвы, затянувшиеся землей (рис. 16). Раскопки Китэя весьма желательны, — тем более, что городище находится под угрозой обвала и оползней. Район Китэя окружен с севера цепью холмов, увенчанных скалами мшанкового известняка причудливой формы. Холмы эти в древности были использованы, как места погребений (курганы и катакомбы); прилегающая к городу низменность представляет сплошное кладбище. Найдены разоренные могилы греческого и римского времени. О Китэе упоминает целый ряд писателей: Скилак Кариандский, автор Безыменного Перипла, Плиний, Птолемей, Стефан Византийский“.

После непродолжительной беседы, во время которой докладчик отвечает на некоторые предложенные ему вопросы и дает разъяснения касательно демонстрируемых им планов, чертежей и фотографий, выносится резолюция о желательности признания Пантикапея, горы Опук и городищ Китэя и Нимфэя государственными заповедниками.

¹⁾ Издана В. Латышевым в „Известиях РАИМК“ т. II, 1923. См. также статью К. Э. Гриневича в „Известиях Таврич. О-ва Ист., Арх. и Этн.“, т. I (58), 1927, стр. 48.

Затем слушается доклад А. А. Захарова „Керамика Богаз-кёя и аналогичная ей керамика Закавказья и Крыма“.

„На Археологической Конференции в Керчи в 1926 г. мною были указаны некоторые основания, по которым можно предполагать существование в Крыму, во всяком случае в его восточной части, слоя „хеттской“ или „малоазийской“ культуры. В настоящий момент я позволю себе указать еще добавочные соображения по этому поводу. До последнего времени мы не могли опираться на керамику, поскольку керамика как южных (из раскопок в Кархемыше), так и северных хеттов (из раскопок в Богаз-кёе) не была издана. Теперь Хоггартом (*The Kings of the Hittites*. London. 1926) изданы образцы из первых раскопок, и, благодаря любезности архитектора Г. М. Людвига, я имею возможность представить здесь образцы керамики, собранной им в Богаз-кёе. Форма первой керамики — плоская чаша на высокой ножке — повторяется в сосудах из Ялайлу-топе, но пока она не попала мне в других местах. На фрагментах же из Богаз-кёя следует остановиться более внимательно.

„По технике все имеющиеся налицо фрагменты можно разбить на восемь групп: две — без росписи и шесть — с росписью, — а именно: 1) серая сильно лощеная пористая керамика; обжиг 850—900°; 2) серая с черной поверхностью пористая сильно лощеная керамика; обжиг 850—900°; 3) пористая красная керамика с лощеной поверхностью; обжиг 800—850°; раскраска в один тон железистыми красками; 4) пористая красноватая керамика, сплошь покрытая ангобой из каолина (?), — по ангобе роспись черной железистой краской; обжиг 800—850°; 5) пористая красная лощеная керамика, по лощению расписана в три цвета: каолином, черной железистой и пурпуровой железистой красками; обжиг 850—900° (два типа: более грубый и более высокой техники); 6) пористая красная керамика с окрашенной и лощеной поверхностью; следы росписи; обжиг 850—900°; 7) пористая красная керамика с лощеной поверхностью; роспись по лощению в несколько тонов железистыми красками и каолином; обжиг 850—900°; 8) пористая красная керамика, по обеим сторонам, повидимому, закрашена (?) и залощена; следы гончарного круга ¹⁾).

„Орнамент данной керамики — чисто геометрический, состоящий главным образом из комбинации четырехугольников, треугольников и фестонов. Что касается формы, то ее точно определить по незначительности фрагментов не представляется возможным, но, насколько можно предполагать, она похожа на форму некоторых сосудов из Кархемыша.

„По технике, орнаментировке и форме к описанной богаз-кёйской керамике ближайшим образом подходит расписная керамика Закавказья, которая до прошлого года была представлена лишь спорадическими находками из следующих мест:

„а) находки Федорова 1895—96 гг., находящиеся в Гос. Истор. Музее в Москве и опубликованные А. А. Спицыным в „Изв. Арх. Ком.“ (вып. 29); эта керамика была найдена в Кызыл-Ванке;

„б) подобные же сосуды были найдены Чарковским близ с. Тазакенд, Эриванской губ. и уезда, и хранятся в Гос. Музее Грузии (№№ 2743—2754);

„в) такие же сосуды из раскопок барона де-Бая возле Армавира, Эриванской губ., — находятся в Лувре ²⁾).

„Наконец, раскопки Общества Обследования и Изучения Азербайджана при ближайшем участии И. И. Мещанинова и А. А. Миллера в 1926—27 гг. обнаружили, что область распространения такой расписной керамики охватывает очень обширную площадь, при чем возможно установить несколько типов керамики. Можно думать, она идет и на Запад. В Керченском Музее хранится один сосуд такого же рода. К сожалению, точное его происхождение пока установить не удалось, но, принимая во внимание, что в музей Керчи поступали предметы, найденные или в Керчи или на Тамани, он, по всей вероятности, — местного происхождения. К описанной керамике из Богаз-кёя близка к югу керамика

¹⁾ За точные технические указания докладчик приносит свою благодарность М. В. Фармаковскому.

²⁾ *Frankfort*. *Studies in Early Pottery of the near East*. I. London. 1924 (p. 38, plate V, 1).

позднейшего периода Сузы. Таким образом перед нами вырисовывается определенная область однородной керамики, ограничиваемая пока Керчью на севере и Сузой на юге, и задача крымских археологов — найти на территории Таврического полуострова другие остатки такой же керамики, а также и других остатков „хеттской“ культуры“.

А. И. Маркевич приветствует доклад прежде всего в виду широты его темы, связывающей Крым с хеттами, Закавказьем и Малой Азией. *Д. П. Гордеев* замечает, что доклад утверждает на памятниках материальной культуры то древнее смыкание яфетических племен, которое *Н. Я. Марр* следит по данным языковым и этнологическим. Раскопки в Кызыл-Ванке велись *И. И. Мещаниновым* — от Общества Обследования и Изучения Азербайджана, *А. А. Миллером* — от Закавказской Научной Ассоциации, — *Мещаниновым* в некрополе, *Миллером* — в городище. Это две самостоятельные экспедиции, в разные районы. *Н. Е. Макаренко* сопоставляет материал докладчика с находками *Болтенко* около Одессы. Сведения о них, по его словам, с рисунками должны появиться в очередном выпуске Всеукраинского Археологического Комитета. *А. А. Захаров* делает в заключение оговорку, что термин „хеттский“ нужно ставить в кавычки: он должен быть расчленен на несколько культур и этнических групп.

Слушается доклад *Д. П. Гордеева* „О грузинских грекофильских средневековых памятниках, преимущественно живописных“. По заявлению докладчика, его сообщение имеет чисто информационный характер¹⁾.

Вводная часть доклада посвящена древнейшему до-арабскому периоду грузинского искусства. Выявление основного для восточной Грузии, теперь наиболее обследованной, уклона ее памятников в сторону группы восточно-христианской, а не собственно византийской (попутное сообщение о работах *Г. П. Губинашвили*). Выделение особо вопроса о фрагментах относящейся к „византийскому“ кругу декорации *Джварис-Сандар-и* (около *Мцхета*), где сохранились части мраморных резных плит и колонн, а также и следы мозаики (в абсиде малого храма). Сообщение о фрагментах конховой мозаичной росписи в *Ц'ром-и* (повидимому, века VII); памятник этот, единственный в своем роде, нуждается в подробном обследовании. Необходимость для западной Грузии и Абхазии усиления новых углубленных изысканий и регистрационного, и исследовательского характера. Информация о намечающихся работах в мегрельском *Никалак'ев-и*, каковые предполагается вести соединенными усилиями Кавказского Историко-Археологического Института АН и грузинских научных учреждений. На этот год выдвинута генеральная фотографическая съемка городища.

Период иконоборческий и преимущественная ориентация Грузии на „православные“ культурные центры в халифате (Палестина, Синай). Древнейшие датированные лицевые рукописи палестино-синаяского происхождения (папирусно-пергаментная минея; палимпсест *Тишендорфа* в Публичной Библиотеке).

Усиление политических и культурных связей Грузии с византийской империей при македонской династии. Вопрос о взаимоотношениях „Кавказа“ и „Византии“ в области архитектуры. „Грекофильское“ течение в литературе. Аналогичный процесс в изобразительных искусствах. Древнейшая группа лицевых рукописей, сохранившая пережиточно многие элементы ранних прототипов до-иконоборческого периода (первое *Джрочское* евангелие, евангелие *Адишское* и др.). „Грекофильские“ лицевые и декорированные рукописи, возникшие вне территории Грузии (*Афон*, *Константинополь*, *Антиохия*, *Палестина*); их ближайшее родство с аналогичными памятниками „эпохи вторичного процветания византийского искусства“. „Грекофильские“ украшенные рукописи, возникшие на территории Грузии. Существование лишь оттесненной, но не сошедшей со сцены старой восточно-христианской струи. Древнейшая группа грузинских фресковых росписей в юго-западной и в восточной Грузии; особенности этих памятников. *Гелатская мозаика* (первая половина XII века), как лучший памятник „грекофильского“ течения в области монументальной живописи в Грузии. Фресковые росписи второй половины XII и начала XIII века; особенности этой группы стенописей, имеющей ряд своеобразных течений (*Вардзия*, *Бет'ания*, *Кинцвис-и*, *Берт'убан-и* и др.; *Ахтала* — памятник сложного сборного состава). Процесс гибридации; „византийские“ и местные элементы. Изучение и подготовка публикации *Убисской росписи* (*Ш. Я. Амиранашвили*); вопрос о датировке этого памятника. Росписи переходного времени — XIII, начала

¹⁾ Докладчиком представлено в Ред. Коллегию только печатаемое ниже краткое содержание доклада.

XIV века. Росписи „палеологовского“ периода: а) непосредственно связанные с Константинополем (Ц'аленджиха), б) „грекофильские более или менее гибридного типа (Зарзма, Лыхке в Абхазии, фрески Вамека Дадиана в Хоп-и, Набахтев-и и др.), в) более тесно связанные с ранними традициями (Ч'уле и др.). „Грекофильские“ рукописи переходного и „палеологовского“ периодов.

Памятники мелкой скульптуры (резьба, пластика по металлу); грузинские эмали; монеты.

Стенописи „после-палеологовского“ (т. наз. „афонского“) круга и др. поздние „грекофильские“ памятники искусства Грузии.

Значение „грекофильских“ памятников Грузии для истории византийского искусства и в частности для истории культурно-художественных течений в районе Черноморья.

В последовавшем обмене мнений все ораторы, признавая большое значение и интерес затронутой докладчиком темы, трактованной им с большим знанием дела, отмечают суммарность, как бы конспективность ее изложения. А. И. Некрасов замечает, что за представленным докладчиком общим очерком грузинского искусства трудно было следить из-за отсутствия иллюстраций. В Грузии, на Кавказе вообще, вместо простой линии развития — сложный узел. Культурным центром для Кавказа нельзя мыслить Константинополь: Кавказ тяготеет к какому-то провинциальному малоазийскому центру. При анализе живописи одна иконография всего не дает: нужно выяснить различие стили. Так, Вознесение с крестом вместо Христа встречается и в русских рукописях первой половины XVI в. В. М. Зуммер вспоминает, что он, давно следя за углубленной работой докладчика по изучению грузинской живописи, имел и сам возможность осмотреть вместе с ним некоторые из проанализированных в докладе памятников. Докладчик вовсе не имел в виду дать полную картину развития грузинской живописи: отмечая попутно и влияния христианского Востока, и нарастающие национальные грузинские элементы, докладчик следит не их, но как-раз грекофильскую, непосредственно связанную с Константинополем и выпиской столичных мастеров-греков, традицию, — традицию преимущественно аристократическую, правящих верхушек. И такое сужение темы вполне понятно здесь, в Херсонесе, на земле греческого — античного и средневекового искусства. Можно все же посетовать, что докладчик, с его исключительной наглядкой в грузинской живописи, не имел случая видеть, например, феодосийские росписи и не привлек их в качестве сравнительного материала. А. П. Смирнов благодарит докладчика за его хотя бы и краткое, почти каталожное введение неизвестных грузинских памятников в общее построение византийского искусства. Все же, если грекофильское течение сильно в грузинском искусстве, современном Палеологам, то для предыдущего периода проблема влияния Константинополя перекрещивается с обратной. Жаль, что памятники грузинского искусства, если и издаются, то только в описаниях: рассматривать их можно лишь на местах, куда пробраться трудно. Пусть бы поскорее увидели они свет и нашли оценку. Д. П. Гордеев разъясняет, что в кратком докладе многое осталось только упоминанием, намеком. Из области иконографии подбирались преимущественно примеры пережиточных черт, характерных для провинциальной грузинской струи по отношению к Константинополю. Доклад был ограничен темой: пришлось сознательно отбросить и восточно-христианское и, например, исламское влияние. Грекофильство в Грузии характерно не только для времени Палеологов: мастер мозаик в Гелати, если и грузин, то грекофил. Сосуществование в грузинском искусстве двух полярных тенденций можно проследить и на миниатюрах. Захолустные монашеские памятники дают изображения безбородого Христа, евангелиста, стоящего перед аркадой с раковиной в тимпане. А наряду с этим аристократическое течение поддерживает заграничные университеты, выписывает мастеров-миниатюристов, в грузинские рукописи вшиваются константинопольские миниатюры: характерный пример культурного влияния — эти непосредственные греческие оригиналы в грузинском памятнике. Обсуждение доклада заключается кратким словом *председателя*. „Интересный доклад, — говорит он, познакомил нас с огромной работой, какую ведет докладчик в Грузии: он настойчиво вел ее и в самые тяжелые годы. Можно надеяться, что схематические положения доклада будут развиты докладчиком в той большой книге о грузинской живописи, которую мы все от него ожидаем“.

Последним был заслушан небольшой доклад Н. А. Захарова информационного характера „Первые шаги систематического изучения городищ северо-западного Кавказа“.

„До сих пор обследования археологического характера в северном Кавказе были направлены главным образом на курганные местонахождения. Городища, по существу, тщательному, планомерному, систематическому обследованию не подвергались, хотя древние свидетельства об укрепленных городах в этой области (например, Диодора Сицилийского) должны были бы привлечь к себе внимание. Если эти городища иногда и подвергались обследованию, то оно носило характер отдельных экспедиций, не захватывавших более обширных участков, и не дававших материала для каких-либо общих выводов. Между тем такое более углубленное, систематическое обследование, „могущее дать ответ и пролить свет на многие неразъясненные вопросы, крайне нужно, если принять в соображение, что юг России был местом перекрещивающихся влияний самых различных культур, — малоазийской, закавказской, эллинской. Обследование В. И. Сизовым в 1886—87 гг. городища Ногай-Кале близ

ст. Раевской (20 в. от г. Анапы) осталось одиноким и не вызвало в дальнейшем продолжения его работы, так же, как и обследования Беренштама. Произведенные экспедицией А. А. Миллера разыскания еще не закончены. А тем временем многим кубанским городищам, особенно расположенным по берегам рек, которые смывают ежегодно большие участки культурного слоя, угрожает гибель, и это делает изучение еще уцелевших остатков древности неотложным. При этом первой задачей в деле исследования городищ северо-западного Кавказа является выяснение их наличия, т.-е. составление археологической карты, так как карта Кубанской области Фелицына страдает пробелами и неточностями. Второй задачей следует считать организацию правильного надзора за городищами и сбор разных памятников древности, обнаруживающихся при осыпях, что уже отчасти и сделано в отношении некоторых городищ. Дальнейшим шагом является систематизация и классификация находок, которая бы дала возможность объединить отдельные городища в группы с точки зрения общности культуры.

„Наблюдению и обследованию в последнее время подверглись в большей или меньшей степени следующие городища:

„А. Близ г. Краснодара: 1) городище у переправы через р. Кубань; 2) распавшееся городище на Карасуле; 3) городище близ тюрьмы; 4) городище в окрестности города Панский Кут.—В. Городище близ ст. Пашковской.—С. Городище близ ст. Старокорсунской.—Д. Городища в ст. Усть-Лабинской.—Е. Городище близ ст. Некрасовской.—Ф. Городище близ ст. Тифлисской.—Г. Городище близ ст. Ново-Джерилиевской.

„Прежние обследования дали целый ряд находок, по преимуществу фрагментов керамики разных типов с большим преобладанием мелких сосудов, по большей части грубой выделки, иногда лощеных, весьма различных по орнаментировке,—от штриховой до фигурной (городище на Карасуле и в ст. Тифлисской). Изучение этих находок позволяет установить связь названных городищ с городищем Ногай-Кале, которое В. И. Сизов считает принадлежащим синдам, а Н. И. Веселовский—римлянам. Обследование культурных слоев под Анапой, предпринятое в текущем году с целью установить связь между средне-кубанскими городищами, городищем Ногай-Кале, отстоящим от Анапы на 20 в., и культурными слоями Горгиипии, в отношении культурной их общности, не дало положительных результатов, но привело к интересным выводам в деле изучения древностей и местоположения Горгиипии. Другое обследование, намечаемое в направлении к Ахтарям, должно выяснить отношение средне-кубанских городищ к южному берегу Азовского моря. Предметы, найденные при осыпях и при разведках, относятся к разным эпохам, начиная от каменных орудий, изделий из оленьего рога, остатков костяной индустрии и кончая античными древностями (*Εριψς κροφόρος* в Кубано-Черноморском Музее). Желательно постепенно вовлечь в круг исследования все стоянки северо-западного Кавказа, что помимо чисто археологического интереса имело бы интерес и культурно-этнографический“.

За поздним временем прения по докладу не могли состояться.

По этой же причине был снят доклад Н. А. Щербакова „Аттицизмы в „Троице“ Рублева“.

Тезисы доклада:

1. Херсонес, как один из центров приобщения Древней Руси к античной культуре (эллинской, эллинистической, римской) и византийской. Переживание Древней Русью основ античной культуры и их глубокое усвоение, чем объясняется чуткая восприимчивость искусства русского к византийскому.

2. Выделение из эллинистических (эллино-восточных) основ ранне-христианского и византийского искусства элементов эллинских и восточных (у Гревена—ионийских классических, у Я. И. Смирнова—ассирийских и архаических ионийских, у Д. В. Айналова—классических ионийских и классических аттических).

3. Анализ памятников ранне-византийского искусства (напр., рельефов кресла епископа Максимиана, рельефа из собрания Тривульчи, миниатюры рукописи Космы Индикоплова и др.) вскрывает сходство их композиций и типов с аттическими памятниками эпохи Перикла

(напр., с фигурами на восточном фризе Парфенона, на щите Афины-Девы, на аттических надгробиях) и эллинизма, в частности—Пергама (напр., с фигурами на рельефах большого алтаря, с изваяниями так называемого дара Аттала).

4. Разбор типов ангелов „Троицы“ Рублева приводит к сближению их с памятниками аттического искусства эллинской эпохи,—пластики и живописи преимущественно эпохи Перикла (напр., фигуры Аполлона и Посидона на восточном фризе Парфенона, роспись ваз, аттические надгробия, Эрот Centocelle).

5. На византийских „Троицах“, повлиявших на „Троицу“ Рублева, аттический тип появляется не ранее приблизительно середины XIV столетия.

6. Не было ли так называемое Возрождение при Палеологах классицистическою реминисценцией преимущественно аттических элементов, и не было ли Возрождение на Западе вызвано Возрождением в Византии?

V. ЭКСТРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПРЕЗИДИУМА КОНФЕРЕНЦИИ ПО СЛУЧАЮ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ В КРЫМУ.

В виду происшедшего во время работ Конференции землетрясения, в роковую ночь с 11 на 12 сентября, после первых подземных ударов было созвано экстренное заседание Президиума Конференции для выработки специального воззвания к населению для предотвращения начинавшейся всеобщей паники. Заседание состоялось в 1 час ночи, и выработанное Президиумом обращение, датированное 3 часами утра, тотчас же было по телефону передано в Севастополь Председателю Исполкома для опубликования от имени Конференции. Помещено в экстренном выпуске „Маяка Коммуны“ 12 сентября.

„К населению города Севастополя.

„II Всесоюзная Археологическая Конференция, заседающая в Херсонесе и имеющая в своем составе геологов, призывает население города Севастополя отнестись спокойно к происшедшим подземным толчкам, явившимся в результате действия горообразовательных процессов.

„Никакой значительной опасности городу Севастополю не угрожает.

„Возможные повторные толчки вряд ли примут значительные размеры. Поэтому Конференция призывает население к полному спокойствию и напоминает, что землетрясение опасно только тогда, когда застает население врасплох.

„Долой панику!

„Спокойное и разумное отношение к означенным природным явлениям!

„Президиум II Всесоюзной Археологической Конференции.

„Херсонес, 3 часа утра 12 сентября“.

VI. ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ 13 СЕНТЯБРЯ.

Заключительное заседание Конференции под председательством акад. *С. Ф. Платонова* состоялось в Севастополе, в зале Горсовета, вечером 13 сентября. В целях информации населения относительно сущности происшедшего в это время в Крыму землетрясения перед открытием заседания членом Конференции проф. *А. С. Федоровским* была прочтена лекция на тему о землетрясениях. После лекции началась деловая часть заседания, состоявшая в слушании доклада о результатах работ Конференции генерального секретаря проф. *А. С. Федоровского* и в заслушании и утверждении нижеприведенных резолюций.

По окончании чтения доклада и принятии резолюций с заключительной речью обращается к собранию председатель Конференции акад. *С. Ф. Платонов*. Он указывает на те особые причины, которыми была вызвана настоящая Конференция, ознаменовавшая собою празднование столетнего юбилея херсонесских раскопок, и на ту особенно

благоприятную обстановку, в которой она протекала и которая с редким умением, энергией и любовью к делу была создана директором Херсонесского Музея и руководителем херсонесских раскопок К. Э. Гриневичем, и от имени всех членов Конференции приносит ему живейшую благодарность. Он благодарит затем Главнауку Наркомпроса РСФСР в лице ее представителя Ф. Н. Петрова за оказанную ею широкую поддержку этому научному начинанию, Крымнаркомпрос в лице его представителей У. Балича и И. П. Бирзгала—за деятельное содействие осуществлению Конференции, Севисполком и Горсовет в лице Х. К. Циммера—за сочувственное и предупредительное отношение к ее задачам, докладчиков и прочих организаторов—за понесенные ими труды, способствовавшие успеху Конференции.

После акад. С. Ф. Платонова небольшую речь сказал Начальник Главнауки РСФСР Ф. Н. Петров. Очертив в кратком обзоре работы Конференции и подводя им итог, он находит, что работы эти были весьма плодотворны. В целом ряде докладов были затронуты весьма важные научные вопросы и выработана целая программа различных мероприятий, которыми обуславливаются дальнейшие успехи археологической науки. Он придает весьма большое значение тем пожеланиям, которые выражены в резолюциях, особенно намеченному Конференцией возвращению археологических материалов, связанных с местами, в местные музеи, плановости раскопок, созыву следующего Всесоюзного Археологического Съезда в Москве. Вспоминая о Керченской Конференции прошлого года, оратор подчеркивает значение той большой организационной работы, которая была произведена в Крыму, где на местах древнейших очагов эллинского просвещения—в Пантикапее и Херсонесе—возникли крупнейшие музеи Союза, имеющие мировое значение. С особым вниманием он останавливается на Херсонесском Музее, представляющем целую систему помещений, в которых с большим искусством развернуты все археологические богатства Херсонеса, ставшие здесь доступными не только изучению специалистов, но и пониманию широких масс. Создание этого Музея, выросшего за последние три года, представляет собою плод творческого порыва, и за проявление творчества благодарить не приходится, но нужно думать, что нынешний директор Музея в самом процессе своей творческой работы, давшей столь блестящие результаты, должен найти удовлетворение. Остается лишь пожелать дальнейшего успешного развития этой работы. Что касается проведения в жизнь тех решений, которые вынесены Конференцией, то Главнаука не может осуществить их одними своими силами,—ей для этого нужна помощь советской общественности, содействие местных организаций. Опираясь на эту помощь, она надеется выполнить свой долг перед мировым прогрессом.

Акад. С. Ф. Платонов объявляет Конференцию законченной и закрывает заседание.



Рис. 17. Пирамидальная башня Гераклейского полуострова.

VII. ЭКСКУРСИЯ ПО ГЕРАКЛЕЙСКОМУ ПОЛУОСТРОВУ.

14 сентября после закрытия Конференции была совершена членами Конференции археологическая экскурсия по древностям Гераклейского полуострова. Маршрут был составлен таким образом, чтобы захватить руины древних сооружений, лежащих на Георгиевской дороге, осмотреть Георгиевский монастырь, раскопки 1924 года Научной Ассоциации Востоковедения и островок св. Климента. За поздним временем пришлось отказаться от осмотра Балаклавы и ее крепостных сооружений, а в виду мобилизации всех машин Крым-курсо по случаю землетрясения — ехать на линейках, что значительно замедлило темп экскурсии.

Гераклейский полуостров, простирающийся от Инкермана до Балаклавы, некогда составлял одно целое с Херсонесом. Вся эта местность насыщена древними памятниками в виде грандиозных башен, построенных из огромных камней до 3 метров длиной без всякого связующего раствора. Эти башни встречаются всегда связанными друг с другом системой стен, заплывших от времени землей. Часто башни инкорпорированы в состав



Рис. 18. Башня на южном склоне балки Бермана на Гераклейском полуострове.

сложных комплексов, являясь частью целого. Очевидно, мы имеем дело с несколькими строительными периодами, но эпохи античного строительства, что подтвердили и раскопки 1924 года. К сожалению, работы 1924 года, столь удачно остановившиеся на двух, действительно интересных памятниках, прекратились, не доведя раскопок до конца и не дав вполне ясной картины, и тайна Гераклеи остается до сих пор неразгаданной... Что представляют собою эти памятники, которых насчитывается на территории полуострова свыше 80? Есть ли это система укреплений, своего рода блокгаузов? или это укрепленные фермы тогдашних помещиков? или это, как некоторые думают, система водонапорных сооружений в целях свободного и бесперебойного снабжения района водой? или, быть может, среди них нужно предполагать и сооружения культового характера? На эти и подобные вопросы мы сможем ответить только после основательных раскопок комплекса подобных памятников. Это тем более необходимо сделать, и сделать неотложно, что в настоящее время происходит заселение до сих пор пустынного полуострова новыми насельниками с гор. Уже разбиты

участки для поселенцев, и вскоре уже нельзя будет так свободно производить расследование, как теперь. После осмотра памятников, возбудивших в делегатах естественное чувство удивления и изумления, экскурсия направилась к Казачьей бухте, где осмотрела раскопанный в прежние годы островок с многочисленными средневековыми кладками, свидетельствующими о том, что на этом месте был небольшой монастырь. Этот островок приковал всеобщее внимание, и единогласно было высказано мнение о необходимости доследовать и переиздать его древности. Осмотрев раскопанные Н. М. Печенкиным части оборонительной стены, перерезавшей полуостров „страбоновского Херсонеса“, экскурсия поздно вечером вернулась в Херсонес. Всего участвовало 35 человек.



Рис. 19. Башня против хутора б. Бермана на Гераклейском полуострове.

VIII. РЕЗОЛЮЦИИ КОНФЕРЕНЦИИ.

I. По докладам: директора Херсонесского Музея проф. К. Э. Гриневича „О плане научно-исследовательской деятельности Херсонесского Музея“, архитектора проф. П. И. Голландского „О мерах технической охраны памятников Херсонеса“ и проф. А. Н. Деревницкого „О херсонесских коропластах“ — II Конференция археологов СССР считает необходимым:

а) одобрить план научно-исследовательской деятельности Херсонесского Музея и одновременно с изданием памятников и материалов продолжать раскопки в Херсонесе, приняв за основу означенный план, с внеочередным исследованием мест городища, находящихся в угрожаемом состоянии;

б) считать срочной и неотложной задачей исследование памятников Гераклейского полуострова, в виду происходящего заселения его территории, и просить Главнауку обратить особое внимание на эти памятники мирового значения;

в) в план издания херсонесских памятников внести опубликование херсонесских терракотт, хранящихся в наших музеях, в виду их большого значения для экономической и бытовой истории Херсонеса;

г) просить Главнауку ассигновать необходимые средства для опубликования материалов по раскопкам Херсонеса за 1908—1915 гг.;

д) просить Главнауку об ассигновании необходимых средств для охраны гибнущих памятников Херсонеса, руководясь мероприятиями, предложенными в докладе архитектора проф. П. И. Голландского в виде укрепления стен и защиты их от стихийных влияний;

е) просить Главнауку Наркомпроса РСФСР об увеличении штата Херсонесского Музея путем введения должности архитектора-археолога, 1 научного сотрудника и 2 сторожей;

ж) просить Главнауку Наркомпроса РСФСР об ассигновании средств на оплату временных летних работ практикантов Херсонесского Музея, командруемых ВУЗ'ами и научными учреждениями СССР, в количестве 10 человек;

II. По всем докладам, заслушанным в секционных и пленарных заседаниях, Конференция постановила считать необходимым:

а) чтобы все раскопки проводились по общему производственному плану, согласованному с соответствующими учреждениями;

б) чтобы производство отдельных раскопок осуществлялось в контакте с местными археологическими музеями, в районе которых предполагаются раскопки, с уведомлением их о таковых для возможности совместных работ;

в) чтобы в исполнительные сметы всех раскопок вносилась статья расхода, предусматривающая техническое поддержание памятников и охрану места раскопок.

III. В процессе своих работ Конференция убедилась, что постановление предшествующей Керченской Конференции производить раскопки древнейших (палеолитических и неолитических) стоянок с обязательным присутствием геолога, а более поздних памятников архитектурного характера с обязательным присутствием архитектора для точной и правильной их архитектурной фиксации, не соблюдается, иногда встречая трудно одолимые препятствия к своему осуществлению в условиях, независимых от самих исследователей. Находя это вредным, Конференция подтверждает упомянутое постановление с доведением о том до сведения соответствующих учреждений и организаций.

IV. По докладу директора Керченского Музея Ю. Ю. Марти „О результатах работ экспедиции Керченского Музея по обследованию городищ Киммерика, Китэя и Акры“ Конференция, подчеркивая исключительную ценность и важность сохранения древних городищ в Крыму и в первую очередь Паитикапея, горы Опук и Китэя, как памятников мирового значения, считает недопустимыми на их территории какие бы то ни было застройки, облесение и прочие разрушения. Единственно допустимыми на этих местах работами Конференция признает лишь планомерные научные раскопки и постановляет ходатайствовать перед Главнаукой и через нее перед соответствующими законодательными органами об объявлении Паитикапея, горы Опук и городищ Китэя и Нимфэя государственными заповедниками.

V. По докладам Н. Л. Эрста „О Неаполе скифском“, А. А. Фомина „О памятниках Судака“, проф. Ю. В. Готье „О расчистке храма в Георгиевской башне в Судаке“ и В. Ф. Штифтара и П. Я. Чепуриной „Об отношениях Евпатории к Херсонесу“ — Конференция находит необходимым:

а) продолжать археологическое исследование Неаполя и других скифских городищ в Крыму и приступить к опубликованию сводной работы о Неаполе и его памятниках;

б) организовать производство систематических разведок и раскопок в Судаке и принять меры к охране обнаруженных здесь памятников старины;

в) продолжить раскопки в Евпатории и прилегающем к ней районе, прекращенные с 1917 г., произведя полный учет и повторное обследование памятников, добытых прежними раскопками, а равно согласиться с желательностью возвращения в Евпаторийский Музей археологического материала, добытого раскопками ранее 1916—1917 гг. и находящегося ныне в музеях Симферополя и Херсонеса, и командирования в Евпаторию научных работников с целью изучения ее древностей.

VI. Конференция признает желательным опубликование возможно полного отчета о ее работах в виде отдельного издания и поручает осуществление этого издания редакционной коллегии в составе А. Н. Деревницкого, К. Э. Гриневича и Н. Л. Эрста.

VII. Все дела Конференции подлежат сдаче на хранение в архив Херсонесского Музея.

VIII. Созыв Всесоюзного Археологического Съезда Конференция считает желательным назначить в 1928 году в г. Москве, согласно постановлению Керченской Конференции.

SECONDE CONFÉRENCE ARCHÉOLOGIQUE DE TOUTE L'UNION DES RÉPUBLIQUES SOCIALISTES SOVIÉTIQUES À CHERSONÈSE.

SOMMAIRE.

I. Assemblée constituante de la Conférence du 9 septembre 1927.—Exposé de C. E. Grinévitich, directeur du Musée de Chersonèse, concernant les travaux préparatoires pour la célébration du centième anniversaire des fouilles de Chersonèse et la convocation de la Conférence archéologique.—Exposé de la Commission Mandatrice, sur le personnel dont le congrès se compose (88 délégués de 57 établissements de l'État et sociétés publiques, appartenant à 20 villes de l'Union).

Division de l'Assemblée en deux parties, —Section des antiquités de Chersonèse et celle de l'archéologie générale. Élection des membres, appelés à présider: *S. F. Platonoff*, de l'Académie des Sciences de l'Union, comme président de la Conférence; *A. J. Markévitch* et *C. E. Grinévitich* — comme substitués; pour la Section de Chersonèse *N. J. Novossadsky* — président, *O. F. Waldhauer* — substitut; pour la Section d'archéologie générale *V. A. Gorodtsoff* — président, *J. N. Borozdine* — substitut; *A. S. Fédorovsky* — secrétaire général.

Liste des membres de la Conférence.

II. Séance solennelle. Ouverture de la Conférence. Discours de salutation des représentants de l'Administration Générale des établissements scientifiques de l'État (Glavnaouka), du Commissariat de l'Instruction Publique de la Crimée, des Comités du parti communiste, des syndicats, de l'Armée Rouge, de la Marine, du détachement des jeunes pionniers.

Discours de l'académicien *S. F. Platonoff* sur les premières vingt années du siècle passé (qui furent une époque d'initiative pour l'étude de la Crimée en général et d'un immense intérêt scientifique et social pour le pays).

Accueil des délégués; lecture des dépêches de félicitation.

Exposé de C. E. Grinévitich „Centenaire des fouilles de Chersonèse“ (imprimé séparément).

III. Séances plénières.

a) *C. E. Grinévitich* — „Ancienne muraille de défense, découverte à Chersonèse en 1927“ (formant angle avec l'antique muraille grecque du IV-ème siècle av. J. Chr., sous laquelle elle passe en travers; à juger d'après les fragments céramiques elle peut être datée du commencement ou de la moitié du V-ème siècle av. notre ère).

b) *N. L. Ernst* — „Néapolis Scythique“ (en avril de l'année courante il y a eu cent ans qu'on avait découvert les ruines de Néapolis, la forteresse du roi Skilouros, mentionnée par Strabon. Les fouilles précédentes ont montré des traces d'une colonie tauro-scythe du III-ème siècle av. J. Chr. Pendant les travaux hydrauliques de l'année passée on a pu en constater quelques nouveaux détails topographiques et stratigraphiques. On a déterré les fondements d'une muraille de défense, ceux de quelques édifices, ainsi que des fours, des enterrements, des fragments céramiques etc. Après la floraison pendant deux siècles à peu près (II—I av. notre ère) Néapolis, à ce qu'il paraît, est tombée en décadence).

C. E. Grinévitich — „Au sujet d'un plan de continuation des recherches archéologiques à Chersonèse“ (double problème: la publication des résultats des fouilles précédentes et la continuation

des travaux commencés en l'an 1926 à partir de l'angle sud-est de la ville antique vers le nord; en outre l'exploration de la presqu'île Héracléenne).

P. J. Hollandsky — „Moyens techniques pour servir à la conservation des monuments antiques de Chersonèse“.

IV. Séances des sections de la Conférence.

1. Section des antiquités de Chersonèse.

a) *V. F. Chtiftar* et *P. J. Tchépourine* — „La situation de l'ancienne Karkinitis considérée comme partie du district de Chersonèse“ (l'emplacement de l'ancienne Karkinitis est supposé avoir été l'Eupatorie actuelle).

b) *A. N. Dérévitsky* — „Coroplastes de Chersonèse“ (Chersonèse comme un point important de la production céramique ayant toujours eu non seulement un intérêt purement pratique, mais encore une empreinte complètement artistique dans quelques unes de ses branches; richesse et variété des espèces de terre glaise aux alentours; pluralité des formes et durabilité de la production coroplastique à Chersonèse; insuffisance des études concernant cette question; nécessité de mettre au jour les terres cuites provenant de Chersonèse et de les étudier au point de vue de la matière, de la technique, du style et du sujet comme représentant une école d'art tout à fait locale).

N. J. Novossadsky — „Au sujet de quelques endroits obscurs des monuments épigraphiques de Chersonèse“ (il est proposé de lire dans le serment des chersonésites $\mu\alpha\sigma\tau\tilde{\eta}\rho\alpha$ au lieu de $\sigma\alpha\sigma\tilde{\eta}\rho\alpha$ et d'interpréter le mot $\acute{\alpha}\rho\omicron\kappa\alpha\rho\acute{\omicron}\nu\tau\alpha$ qu'on lit dans le décret en l'honneur d'Aristion dans le sens de „pas réussi“, „pas atteint son but“ par opposition au mot $\acute{\epsilon}\pi\iota\tau\epsilon\tau\epsilon\upsilon\chi\acute{\omicron}\varsigma$).

c) *A. S. Fédorovsky* — „Une statuette en bronze du moyen âge trouvée à Chersonèse“ (une figurine d'homme en cuirasse représentant un cavalier est comprise comme appartenant à la production d'une tribu nomade de l'époque des Polovtses ou de celle de la Horde d'Or).

2. Section de l'archéologie générale.

a) *G. A. Bontch-Ossmolovsky* — „Données préliminaires, concernant les fouilles de l'Expédition ordonnée par le Musée Zoologique de l'Académie des Sciences“ (exploration de l'âge de la pierre en Crimée formant le but de l'Expédition; recherches sur la station Koukrek et la caverne de Syrène; manière de déterrement par carrés et fines lames avec application d'un système de cartes; deux cultures préhistoriques à Koukrek et trois — à Syrène; ossement humain trouvé dans la caverne d'Ourkousté).

T. F. Gelach — „Traces de l'homme fossile à Chersonèse“ (analyse d'une collection d'armes et d'outils de pierre trouvés sur la presqu'île Héracléenne, ayant d'abord appartenu à un archéologue-amateur et se trouvant au Musée de Chersonèse).

b) *V. A. Gorodtsoff* — „Outils de pierre trouvés à Chersonèse et aux alentours“ (les outils de pierre couchent à Chersonèse pour la plupart par petits amas, par nids, au niveau le plus reculé; leur provenance locale est prouvée par un grand nombre de nucléus; le silex et quelques espèces montagneuses dures d'une couleur gris-foncé prévalent; l'obsidien est, à ce qu'il paraît, un objet d'import, — peut-être de la Transcaucasie; on peut discerner divers procédés de façonner la pierre).

A. A. Fomine — „Aperçu des recherches archéologiques préliminaires à Soudak“.

J. V. Gottier — „Sur les opérations de déblai de la basilique qui se trouve dans la tour de St.-George de la forteresse génoise à Soudak“.

c) *V. A. Parkhomenko* — „La Russie de Kieff et les Pétchénergues“ (contrairement à l'ancienne opinion qui voyait dans les Pétchénergues une peuplade grossière et inculte, ils sont considérés d'après leurs relations avec Byzance et les princes russes comme une tribu d'une culture assez étendue).

J. J. Marti — „Sur les résultats des recherches de l'Expédition du Musée Archéologique de Kertch en été 1927 concernant la situation de Kymmérique, Kitée et Acre“ (définition de l'emplacement d'Acre dont la situation peut être supposée dans le voisinage du promontoire Takil; exploration d'une muraille de défense qui s'étend de Kimmérique jusqu'au lac d'Elken).

A. A. Zakharoff—„La céramique de Bogaz-Keï et fragments analogiques trouvés en Crimée et au delà du Caucase“ (il est nécessaire de mener dans cette direction l'investigation des fragments céramiques d'un style purement géométrique qui se rencontrent dans ces contrées).

D. P. Gordéieff—„Sur les monuments géorgiens grécophiles du moyen âge, pour la plupart de la peinture“.

N. A. Zakharoff—„Études préliminaires des stations préhistoriques au nord-ouest du Caucase“.

V. *Séance extraordinaire* du Conseil de présidence à l'occasion du tremblement de terre en Crimée le 12 septembre, à minuit.

VI. *Dernière séance solennelle* de la Conférence le 13 septembre.

VII. *Excursion archéologique* dans le domaine de la presqu'île Héracléenne.

VIII. *Résolutions définitives*.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. Подготовительные работы по организации юбилейного торжества и Конференции	5
Список членов Конференции	6
II. Торжественное заседание Конференции 10 сентября 1927 года	9
III. Пленарные заседания Конференции	20
IV. Секционные заседания Конференции	34
I. Херсонесская Секция	34
II. Секция Общей Археологии	41
V. Экстренное заседание Президиума Конференции по случаю землетрясения в Крыму	59
VI. Торжественное заседание Конференции 13 сентября	59
VII. Экскурсия по Гераклейскому полуострову	61
VIII. Резолюции Конференции	62
Sommaire	64

ЦЕНА 2 РУБ.